

МО
С
К
О

BAZAR

С
К
И
Й

№ 3 (13) 2014

МОССАЛИТу 5 ЛЕТ!

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

*Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.*

*Все жанры хороши,
кроме скучного.*

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный Совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора Немного об осени и о счастье...

Снова осень вкралась в привычный бег нашей жизни. Вошла не спросясь, превратила листья в кармин и золото, задрожала дождями, заблестела на солнце заиндевелой травой. Утром встаешь, смотришь в окно, а вместо серого асфальта узорчатое разноцветье опавших листьев, и низкие тучи, а то вдруг выглянет солнце - и все окрашивается золотом... Осень – пора отгулянных отпусков, закрытых дачных сезонов, сбора урожая и первых холодов, печальная пора увядания. Почему-то с летом мы традиционно связываем надежды на что-то новое, удивительное, приключенческое, а осенью подводим итоги.

Словно год заканчивается не в декабре, а где-то в середине сентября, как когда-то у восточных славян новый год выпадал на день Симеона Столпника. И становится грустно... Вдруг выясняется, что не всем планам, не всем надеждам суждено было осуществиться. Вот и птицы улетают на юг, покидая привычные места, а с ними улетают и наши надежды... Осень – время тоски, грусти и обострения болезней. Пора, когда одиночество ощущается особенно остро, когда вдруг начинаешь понимать, что, несмотря на толпу друзей и родственников, ты одинок в этом мире и следуешь по пути, предназначенному только тебе, и хотелось бы свернуть, остановиться, оглянуться, а что-то тащит тебя вперед. Куда? Зачем? Для чего? Осень... Летом и вспомнить об этом нет времени: нужно придумать, куда поехать отдохнуть, обновить гардероб, сменить прическу, в конце концов; хочется гулять до рассвета, заслушиваясь гомоном птиц. А осенью и на улицу лишний раз выйти лень. Сидеть бы у печи да слушать, как трещат дрова и воет за окном ветер.

И я сбежала ото всех. Сбежала на дачу, как раз в конце сентября – в самом начале октября. Погода была пасмурная, иногда лил дождь, холодный и недружелюбный. Временами он выгонял меня из сада, где работы было еще много. Тогда я заходила в дом, снимала теплые вещи и погружалась в тишину. Особую осеннюю тишину, несравнимую ни с чем. У меня не было ни телевизора, ни радио, соседи давно разъехались, лишь в редких домах вечерами загорался свет. Так что моя тишина была чуткой, но и нарушить ее было некому. Поначалу это было странно – я вслушивалась в неясные и непонятные звуки, наполнявшие дом, и временами это было тревожно. То ли где-то скреблись мыши, то ли бревенчатый дом, живущий своей жизнью, кряхтел и вздыхал, то ли ветер, вползая сквозь неплотные деревянные оконные рамы, шептал мне что-то. Особенно тревожно было ночью, когда тишина смешивалась с кромешной осенней тьмой. На третий день я вспомнила, что в моем телефоне есть музыка! Ура, как я раньше не догадалась! Я включила одну мелодию, затем другую... И вдруг осознала, что они лишние, что здесь, в царстве тишины, им нет места. Тогда я поняла, что гармония окружающего мира не терпит лишних звуков. И мы подружились с Тишиной. Я стала понимать ее язык. Я слышала, как иногда она недовольно ворчала, или устало замолкала и даже что-то напевала. Она жила в моем сознании, а я – в сознании окружающего мира. Мы были единой гармонией сада, дома, леса, реки, опадающих листьев и рваных клочьев облаков, что тащились надо мной, усталые и недовольные, отжимая ненужную влагу. А однажды, уже накануне моего отъезда, вдруг выглянуло солнце. И дом наполнился светом. Выхваченный квадратом окна кусок синего неба, и тюль золотых листьев, и пятна света на полу, и чашка кофе на столе, и... я – как часть этой идиллии. Вот оно счастье! Удивительное и неповторимое! Эйфория переполняла меня. Я

сделала потрясающее открытие – счастье не зависит от времени года. А также от времени и места. Оно бывает шумным, а бывает и тихим. И в одиночестве тоже есть счастье, особое счастье одиночества, гармонии постижения себя самого. Осень – это пора, когда обостряются не только болезни, но и счастье. Ему бывает трудно пробиться к нам через досаду несбывшихся ожиданий, неоправданных надежд, оно теряется в печальных мыслях, тонет в мутных лужах, его трудно разглядеть за утренним туманом тревожных размышлений по пути на работу. Но оно есть. Оно повсюду. Мимолетно, как все прекрасное, но вполне осязаемо и достижимо. И эти листья, причудливым узором окаймляющие дорожки, и кричащие журавли, и капли дождя на лобовом стекле автомобиля, и спешащие куда-то под зонтиками люди за стеклянной панелью кафе, и запах мяты и чабреца в дымящейся чашке чая, и отдаленный гул приближающихся холодов. Все это – счастье. Не чье-то – твое. Просто нужно раскрыть ладони, и оно бережно опустится на них. И тогда вместе с осенними листьями облетят наши тревоги, обиды, разочарования и растворятся в земле, готовя почву новым надеждам.

Будьте счастливы, друзья!

И не забывайте, что осенью счастье подбирается к нам особенно близко.

Главное - не проглядеть!

Ваша Светлана Сударикова

Евгения Кокорева. Нотр Дам, холст, масло, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

ЗНАКОМЬТЕСЬ: Анатолий Аврутин, замечательный человек с поэтической душой и глубоким чувством гражданской ответственности. Девиз Анатолия Аврутина: «Все, что не поэзия - пустое, все, что не пустое - поэзия». Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

- **«ДУША ПОЭТА ОБЯЗАНА БЫТЬ ГОЛОДНОЙ...».**

Интервью с поэтом Анатолием Аврутиным

6

ПОЭЗИЯ

АНАТОЛИЙ АВРУТИН (Беларусь)

14

ДЕНИС МИНАЕВ (Коломна)

23

ИРИНА БЛАЖЕВИЧ (Латвия)

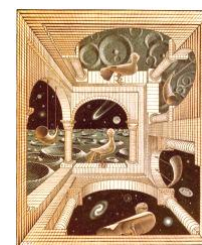
31

МАША ПАНФИЛОВА (МОССАЛИТ, Москва)

35

ОЛЬГА УВАРКИНА (МОССАЛИТ, Москва)

37

АРТ-КАФЕ

Интервью с художником Евгенией Кокоревой:

«В КАЖДОЙ РАБОТЕ ЕСТЬ СВОЯ ПРИЧИНА»

41

ПРОЗА

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ОСЕННЯЯ МИНИАТЮРА № 1*

54

- *ОСЕННЯЯ МИНИАТЮРА № 2*

55

ВАЛЕРИЙ СТАРОВОЙТОВ (Томск)

- *ТЫБИК*

58

ЛЮБОВЬ ПАНОВА, член СП России (Якутия, г. Мирный)

- *ГУЛЬКИ*

63

- *ПРОСТО ТАКАЯ РАБОТА*

65

- *ПОМИНКИ*

70

ВАЛЕРИЙ МИРОНОВ (Беларусь)

- *СЛУЧАЙ ИЗ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКИ*

72

- *ДОЛГИ НАШИ*

78

МАРИ ВЕГЛИНСКАЯ (СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА) (МОССАЛИТ, Москва)

- *ЧТО ТАМ, ЗА МОСТОМ*

84

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ЕВГЕНИЙ ГЕНДЕЛЬМАН (Москва)

- СНОВИДЕНИЯ НИКО ПИРОСМАНИ

ЗИНАИДА КОКОРИНА

- ГЛАВНАЯ МУЗА... К 200-летию со дня рождения
Михаила Юрьевича Лермонтова

97
87
107
90

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЕЛЕНА КОЛЬЦОВА (Красноярск)

- СКАЗОЧНАЯ ПЛАНЕТА ЕЛЕНА КОЛЬЦОВОЙ
Стихи, живопись, графика

119

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- ВСТРЕЧАЮТ ПО ОДЕЖКЕ, или ЧЕРВЯК В ГЛАМУРЕ

122

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН

ВИКТОРИЯ ТОПОНОВА (Москва)

- ВТОРАЯ ЖИЗНЬ РАСТЕНИЙ
Искусство пресованной флористики – ошибана

124

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

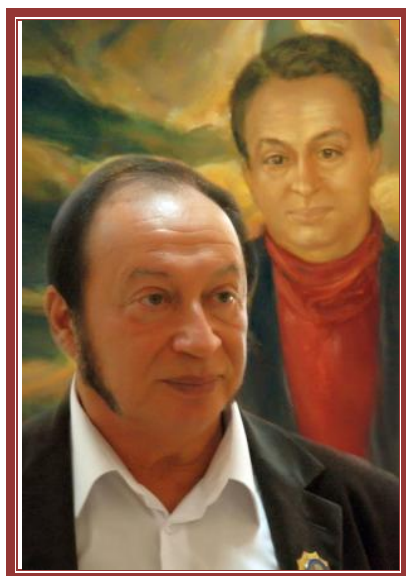
- ДВА ЦВЕТА. Путешествие по Франции

143

В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. К. Эшера, Нико Пиромани,
Е. Кокоревой, И. Бурдонова, Е. Кольцовой,
рисунки А. Народицкой,
фотографии работ В. Топоноговой.

На обложке репродукция картины
Е. Кокоревой «Урожай винограда», холст, масло, 70x90, Vintage, 2008

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

В рубрике «Частная территория» мы говорим об авторских проектах и уникальных людях, которых считаем интересными и достойными того, чтобы рассказать о них широкой аудитории.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: Анатолий Аврутин, замечательный человек с поэтической душой и глубоким чувством гражданской ответственности. Девиз Анатолия Аврутина: «Все, что не поэзия - пустое, все, что не пустое - поэзия». Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

Анатолий Аврутин: «ДУША ПОЭТА ОБЯЗАНА БЫТЬ ГОЛОДНОЙ...»

Сегодняшний гость нашей рубрики замечательный русский поэт, переводчик, публицист, литературный критик, член Союза писателей Беларуси, автор двадцати поэтических сборников, изданных в Минске, Санкт-Петербурге, Германии, главный редактор журнала «Новая Немига литературная», первый лауреат международной литературной премии им. Симеона Полоцкого, присуждаемой за выдающийся вклад в развитие русской литературы за пределами России (Москва, 2004 г.), а также премий «Литературный европеец» (Германия), им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...», им. Бориса Корнилова «Дорога жизни», всероссийских премий им. А. Чехова, «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова «Герой нашего времени», годовых премий журналов «Аврора», «Молодая Гвардия», имени Константина Бальмонта (Австралия) и др., член редакционных коллегий семи литературных журналов разных стран Анатолий Аврутин.

- Какими были ваши первые поэтические строки – помните? Как они родились?

А. А.: Сочинять я начал гораздо раньше, чем научился писать. Первое мое «стихотворение», написанное в четыре года, записала мама, и потому оно сохранилось. Это была своеобразная ода трактору, который я до той поры видал разве что через окно. Звучало оно так:

*Трактор, трактор, ты пойдешь
По полям станицы,
Много хлеба привезешь
Жителям столицы.*

Согласитесь, форма здесь выдержана безукоризненно, форму я всегда интуитивно чувствовал. Разумеется, излишне говорить, что ни в станице я, городской ребенок, тогда еще не бывал, ни поля хлебного не видел. Наслушался, сидя днями напролет с мамой дома, радио, навпечатлялся «барабанными» сводками о достижениях советских земледельцев. Кстати,

радио тогда очень помогло в моем развитии. Я знал столицы крупнейших государств мира, имена президентов и генеральных секретарей компартий, фамилии известных композиторов и певцов, названия опер, успел влюбиться в футбольные репортажи Вадима Синявского... Даже белорусский язык выучил по передачам белорусского радио.

- Какая тема в поэзии вас особенно привлекает, какие проблемы человеческой души находят в вашем творчестве отклик?

А. А.: Когда у меня спрашивают о темах моих стихов, я, как правило, стараюсь разговор свернуть - у поэта нет и не может быть никаких заранее выбранных тем. Он записывает то, что внезапно начинает звучать в подсознании, исходя неведомо откуда. Достаточно складные стихи «на заданную тему», вроде «Стихов о советском паспорте», пишут не поэты, а стихотворцы. А это, при всей внешней схожести произведений, очень и очень разные вещи.

Впрочем, так получается, что практически во всех моих стихах на первом месте - человек с его внутренним миром, потаенными его пластами, о существовании которых он и сам порой не подозревает. Ведь как чаще всего зрелый человек, который привык жить без всякой поэзии, обращается к стихам? Почти всегда перед этим у него случается в жизни нечто такое, что вышибает из колеи. И не всегда он способен с этим справиться самостоятельно. Одни в поисках выхода начинают искать утешения в алкоголе, другие усердно молятся. А третьи по какому-то наитию снимают с полки томик стихов, а порой и сами берут в руки перо. Творцы из таких людей выходят редко, но могучую силу поэтического воздействия они начинают осознавать очень скоро.

- Что можно сказать о современной литературе Белоруссии? Почти вся официальная белорусская литература создается на белорусском языке, но ведь существуют поэты и писатели, пишущие на русском, – как выживают они? Существуют ли литературные объединения, союзы литераторов?

А. А.: По части союзов литераторов и литобъединений вопрос, мягко говоря, наивный. Беларусь - десятиmillionное государство со своей древней культурой, которое находится в центре Европы. Разумеется, литературные традиции здесь достаточно устоявшиеся. Далеко за пределами Беларуси известны имена Василя Быкова, Владимира Короткевича, Ивана Шамякина. А писательских союзов целых два - Союз белорусских писателей, где действительно привыкли замечать только тех, кто творит на «мове», а остальных считают «чужынцами», пишущими на языке «чужого государства», и воссозданный в ноябре 2005 года Союз писателей Беларуси, при учреждении которого делался акцент на равноправие творцов вне зависимости от языка, на котором они пишут. Кстати, на учредительном съезде этой организации я был избран первым секретарем правления, отдав этой работе свыше двух лет. К тому времени в СПб успели перебежать несколько сотен людей из Союза белорусских писателей, которые почти сразу же стали требовать и власти в новой организации. В результате белорусским словом теперь активно занимаются оба союза, а русской литературой – никто. Но на неофициальном уровне массовый читатель, которого, увы, становится все меньше, все же предпочитает книги на русском. Получается любопытная картина - народ говорит и читает на одном языке, русском, официальные писатели пишут на другом. Разумеется, о широкой популярности таких авторов говорить не приходится. Несколько сильных русских писателей из Беларуси сегодня активно публикуются за пределами страны, некоторые переехали жить в Россию. Выручает журнал «Новая Немига литературная» - единственный в стране журнал русской литературы, который давно стал международным. Редактирую его со дня основания, уже почти шестнадцать лет. Имена людей, которым издание за эти годы дало путевку в литературу, трудно перечислить - их достаточно много.

- В продолжение вопроса, как вы думаете, литература на национальном языке – это необходимость, способ сохранения и развития языка, национальной самобытности, национальной культуры или чисто политическая установка?

А. А.: Все зависит от конкретной ситуации. Белорусский язык действительно певуч и мелодичен, его, безусловно, следует всячески оберегать и поддерживать. Другое дело, что, по моему убеждению, поддерживать в той пропорции, какую он *реально* занимает в общественной жизни страны. Можно неделю бродить по Минску и не услышать ни единого белорусского слова... К сожалению, когда заходит речь о «плавном расширении сферы применения белорусского языка», почему-то забывают пояснить, что расширение это пойдет исключительно за счет сокращения применения русского. Что бы ни говорили, но на всем постсоветском пространстве русский – единственный язык, который объединяет, а не разъединяет людей. Не понимать этого – значит рушить то, на чем держится культура национальная, очень много взявшая в свое время от культуры русской.

- Что на ваш взгляд самое ценное в художнике (художник – в широком смысле слова)?

А. А.: Человечность. Самое большое дарование, если ему плевать на тех, для кого он создает свои творения, обречено, ибо отзвук в людских душах созданное им вряд ли вызовет.

- Должен ли поэт быть беден и голоден, чтобы создавать шедевры? И наоборот – «сытый» поэт способен ли на творчество?

А. А.: В буквальном смысле слова творцу вовсе не обязательно ходить в лохмотьях и нищенствовать, но душа его обязана быть голодной – голодной до эмоций, страданий. Быть готовой на эти страдания откликнуться и чем-то пожертвовать во спасение ближнего... Вспомните недавнюю историю с русским поэтом Юрием Юрченко, оставившим сытую и спокойную Францию, гражданином которой он является, и поехавшим в Донбасс защищать русских. В то самое время, когда некоторые русские в самой России предпочитают над русским изгаляться.

- Современная поэзия зачастую пренебрегает элементарными основами стихосложения: ритмом, мерностью, размером, объясняя это новаторством, оригинальностью. Не секрет, что во времена Пушкина поэзию как предмет преподавали, обучая элементарным навыкам стихосложения. Как вы считаете, это новые пути развития поэзии, ее дальнейшее движение или элементарная поэтическая безграмотность? Что все же важнее – форма или содержание, и можно ли пожертвовать одним во имя другого?

А. А.: А вы посмотрите на историю поэзии, которая насчитывает уже много тысячелетий. Кого человечество вообще помнит сквозь толщу веков? Несколько наиболее кровавых императоров и... поэтов. Если и сегодня, спустя четыре-пять тысяч лет, мы помним Вергилия, Горация, Овидия, Авсония, Катулла, значит, человечеству для чего-то нужно их знать. Это своего рода заложенная в генетический код развития человечества защита, без которой мы просто погибнем. И все великие мастера оставались в истории именно потому, что создавали шедевры, способные всколыхнуть чувства людей. И всегда находились, условно говоря, модернисты, которым казалось, что установившиеся каноны стихосложения им тесны. Чаще всего этим людям просто не доставало дарования для того, чтобы на равных конкурировать с великими мастерами. Вот они и начинали коверкать язык, ёрничать... Казалось бы, в тридцатых годах прошлого века, после того, как Алексей Кручёных написал свое печально известное «дыр бул щил», русский язык коверкать уже некуда... Ан нет, наступило наше время, и вновь появились охотники изображать из себя гениев, «сбрасывая с парохода современности» пушкинско-тютчевско-блоковский-есенинскую традицию и пытаясь заменить ее маловразумительным мычанием, где если и пробиваются некие мыслишки, то лишь для того, чтобы оплевать великое русское слово.

- А как рождаются стихи? Из какого «сора» они растут у вас?

А. А.: Я уже немного касался этой темы. Вначале где-то на подсознательном уровне начинает звучать какая-то мелодия, под которую слова сами мгновенно складываются в строки. Это почти всегда происходит неожиданно. Именно поэтому я всегда ношу с собой ручку и небольшой блокнотик. Даже ложась спать, кладу их в изголовье - очень часто меня просто подбрасывает во сне, и если сразу же не записать пришедшее, оно безвозвратно уйдет.

- Когда чаще всего приходит Муза, в какое время суток?

А. А.: В разное... Порой - в самое неподходящее, когда нет условий для творчества...

- Поэзия для вас это работа – ни дня без строчки, или бесконтрольный, внезапный процесс?

А. А.: Полагаю, из сказанного выше понятно, что контролировать здесь я мало что могу, бессилён. Поэтому и пишу сравнительно скупо - от одного до трех-четырех стихотворений в месяц. Случается, что и меньше. Разумеется, это вовсе не означает, что если потребуется, я не смогу сесть и сочинить складный рифмованный текст на заданную тему. Очень даже смогу, но никогда этого не делаю, ибо к истинной поэзии такое отношение не имеет. Оттачиваю перо переводами. Очень люблю переводить поэтов античности. У нас ведь как получилось. Впервые за античность взялись еще в золотом веке, не очень-то задумываясь о соблюдении каких-то традиций. В результате мы читали не столько, скажем, Катулла, сколько ажурный пушкинский стих. В середине прошлого столетия за дело взялись с академическим размахом, пытались соблюсти при переводе все тонкости. К сожалению, переводчики оказались людьми образованными, но большим собственным даром обладали редко. А потому античность стала выглядеть откровенно скучной. Я же пытаюсь и форму древних мастеров сохранить, и сделать их произведения фактом современной поэзии. Перевожу, разумеется, и своих земляков-белорусов. Недавно закончил работу уже над вторым сборником стихов Хизри Асадулаева, который, живя в Минске, продолжает писать на своем родном каратинском языке - одном из редких и древнейших языков Дагестана.

- А можно вот просто взять и прекратить писать стихи, сказать: стоп, все, больше не буду, лучше бизнесом займусь?

А. А.: Еще классик говаривал: «Если можешь не писать - не пиши...» Я эту фразу часто повторяю тем, кто мучится подобным вопросом. А для настоящего поэта дилеммы не существует. Кстати, великий Фет тоже, говоря современным языком, «занимался бизнесом», будучи достаточно прагматичным и рачительным помещиком. Что никак не мешало ему творить... А вот богатеньких нуворишей, от нечего делать пописывающих стишки и тщащихся стать поэтами, литература рано или поздно отторгает сама.

- Не секрет, что современная молодежь мало читает и уж совсем мало интересуется современной литературой. Куда мы (культура) идем? Может быть, в век современных технологий поэзия и проза уступят место компьютерным играм, клипам, фильмам, превратятся в пережиток прошлого, не знавшего компьютерных технологий, и будут существовать в формате «Литература для литераторов»?

А. А.: А неужели кто-то всерьез полагает, что во времена, когда утвержденные в ЦК КПСС на роль возмутителей спокойствия Евтушенко и Вознесенский собирали на свои выступления стадионы, на трибунах действительно сидели сто тысяч истинных ценителей поэзии?... Это все мода, своего рода массовый психоз. Сегодня те же книжки упомянутых авторов, которых в свое время было не достать и которые на «черном рынке» стоили бешеных денег, в букинистике продаются за бесценок, и никто не торопится их приобретать. Ибо время показало их истинную цену. Зато попробуйте сыщите в той же букинистике, скажем, шеститомник Леонида Андреева.

Который год ищущий... Это я к тому, что за судьбу настоящей литературы совершенно спокоен - она знавала и несравнимо более трудные времена. Между прочим, в пушкинскую эпоху, в период расцвета золотого века русской литературы, грамотных в Российской империи было всего несколько процентов. Представляете количество читателей самых великих шедевров русской литературы?.. Убежден, время все расставит на свои места. Когда-то думали, что с появлением кино погибнет театр. Не погиб, как видим. И даже по-новому расцвел. С художественным словом будет то же самое. А если кому-то представляется, что можно прожить и без поэзии, предпочтя ей мыльные оперы или компьютерные стрелялки, пусть живет... Мне таких людей попросту жаль.

- Не секрет, что в основном толстые журналы в России дышат на ладан и не скрывают, что уйдут во всемирную паутину. Судьба печатных изданий: на ваш взгляд главного редактора современного толстого литературного журнала, представляют ли эти издания сегодня ценность для молодого поколения, погруженного во всемирную паутину?

А. А.: Не нужно преувеличивать значение этой самой паутины, которая не зря получила такое название, - высоким и чистым там сложно обогатиться. Поэтому люди, пусть и заметно меньше, все же тянутся к хорошей литературе, которую только в авторитетных литературных изданиях еще можно встретить. Вспомните, когда вы видели на телеэкране поэтический вечер? А ведь еще лет двадцать-двадцать пять назад поэтические вечера из Останкина собирали у экранов людей не меньше, чем сериал «Семнадцать мгновений весны». Человеческой натуре свойственно тянуться к теплу, к доброте, к слову, которое врачует души. Мне часто приходится выступать перед различными аудиториями - в библиотеках, воинских частях, на филфаках вузов... Чего греха таить - иногда на такие мероприятия публику собирают по старинке, в приказном порядке. Но как же становится светло на душе, когда видишь, как аудитория оттаивает, глаза начинают светиться неподдельным интересом, а в конце вечера тебя не хотят отпускать и просят прочесть еще. Увы, прямо противоположный эффект получается, когда выступать приходит графоман - а именно эта публика охотнее всего рвется являть свои творения людям. Если принятый для массовости в СП графоман сто раз за год выступит перед залом, в котором сидит хотя бы сорок слушателей, - вот вам и четыре тысячи человек, которые больше к поэзии никогда не обратятся.

- Можно ли делать ставку на современное поколение в вопросе поступательного развития культурного процесса или на сегодня стоит вопрос лишь о поддержании (как максимум) уже имеющихся культурных ценностей в области литературы?

А. А.: Молодежь всегда талантлива и всегда приносит нечто новое. В противном случае не было бы поступательного движения человечества вперед. И сегодня среди молодых есть самобытные дарования. Только в моей родной Беларуси по-русски превосходные стихи пишут Елена Крикливец, Мария Малиновская, Михаил Пегасин, Людмила Ключко, Дита Дежинская (Карелина)...

- Как вы считаете, где истоки таланта? Является ли талант божьим даром или это наказание?

А. А.: И то и другое одновременно - и дар, и кара. Взгляните на творца в период, когда у него нет вдохновения. Самое страшное - боязнь, что больше не нахлынет, не посетит, не явится. А уж для ближних творца его дарование иначе как наказанием назвать сложно. Как ужиться с человеком, который, в общем-то, и не совсем человек в традиционном понимании этого слова? У меня однажды в прямом эфире спросили, счастлив ли я? Ответил, что когда речь идет о творце, то в повседневной жизни можно вести разговор максимум о наименьшем несчастье...

- Ваше творчество хорошо известно современным российским читателя (естественно, из тех, кто интересуется современной литературой). А в Белоруссии вы так же популярны?

А. А.: Давно известно, что нет пророка в своем отечестве. Если где-то и бросают камень в мое творчество, так это дома, где нет-нет да и появляются разносные статейки или комментарии (в основном - на оппозиционных сайтах). Чаще всего - без знания самих произведений. Просто так, чтобы сделать гадость. Не могут простить моего русского языка и определенного признания за рубежом.

- Вы пишете на русском языке, живете в Белоруссии, в вашей поэзии часто звучат щемящие ноты любви именно к России. Вы ощущаете себя русским или белорусским поэтом? Или это все же один народ, искусственно разъединенный границами и, по сути, искусственно созданным языком. Ведь не секрет, что многие белорусы говорят и даже думают на русском языке, причем говорят зачастую намного грамотнее и изящнее русских.

А. А.: Это еще одна проблема русских писателей, оказавшихся волею случая (ведь мы никуда не уезжали) за пределами территории, где русский язык - единственно употребляемый. С одной стороны, я гражданин Беларуси, которую очень люблю, это моя Родина. Тут я поэт белорусский, хотя в учебниках белорусской литературы и помалкивают о русскоязычных. С другой, мое творчество невозможно без русского языка, русской культуры, русских традиций... В этом плане я, безусловно, поэт русский. Во всяком случае, именно таковым себя и самоидентифицирую. Как написал в предисловии к одному из моих сборников замечательный московский поэт Николай Переяслов, «Аврутин - поэт **белорусский**». На остальную часть вопроса пусть отвечают политики. Правда, не очень-то у них получается свершить нечто путное. Запад старательно делает все, чтобы разъединить три славянских народа, чье братство казалось нерушимым - русских, белорусов и украинцев. Напомню, что еще некогда Гитлер кликушествовал: «Мы тогда победим Россию, когда украинцы и белорусы начнут считать, что они не русские...» Гитлера давно стесняются упоминать даже в Германии, но эта ползучая идея упорно пробивает себе дорогу. Посмотрите, что творится на Украине - разве это братья выясняют отношения?

- А какой человек Анатолий Аврутин в жизни? Есть ли у вас хобби, увлечения (далекие от поэзии), есть ли домашнее животное?

А. А.: Увлечений хватает... Много лет занимался атлетической гимнастикой, в лучшие времена лежа выжимал штангу весом в сто пятьдесят килограммов. Правда, сейчас артрит на почве давнишних микротравм порой донимает. С детства с наслаждением играю в настольный теннис, имел плохонький первый разряд, полученный на соревнованиях коллективов физкультуры. Кстати, именно в теннис меня в свое «выиграла» моя будущая жена Зоя. Мне сказали, что в Минск по распределению приехала работать девушка-теннисистка, кандидат в мастера спорта, ищет с кем бы потренироваться. Ну я и подумал, что моих навыков предостаточно для того, чтобы легко ее обыграть, ведь женские разряды по уровню мастерства примерно на два порядка ниже мужских. Прикинул - у меня первый разряд, у нее, если перевести на мужские требования, второй, справлюсь. Откуда мне было знать, что имею дело с экс-чемпионкой страны, которая только по нелепой случайности не имела звания мастера спорта? Она меня буквально разгромила - так я никогда не проигрывал ни до, ни после... После игры попытался ее проводить, но она суровым голосом сообщила, что моя остановка через дорогу, а ей нужно совсем в другую сторону... Через полгода поженились и уже почти сорок лет вместе. Правда, стихов моих жена практически не читает.

Что касается домашних животных, то у нас в разные годы было две собаки, обе породы колли. Увы, собачья жизнь намного короче человеческой. Очень больно расставаться. Поэтому, когда умерла наша Фильда, решили - больше животных не заводим.

- Многие говорят: тем, что я таким стал, я обязан родителям, школе, одному случаю... А чему (кому) «обязаны» вы, что стали литератором, или это произошло само собой?

А. А.: Полагаю, что всем понемногу. Скажем, мой отец писал стихи. Всю жизнь. Корявые, но писал. И библиотеку русской классики собрал сразу же после войны, когда почти ни у кого в нашем Автодоровском переулке в Минске библиотек не было. Так что страсть к литературе у меня от него. Стихи, как уже говорил, писал сызмала, но по-серьезному начал заниматься творчеством, когда впервые влюбился. Безответно. В замужнюю женщину с двумя детьми, которая была намного старше меня. Написал множество стихов о несчастной любви, которые, к моему удивлению, стали публиковать в газете «Железнодорожник Белоруссии» (у нас в роду почти все железнодорожники). Очень скоро я стал достаточно популярной личностью у сентиментальных читательниц газеты. Мне даже слали письма с просьбой посоветовать - как поступить в той или иной житейской ситуации? Что я, сам еще почти мальчишка, мог им ответить? Но уже тогда понял, что поэтическое слово имеет особую силу. Та любовь давно забылась, а стихи остались...

- Режим соблюдаете?

А. А.: Временами на меня находит. Тогда я пытаюсь восстановить старые навыки, хватаюсь за тяжелые гантели, по четверти часа принимаю холодный душ, ныряю в ванну с ледяной водой. К сожалению, не всегда в азарте выходит соблюсти меру - случалось, что после такого ныряния начинался приступ радикулита и все шло насмарку.

- А зарядку по утрам делаете?

А. А.: Зарядки не люблю, тем более текучка заедает, некогда, с утра дел полно. Правда, иногда жена заставляет - на два-три дня меня хватает.

- Кофе много пьете?

А. А.: Кофе - не мой напиток. Практически не употребляю. Как, кстати, и чай. Люблю соки, особенно свежавыжатые, морсы, компоты, квас, питьевую воду из бутылок. Из крепких напитков - хороший коньяк, который, по моему убеждению, золотит кровь и способствует вдохновению.

- Какое самое любимое блюдо?

А. А.: Картофельные оладьи или, говоря по-белорусски, драники. Свеженькие, горяченькие, прямо со сковородки. Еще люблю отварной говяжий язык, фаршированную щуку.

- Известно, что Набоков в эмиграции писал, сидя в туалете, чтобы не мешали близкие. Что важнее - семья или творчество? Мешает ли семья творчеству или наоборот стимулирует?

А. А.: Я уже выше говорил о наименьшем несчастье. Хотя никогда одно другому не противопоставлял. Правда, хозяин из меня никакой. Однажды, помнится, в дверь позвонила соседка, которая жила этажом ниже, попросила позвать жену. И спрашивает у нее: «У тебя маленькие гвоздики есть?..» О том, что гвозди могут быть у меня, ей и в голову не пришло... Такую репутацию заслужил.

- Есть какая-то самая заветная мечта (кроме высоты, естественно)? Если можно, озвучьте.

А. А.: С годами самые заветные мечты становятся заметно приземленнее. Мечтаю, чтобы близкие были здоровы, чтобы мир был на земле...

- Что бы вы пожелали современному молодому поэту, только вставшему на путь творчества?

А. А.: Помнить, что до него в русской литературе было множество величайших мастеров. А то некоторые убеждены, что поскольку они явились в литературу, то непременно с них она и должна заново брать свое начало.

- И если можно, экспромт для наших читателей.

А. А.: Прочитав мои предыдущие ответы, читатель наверняка уже понял, что поэтические экспромты - это не мое. А потому просто желаю любить творчество. У меня есть девиз: «Все, что не поэзия - пустое, все, что не пустое - поэзия». Кто-то с этим не согласится. Но я обращаюсь к единомышленникам...

Беседу вела Светлана Сударикова

Евгения Кокорева «Бесконечность», холст, масло, 2009

ПОЭЗИЯ

Анатолий Аврутин
(Беларусь)

* * *

Ложь... Ерунда... Полова...
Огненная роса.
Вскрикни... И брызнет слово
С плачем на полчаса.

Будет гулять по кронам
Света кудрявый луч.
Хватит играть с патроном,
Выстрели, но не мучь!

Чтоб от испуга птицы
Дернулись в небеса,
Чтоб прекратила длиться
Черная полоса.

Чтобы протаял в насте
Черный горячий пыж
Две параллели счастья
С выемками от лыж...

Чтобы, слова листая,
В окна ломилась зря
Только заря пустая,
Проклятая заря...

* * *

Бредешь... И в зрачках твоих – мұка...
Под галочий вечный галдеж
Ты, может, протянешь мне руку,
А, может быть, мимо пройдешь...
Как знать... Но, кляня непогоду,
Мне думать, бредя напрямки:
За что же ты руку мне подал?..
За что мне не подал руки?..

* * *

У окна в притихшей электричке
Женщина читала письмецо,
К свету близоруко, по привычке,
Обратив усталое лицо.
Письмецо...
А как она читала! –
Полстранички – целых полчаса.
Удивлённо брови поднимала,
Прикрывала влажные глаза.

И, чему-то веря, улыбалась
И, не веря, хмурила лицо.
Женская доверчивая жалость
Куталась в худое пальтецо.
И гадал, забывший о покое
Путник, что покинул дом и мать, –
Написал ли он письмо такое,
Сможет ли такое написать?..

* * *

Ей не подал... Прошёл стороной.
А она: «Сохрани тебя Боже!»
Как петлёю, сдавило виной,
На другую вину непохожей.

Воротиться? Неловко теперь.
Убежать? Будет только стыднее.
Указует на дальнюю дверь
Чёрный шарф на простуженной шее.

И бредёшь через россыпь минут,
Помня – с этим уснуть? Не уснётся!
Если вдруг... Если не подадут?..
Что вослед неподавшим шепнётся

* * *

* * *

Взъерошенный ветер к осине приник...
Одна вековая усталость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.
На бой не вызывают ни горн, ни труба,
Вдали не рыдает гармошка...
Лишь тополь печаль вытирает со лба,
Да птицы воркуют сторожо.
Вражина коварен и так многолик!..
Но воинство насмерть сражалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.
О смерд, погибающий в час роковой –
Ему ни креста, ни могилы.
Зарублен, он вновь становился землей,
И голубь взлетал сизокрылый,
Когда он предсмертный выдавливал рык,
И падал... Всё с пеплом мешалось,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась.
Заброшено поле... Не скачет гонец.
Давно покосились ворота.
Неужто всё в прошлом?.. Неужто конец?..
Неужто не вышло полета –
Туда, где лебяжий предутренний крик,
Где спеет рассветная алость,
Где русские души, где русский язык,
Где русская кровь проливалась?..

Мы вновь остались с Родиной одни...
Пожалуй, нет решительнее часа,
Чем этот... Монотонно и безгласо
Дрожат-мерцают вещие огни.
Они – страшны в мерцании, – зовут
Туда, где снова сечь на поле хлебном,
Туда, где ни молением, ни молебном
Не изменить напрасный ход минут.
Куда ты, конный?.. Господи, не злись
За то, что ошалел сегодня конный.
Ему скакать сквозь сумрак многотонный,
Растапывая головы и слизь.
Ему спиною пулю целовать,
Ему сползать с коня, шинель роняя...
И будет дотлевать страна родная,
И будет умирать от жажды рать.
Всего глоток, чтоб вялая рука
Вновь обратилась в мощную десницу,
Чтоб, ворогу ломая поясницу,
Встал Пересвет... Но нет ему глотка...
Бессилен он... Напрасно не кляни,
Потомок мой, проигранную сечу.
Всё – божья воля... Богу не перечу...
Но мы остались с Родиной одни...
Она мне и палач, и свет в окне,
Я – часть ее искромсанного тела.
И нету в мире лучшего удела,
Чем с Родиной страдать наедине.

* * *

Женщины, которых разлюбил,
Мне порою грезятся ночами,
С робкими и верными очами –
Женщины, которых разлюбил.
Я их всех оставил... Но они
Никогда меня не оставляли,
Появляясь в дни моей печали
И в другие горестные дни.
Женщины, которых разлюбил,
Мне зачем-то изредка звонили,

Никогда вернуться не молили
Женщины, которых разлюбил.
С расстоянья ближе становясь,
Все мои терзанья разделяя...
Появлялась женщина другая,
Обрывала вспомненную связь.
Женщины, которых разлюбил,
Мне и это, кажется, прощали.
До смерти разлюбятся едва ли
Женщины, которых разлюбил.

* * *

Не брести, а скакать
по холмам помертвелой Отчизны,
На мгновенье споткнуться, ругнуть поржавелую гать,
Закричать: «Ого-го-о...»,
зарыдать о растроченной жизни...
Подхватиться и снова куда-то скакать и скакать.
Только стайка ворон
да вожак ее странно-хохлатый
Будут видеть, как мчишься, как воздух колеблет вихры...
Да забытый ветряк,
будто воин, закованный в латы,
Тихо скрипнет крылом... И опять замолчит до поры.
Только черная рожь
да какая-то женщина в белом,
Что остались одни одиноко под небом стоять,
Могут встретить коня
вот с таким седоком неумелым –
Он кричит против ветра, но мчится опять и опять.
Завтра солнце взойдет,
из-за тучи восторженно брызнет.
И никто не припомнит, ловя озорные лучи,
Как нелепый седок
среди ночи скакал по Отчизне,
И рыдал...
И метался...
И сгинул в беззвездной ночи.

* * *

Всё смешалось, запуталось и не поймешь,
Где тут правда, где попросту наглая ложь –
Часть худого навета.
И, гляди, о металл заскрежещет металл,
Чтобы новый божок занял весь пьедестал,
Занял здесь, а не где-то...
Плачет небо... Наполнены страхом глаза.
С пьедестала велят: «Затянуть пояса!..
Стали влажными дали.
И уже наверху не верхи, а вершки...
Опустели чуланы... Разбиты горшки
От тоски и печали.

Закрома позабудут, как пахнет овес,
Позабудет дорога про шелест колес,
Ляжет грязной тропею.
А по ней, понимая, что скоро конец,
Оборванцы с прорехами вместо сердец
Побредут к водопою.
Налакаются жижи из сточных канав,
Отрешенно людское нелюдским поправ –
Без волнений и шума.
А когда и рассвет не коснется земли,
Только сиплое эхо в холодной дали
Захохочет угрюмо...

Памяти отца

1

Родина... Родители... Рожденье...
 Рожь... Россия... Розвальни... Росток...
 Роковое слов кровосмешенье,
 Роковое чтение между строк.
 Сызмалу я нет, приучен не был
 Трепетать от трелей соловья...
 Грозовая утренняя небыль,
 Роковая Родина моя.
 Но уже тогда я чуял кожей
 С родником и рощицею связь,
 С драною кошелкой из рогожи,
 Где ромашка робко привилась.
 Жизнь вносила росчерком неровным
 Правки в мельтешенье лет и зим.
 Не бывает кровное – бескровным,
 Не бывает отчее – чужим!
 Папы нет... Никто не молвит: «Сынку,
 Знай свой род и помни про него!..»
 Поздняя слезинка, как росинка...
 Робкий свет... И больше никого...

2

Кто во гробе?.. – Папа мой лежит,
 А вокруг – гвоздики да мимозы...
 Мама бы заплакала навзрыд,
 Но давно уж выплаканы слезы.
 Пусть Всевышний так провозгласил –
 Папа вскрикнул... Сбросил одеяло...
 Мама б молча рухнула без сил,
 Но давно уж силы растеряла.
 Стылой прелью тянет от земли...
 Что же ты наделал, святой Боже?
 Маму б в черном под руки вели,
 Но она давно ходить не может.
 Лишь бессильно смотрит и молчит...
 Снег на веках папиных не тает...
 И невольно плачется навзрыд,
 И под горло вечность подступает...

* * *

Как тревожен пейзаж,
 Как понуро вдали заоконье!
 Все мы – блудные дети,
 Чьи головы меч не сечет.
 Вон уселись грачи
 На чернёно-серебряной кроне, –
 Только б видеть и видеть,
 А все остальное – не в счет.
 Две исконных беды
 На Руси – дураки и дороги.
 Дураков прибывает,
 А умным – дорога в острог...
 Не могу, когда лгут,
 Что душою терзались о Боге,
 Позабыв, как недавно глумились:
 «Вранье этот Бог...»
 И в душе запеклась,
 Будто кровь на обветренной ране,
 Вековая обида
 За этот забытый народ,

За того мужичка,
 Что с полочки ночует в бурьяне,
 И все шарит бутылку...
 А все остальное – не в счет.
 Как он ловок
 Венец за венцом возводить колокольню,
 Как он любит по-старому мерить –
 Верста да аршин!..
 А поранится: «Больно, Михеич?» –
 Ответит: «Не больно...»
 Все не больно – и нажил не больно
 До самых седин.
 Он доволен житьем,
 Хоть мерцает в зрачках укоризна:
 «Кто заступник народный?..
 Чего он опять не идет?..
 Изменяется все...
 Пусть останется только Отчизна
 Да смурной мужичонка...
 А все остальное – не в счет.

* * *

С кареглазых холмов
 всё сбегает потоки босые,
 Ноздреватая дымка
 ползет с побледневших полей.
 И летят журавли
 Над холодной и мокрой Россией,
 И в России темнеет
 без белых ее журавлей.
 Снова листья кружат...
 Покружив, сухо щелкают оземь.
 Все прозрачней становится
 голый запущенный сад.
 Всё слышней поутру,
 как свистит желтоблужая осень,
 Как, цепляясь за бренность,
 последние листья кружат.
 Но порою мелькнет...
 Чуть погаснет... Опять загорится...
 То ли свет предвечерний,
 то ль блики с далеких болот.
 А потом то ли зверь,
 то ли просто пугливая птица
 Вспорет серую дымку...
 Над сгорбленным садом мелькнет.
 И запомнишь навек,
 Не забудешь и в ярости лютой,
 Этот свет неизбывный,
 буравящий пасмурность дней.
 Тот, что будет парить
 над твоею последней минутой...
 Над забытой Отчизной...
 Над горькой печалью твоей...

* * *

Эх, неужели, неужели
 Моя любимая в постели
 С каким-то странным человеком,
 Который ей – законный муж?..
 И отражается во взгляде
 Его – со страстью! – бога ради...
 Не вырывается... Не бьется...
 И улыбается к тому ж...
 Ведь повторяла: «Милый... Зажу...
 Тебе я с мужем изменяю...
 И всякий раз потом – без кожи! –
 Днем перед зеркалом реву.
 Как будто солгала святому...»
 А я мечусь, мечусь по дому –
 Зачем-то пью, зачем-то плачу,
 Зачем-то грежу наяву.
 Он обхватил ее за плечи...
 К чему, к чему мне эти речи?
 Они ведь венчаны... Всевышним
 Она назначена ему.
 Без счета чарку поднимаю,
 Но все равно не понимаю –
 Ну почему такая мука,
 Ну почему?.. Ну почему?..
 За стенкой воет ветер зимний,
 И от себя куда уйти мне?
 Моя... Любимая... Другому
 Дарит судьбу и бытие.
 Я – третий лишний... Хата с краю...
 Молю... Зову... Не понимаю,
 Зачем сквозь боль и расстояние
 Ловлю дыхание твое?

* * *

Четвертый час... Неясная тоска...
А женщина так близко от виска,
Что расстоянием кажется дыханье.
И так уже бессчётно зим и лет –
Она проснется и проснется свет,
Сверкнет очами – явится сиянье.
И между нами нет иных преград,
Лишь только этот сумеречный взгляд,
Где в двух зрачках испуганное небо.
А дальше неба некуда идти –
На небеса ведут нас все пути...
На тех путях всё истинно и немо.
Погасла лампа... Полная луна
Ее телесным отсветом полна,
Ее плечо парит над мирозданьем.
И я вот этим худеньким плечом
От боли и наветов защищен,
Навеки защищен ее дыханьем.
Струятся с неба звездные пучки,
А нагота сжигает мне зрачки,
И нет уже ни полночи, ни взгляда.
Есть только эта шаткая кровать –
На ней любить, на ней и умирать,
И между этим паузы не надо...

Швырнули речке в душу камень,
Швырнули просто, не со зла.
По глади утренней кругами
Обида тихая пошла.
Но все минуло в одночасье.
И в успокоенной волне
Круги дрожащие угасли...
Но камень...
Камень-то на дне.

* * *

Как быстро всё это, как скоро!..
Уходит эпоха.
Мальчонка стоял у забора –
Тогда еще кроха.
Гадал про концы и начала,
Вздывалась рубаха.
Над озером птица кричала –
Тогда еще птаха.
Кричала светло и несмело
О вещей минуте.
А дерево солнца хотело –
Тогда еще пруттик.
Листочки в зеленых накрапах,
На листиках – жилы.
И были и мама, и папа
Тогда еще живы...
Стоял тот мальчонка, не зная
Путей к пьедесталам.
И туча была грозовая
Лишь облачком малым...

* * *

Эх, с каким остервенением стирала,
Сколько вывернула в ванную всего,
Как выкручивала, тёрла, выжимала
Изо всех пододеяльников его.
Колыхалась над тазами двоеруко,
Подливала освежителя вдвойне,
Чтоб ни запаха, ни отзвука, ни звука
Не застряло в неповинной простыне.
На балконе вытрясала одеяло,
Колотила выбивалкой, а потом
Всё утюжила, да так утюг швыряла,
Будто вслед ему швыряла утюгом.
Даже тапочки и те вспорола шилом,
И забросила в помойку, на откос.
Только розу почему-то засушила –
Ту, что перед расставанием принес...

* * *

Постою... Помолчу...
 Постелю в головах полотенце,
 Полувывсохшей веткой
 вокруг очерчу полукруг...
 И услышу далекий, тревожащий голос младенца,
 И просыплются крошки
 из влажных и вздрогнувших рук.
 Как тревожно душе
 среди этой тоски голубиной,
 Как светло и печально
 вырастают в закат дерева!..
 И калина-малина вновь стала калиной-малиной,
 И седою травую
 вновь стала седая трава.
 Этот брезжащий свет...
 Эти листья в багровых накрапах,
 Эта тихая нежность,
 что тайно щекочет гортань...
 Этот чахлый птенец на подкрыльях своих косолапых,
 Что забился в кустарник
 и смотрит: «Попробуй, достань...»
 Как пронзительно всё!
 Как мучительно всё и напрасно!
 И душа вечерееет,
 и дымка вползает во взгляд...
 Но струится над болью таинственный свет непогасный
 И согбенные птицы
 куда-то летят и летят...

*В Россию можно только верить.
 Федор Тютчев*

Хмур проводник... В одеяле прореха...
 Старой любви не зову.
 Кто-то в истории, помнится, ехал
 Из Петербурга в Москву.

Кучер был хмур... Дребезжала карета.
 Лошади хмуро плелись.
 Хмуро врывалося тягучее лето
 В хмурую русскую высь...

Тысячи раз отрыдала валторна,—
 Мир без концов и начал.

Помнится, памятник нерукотворный
 Кто-то уже воздвигал.

Нету концов... Позабыты начала.
 Препный отвергнут кумир.
 Вспомнишь с трудом две строки про
 мочало,
 Что нам твердил Мойдодыр...

Вспомнишь... Под визг тормозов на уклоне
 Вытащишь хлеб и вино.
 Снова умом ты Россию не понял,
 Снова лишь верить дано...

* * *

Здесь есть дорога, но нет пути...
 Питомец житейских бурь,
 Ты если сможешь вперед идти,
 То только в закат и хмурь.
 У здешних женщин который год
 Недобрый, тяжелый взгляд.
 И сколько ты ни иди вперед,
 В итоге придешь назад.
 Жестокий ветер шерстит лицо,
 Башку отрывая с плеч.
 И если сможешь шепнуть словцо,
 То следом отнимет речь.
 Но всё глядишь в эту тьму опять,
 Лишь ропот лова в ответ.
 И остается одно – солгать,
 Солгать, что ты видишь свет.

* * *

Не закрыта калитка...
 И мох на осклизлых поленьях.
 На пустом огороде
 разросся сухой бересклет...
 Всё тревожит строка,
 Что «есть женщины в русских селеньях»...
 Но пустуют селенья,
 и женщин в них, в общем-то, нет.
 У столетней старухи
 Белесые, редкие брови,
 И бесцветный платочек
 опущен до самых бровей.
 Но осталось навек,
 Что «коня на скаку остановит...»
 Две-три клячи понурых...
 А где ж вы видали коней?..
 Поржавели поля,
 Сколь у Бога дождя ни просили.
 Даже птенчику птица
 и та не прикажет: «Лети!..»
 И горячим июлем
 Всё избы горят по России,
 Ибо некому стало
 В горящую избу войти....

* * *

А. К.

Что-то случилось на той стороне,
 Где журавли улетают до срока...
 В черное время на черной стерне
 Белым журавликом быть одиноко.
 Вот и возносятся в тусклость небес,
 Чтоб еще раз увидеть с разворота
 Мокрое поле и сумрачный лес,
 Да за откосом – туманное что-то...
 Будто навеки запомнить хотят,
 Не уповая на миг возвращенья,
 Женский зеленый обидчивый взгляд,
 После которого нету прощенья.
 Будто им чудится – наперерез
 Вечному, нудному зову разлуки,
 Светлая музыка с темных небес
 Медленно капает в женские руки.

Грушевка

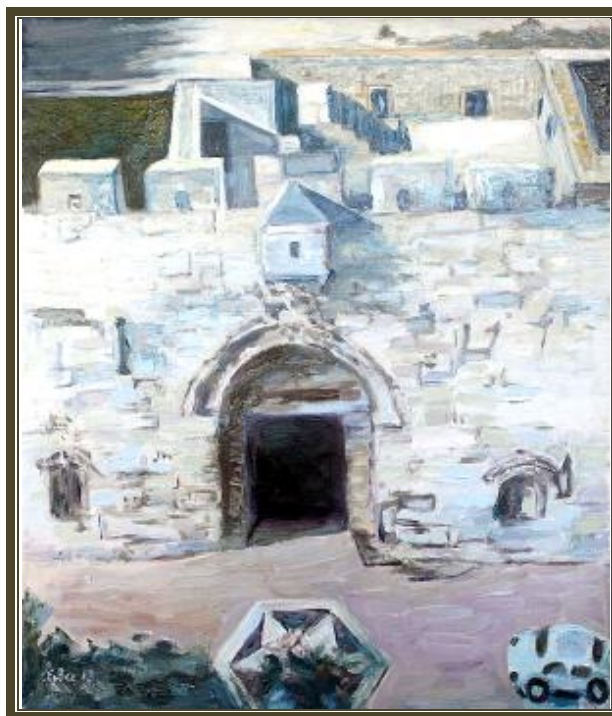
Стирали на Грушевке бабы,
 Подолы чуток подоткнув.
 Водой осенней, озяблой
 Смывали с одежды войну.
 Из грубой дощатой колонки,
 Устроенной возле моста,
 Прерывистой ниточкой тонкой
 В корыта струилась вода.
 От взглядов работу не пряча
 И лишь проклиная её,
 Стирали обноски ребячьи
 да мелкое что-то своё.
 И дружно, глазами тоскуя,
 Глядели сквозь влажную даль
 На ту, что рубаху мужскую
 В тугую крутила спираль...

* * *

Писать стихи,
пить водку,
верить в Бога...
И Родиной измученной болеть...
Одна поэту русскому дорога –
Чуток сверкнуть
и рано отгореть.
А отгоришь,
не понят и не признан,
Останутся худые башмаки,
Пустой стакан,
забытая Отчизна,
Божественность
нечитанной строки...

* * *

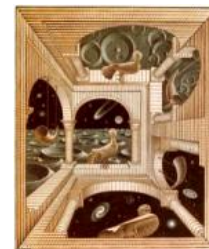
Не пойму никогда, сам не понят никем,
Эту жуткую суть изреченного слова,
От которой вначале темно, а затем
Сам себя ощущаешь на грани земного.
И тогда появляется привкус крови,
Так похожий на привкус лесной земляники.
Обжигает гортань... И зови – не зови,
Не являются ближних скорбящие лики.
А являются в белой ночи письма,мена,
Что успел второпях записать на ладони.
И мутится рассудок... И полночь полна
Откровений, сокрытых в единственном
стоне.
Всё потом исчезает... Всё гаснет потом.
Только в горле саднит... Только зябко
немножко.
И охрипкое утро встает за окном,
Где лениво трусит шелудивая кошка.

Евгения Кокарева. Проект «Преодоление», холст, масло, 2013

ПОЭЗИЯ

Денис Минаев (Коломна)

Родился в 1977 году. Живет в подмосковном городе Коломне. Поэт, член Московской областной организации Союза писателей России. Генеральный директор издательского дома «Серебро слов». Первая публикация была в 2002 году, в рязанской районной газете. Стихи и рассказы печатались в более чем 30 сборниках в Рязанской, Кемеровской и Московской областях. Денис - автор 4 книг, среди них книжка «Раскраски для детей».

Ночи тишину нарушив,
Я курю на кухне снова.
И вместить пытаюсь душу
В Слово.

Мне бы в юность...

Шумным городом душу изранив,
Жизнь ташу, закусив удила.
Мне бы в юность...

Да в русскую баню,
Чтобы с паром духмяным была...

А ещё бы ворваться с разгону
В бой кулачный село на село.
И под вечер, давясь самогоном,
Обсуждать, где кому повезло...

Ночью сдать объятиям жарким.
Смять с девчонкой траву на лугах.
И в напарниках с месяцем ярким
От отца её скрыться в бегах...

А потом, с рассветающим небом,
Икупавшись в холодной реке,
Влезть в окошко домой
И без хлеба
Захлебнуться в парном молоке.

Прогулка в лесу

Тёплый дождь по земле лупит хлёстко...
Я с любимой по лесу иду.
Глянь, вальсируют клён и берёзка
У сосновой толпы на виду.

Им, как нам, наплевать на косые
И завистные взгляды деревьев.
Мы гуляем с тобою босые,
От июльского дня одурев.

Сарафан обнажил твоё тело.
Он прозрачен. До нитки промок.
Сердце бьётся моё оголтело
И стучится морзянкой в висок.

Страсть совсем переполнила душу.
Хмель и счастье в моей голове...
Никому не расскажет опушка
О безумной любви на траве...

Гадалка

Добрый день...
Проходи, дорогая.
Кто сказал обо мне?
Ах, подруга.

Да, конечно, сейчас погадаю.
Ну, давай-ка, красавица, руку.

Что ж, готовься всю правду послушать.
Вруней я не была и в помине...
Как зовут-то тебя?
Как?
Надюша...
Очень славное русское имя...

Вижу, что в детском доме росла ты,
Ласки маминой с роду не знала...
Много трудишься, но не богата...
И от жизни тяжёлой устала...
В одиночестве дни коротая,
Ты рыдаешь о девичьем горе...
Видишь, линия жизни какая?
Вот любовь.
Всё изменится вскоре...
Жениха вижу...
Умный, красивый.
На хорошем счету на работе.
Ты сыночка родишь ему в зиму.
Назовёшь малыша Димой, вроде...
Будет муж твой хорошим и верным.
Проживёте вы счастливо, долго...
И ребёнок ваш станет примерным,
Не забудет сыновьяго долга...

Вот и всё, что хотела сказать я
О тебе и твоей жизни личной.
За «подарок» спасибо...
Да...
Хватит...
Ну, беги...
Верь, всё будет отлично...
...

Что ты, Мурзик, так смотришь?
С упрёком!
Обманула...

А как же иначе?
Не смогла сироте одинокой
Рассказать, что все годы проплачет...

Что судьбу ей сломают однажды:
Нападут на неё негодяи,
Изобьют. Изнасилует каждый...
И вдобавок она вдруг узнает,
Что не кончена страшная пытка,
И брюхата она от подонков...
Будут самоубийства попытки...
Но в итоге родится мальчонка.
Жаль, но сын её станет скотиной,
Как отец, подлецом и пропойцей...
И в угаре воткнёт нож ей в спину
В день, когда из тюрьги вернётся...

Что, Мурлыка, вот эту мне правду
Нужно девушке было поведать?
Соврала...
Но она теперь рада...
(Да и нам есть на что пообедать)...
Видел глазки её? Ярче солнца...
И впервые за год улыбнулась...
Помолюсь, и авось обойдётся.
Я надеюсь, что я обманулась...

...
Добрый день...
Проходи, дорогая.
Кто сказал обо мне?
Ах, Надюша...
Год назад здесь была...
Вспоминаю...
Ну, и как там она?
Стало лучше?!..
После встречи со мной замуж вышла?!..
Парень умный, высокий, красивый?!..
В их семье появился сынишка?!..
Как назвали?
Не слышу!..
Ах...
Дима...

*По плодам их узнаете их
(из Нагорной проповеди Иисуса Христа).
(Вместо пролога)*

Злюсь...
 Душа моя не на месте...
 Пребываю я в шоке полном...
 Покупал незнакомец крестик.
 Молвил: "Дайте с гимнастом голым"...
 ...
 Представляется нам хорошим
 Всё, что делаем на планете.
 Даже вдруг окажись мы в прошлом –
 Эдак двадцать назад...
 столетий, –
 Нам бы не было стыдно, плохо.
 Мы б смотрели, как представленье:
 Человек... один!.. на Голгофу
 Крест...
 наш!..
 тащит...
 во искупленье...
 Мы бы начали делать ставки:
 Упадёт...
 Донесёт...
 Всё. Браво!!!
 Ой, смотрите, кого-то в давке
 Затоптали...
 Аншлаг!!!
 Забава!!!

А потом, позабыв о каре,
 Мы бы снова предались блуду.
 И, нажравшись, в хмельном угаре
 Стали все обнимать Иуду –
 Лицедея бессмертной драмы,
 Что поставлена гениально.
 Показушно всплакнули б... дамы,
 Привлекая самцов brutальных...

А в ближайшее воскресенье
 Побежали б мы ставить свечи.
 Просто так...
 Заодно со всеми...
 И не каялись...
 Нам же не в чем,
 Ведь не мы "мужика" прибили
 К кипарисовым деревяшкам.
 Сам избрал свою не по силе
 Ношу.
 Ведал, что будет тяжко...

(Вместо эпилога)

О Господь, Ты прости заблудших,
 Научи соблюдать заветы,
 Изничтожь бесовщину в душах,
 Помоги обратиться к Свету.

Старик

*А он шепчет во сне: "Мила!
Потерпи там...
Чуть-чуть осталось..."*
Катя Селюк

Утро. Собаки взрывают нехоженный снег.
Как бесподобны, наверное, их ощущения...
Где-то в сторонке идёт пожилой человек.
Он незаметен.
Безмолвен.
Окутан забвением.

Нетороплив. Он давно никуда не спешит.
В память о юности бурной – лишь пара медалей.
Все остальные награды зятя-алкаши
За самогонки пол-литра с похмелья продали.

Дочки, которым он всю свою жизнь посвятил,
Не забывают – в дни пенсий приходят исправно.
Но ненадолго – нет времени вовсе и сил.
Так что не нужно их помощи ждать и подавно.

Мог ли подумать в войну боевой офицер,
Что он заслужит такую «счастливую» старость?
Мог ли представить, фашиста беря на прицел,
Что благодарность ему будет меньше, чем малость?

В драповом, пахнущем дурно, потёртом пальто
Бродит старик, стеклотару с земли поднимая.
И возле мусорных баков не видит никто
Тусклого взгляда героя победного мая.

Вечером дома дешёвую сварит лапшу.
Съест безразлично.
Один.
И нахлынет усталость.
Скажет, на фото супруги смотря:
«Я спешу...
Ты потерпи там, родная...
Недолго осталось...»

Наша Таня громко плачет

*Наша Таня громко плачет.
Уронила в речку мячик...*

А. Барто

Наша Таня громко плачет.
Спрашиваю: «В речке мячик?»
Хныча, Таня возражает:
«Нет, мальчишки обижают,
Жуткий хулиган Ванюшка
Поломал мою игрушку.
А Серёжка дразнится:
"Танька-безобразница".
Мишка, шмыгающий носом,
Часто дёргает за косы.
А Семён всегда хохочет
И кривые рожи корчит.
Я от этого устала,
Всех мальчишек покусала».

На Танюшу я взглянул,
Улыбнулся, подмигнул:
« Ну, зачем кусаешься?
Ты им просто нравишься!»

Как на нашей улице мы ловили курицу

У соседа курица
Вырвалась на улицу.
Все гурьбой её ловили –
Крики, стуки, куча пыли.
Хочет каждый из ребят
Клушку-непоседу
Поскорей вернуть назад
Нашему соседу.

Васька быстро побежал,
Курочку в углу зажал,

И с разбегу, да в упор,
Мимо Рябушки в забор...
Носом доски посчитал,
Сел и как захохотал...
Настя, словно егоза,
Прыгает и падает.
«Где? Куда? Зачем? Назад!», –
Иногда командует...

Петька за углом притих
С палкой о-о-очень длинной -
Оглушить решился, псих,
Курочку невинную.
Тут как раз она промчалась...
Сзади Сашка...
Петька палкой...
Ни за что по лбу досталось -
Сашка с шишкой, как с мигалкой...

А Егор наш...
Ну, Егор...
Он забрался на забор.
Захотел оттуда прыгнуть –
Сверху курочку настигнуть.
Только как-то оступился,
Шортиками зацепился.
На гвозде теперь висит
И безумно голосит.
Тут пустилась вскачь Кристина.
Туфелькой влетела в глину.
Поскользнулась и упала,
Головой в ведро попала.
Заодно толкнула Зину,
Зина плюхнулась в корзину...

В общем, каждый был при деле.
Все носились и галдели.
Курицу мы не поймали,
Только всё переломали.
Хоть немного и устали,
Но зато похохотали...

Последний монолог

– Мама, милая, доброе утро.
Я сегодня с тобою проснулся.
Нас встречает рассвет перламутром.
В мир волшебный я вновь окунулся.

Мы идём по тенистой аллее,
Вместе пьём ароматное лето.
И на клумбах цветочки алеют,
Птичье пение рядышком где-то.

Слышу смех и веселье прохожих
И прохладных фонтанов журчанье.
На душе так спокойно мне тоже
От уютного мироздания.

Вот пришли мы с тобою куда-то.
Станный запах!..
Холодные взгляды!..
Что-то сердце стучится набатом!..
Прочь, тревога! Ведь мамочка рядом...

Спал сегодня теплом я согретый.
Мама, ночью мне облик твой снился...
Мама, мама!..
Куда ты?!
Зачем ты?!
Всё закончено...
Я не родился...

Лес

Мне б сейчас по лесу погулять,
Скинуть напрочь тесную рубашу.
И сосну обнять, как в детстве мать,
Голосистую послушать птаху.

Выйти на поляну босиком,
Опьянеть от аромата хвои -
Этот запах сизмальства знаком,
Обжигает легкие до боли.

Лес, родной мой!..

Друг мой дорогой!..
Только ты мои излечишь раны.
Лишь к тебе с душой своей нагой
Заявиться можно мне незваным.

Лишь тебе пожаловаться я
Без стеснения могу, как раньше.
И в кристальность юного ручья
Разрыдаться искренне, без фальши.

А когда, очистившись сполна,
Я пойму, что жизнь моя - награда,
Буду вновь готов испить до дна
Сотни порций будничного яда...

Грусть на пороге зимы

Полусонные мухи сказали, что скоро зима.
Скоро влезу в носки шерстяные в угодную
погоду
И уйду в заточенье.
Пригреет квартира-тюрьма.
Здесь тепло и уютно,
и даже спокойно мне вроде.

И оконный экран заведёт затяжной сериал
О заснеженной серости будней,
где дом и работа.
И со мной разделять вечера будет только
бокал –

В нём сухое вино или вяжущий чай с
бергамотом.

Будет душу мою согревать кем-то
брошенный кот.
В дни, когда полуснег,
полудожь,
полудохлое солнце.
Мне останется лишь ожидать, что всё скоро
пройдёт,
И весна,
как блудница домой,
неприменно вернётся...

Моя родная

Ты пробовал когда-нибудь проснуться
Так просто, в тишине ночной?
Погладить волосы и нежно прикоснуться
К девчонке, ставшей для тебя женой.

Потом, когда глаза привыкнут к ночи
И ты увидишь милые черты,
Сильнее чувствуешь, что счастлив очень –
Ведь в этом мире есть она и ты.

Лежишь ты тихо, так, как только можно,
Лаская взором вместо тёплых рук,
И даже дышишь как-то осторожно,
Чтоб не встревожить сна любимой вдруг.

Ты счастлив, ведь тебе известно будет,
Что у неё под сердцем, там внутри,
Спит кто-то третий – маленькое чудо,
Плод вашей нескончаемой любви.

Ты ощущаешь прелесть жизни рядом.
И для неё защитник – только ты.
Лежишь и смотришь опьянённым взглядом.
И в сердце согреваются мечты.

Потом уснёшь... А поутру, проснувшись
И посмотрев на милую свою,
Обнимешь крепко, скажешь, улыбнувшись:
«Моя родная, я тебя люблю!»

Хлебное поле

Сяду я на лихого коня
И стрелю по хлебному полю.
Нет, никто не отыщет меня.
Не отнимет раздолье и волю.

А потом, отпустив жеребца,
Я без сил упаду, словно пьяный.
Буду жадно вдыхать без конца
Запах жаркого лета духмяный.

Все хлеба, как один колосок,
Наклонились к земле, даже слишком.
Хоть уже серебрёный висок,
Здесь я – тот же курносый мальчишка.

Здесь я – тот же повеса и плут,
Стану снова героем античным
Или спрячусь, иначе – побьют
За куренье с дружкой закадычным.

Золотые мои колоски,
Вы верните мне золото в волос...
Ладно...
Хватит рвать душу в куски...
Не дрожи, мой «уверенный» голос...

Мне опять не спится

Я укроюсь одеялом.
Медвежонка обниму.
Мне уже теплее стало.
Вот теперь я *подремаю*.
Или всё же *подремаю*?
А быть может, *подремяю*?
Снова голову ломаю
И, конечно же, не сплю.

Пёс

*Ведь может быть тело дворняги,
А сердце – чистой породы!
Э. Асадов. «Стихи о рыжей дворняге»*

Ехал в электричке с дачи,
Видел горькую картину:
На платформе пёс бродячий
Подставлял прохожим спину:

«Вы погладьте сиротину,
Поделитесь бутербродом.
Я же – ласковая псина.
Хоть дворняга, без породы.

Жил я с мальчуганом, Саней,
Что залиvisto смеялся.
А потом, весною ранней,
Он уехал.

И семья вся...
Сколько здесь сию?..
Не знаю.
Может, долго...
Может, слишком...
Жду.
Вернётся мой хозяин
В наш родимый городишко...»

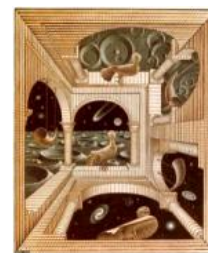
Люди мимо всё бежали,
Никого не замечая.
Было пса совсем не жаль им.
Он бродил один печально...

Из вагона вылетаю, словно узник –
да на волю!!!
- Эй, дружок!
Я – твой хозяин...
Ну, привет...
Пойдём-ка, что ли?..

ПОЭЗИЯ

Ирина Блажевич

(Латвия, Рига)

осознание

переплетая мысли с чувствами во времени,
во всём, мной прожитом, пытаюсь разобраться,
год календарный рву на дни без сожаления -
труды, достойные кривляния паяца.

а жизнь мелькает, как витрины магазинные,
в них отражаясь, растворяюсь в синем небе
и в тёмном масле на холстах картин старинных
при освещении неправильном, а мне бы

лишь на мгновение побыть ведомой кистью и
в руке Творца, Мир создающего словом,
за всё несправедливое получив амнистию,
стать малым зёрнышком, что прорастает в колос...

я по тебе не скучаю ни капельки

я по тебе не скучаю ни капельки,
будни скользят по травинкам улитками,
в мае у тополя листики липкие,
божьи коровки по-прежнему в крапинку.

я по тебе не скучаю, ни капельки,
солнце печёт, по-июльскому жаркое,
памяти ткань удивительно маркая,
словно на празднике белые скатерти.

я по тебе не скучаю. ни капельки.
небо разверзлось дождями осенними,
Баха сонаты плетут настроение,
мокнет душа, словно нищий на паперти.

я по тебе не скучаю ни капельки!
ночь новогодняя, брызги шампанского,
вьюга поёт серенаду шаманскую,
чудо свершиться должно обязательно!

я по тебе не скучаю... ни капельки...
утром проснусь в непонятном смятении,
в дверь позвонят, я открою с волнением...
...только вот сил столько ждать тебя
хватит ли?

ах, полноте...

ах, полноте, к чему ирония?
она не станет вас тревожить,
уедет в полдень за три моря и
поселится в лесной сторожке,
в глуши безлюдной, возле озера
с водой оттенка перламутра,
где лебедь белый в клюве розовом,
взмахнув крылом, приносит утро.

вас не обидят обещания:
не звать, не думать, не надеяться,
вот только слёзы на прощание.
а память? экая безделица(!)
с годами выцветет... износится...
когда собакой выть намается,
во сне в колени ваши бросится
и умирать на них останется.

ожоги алые цветов...

казалось, летнюю зарю вчера встречала,
а нынче осень вновь сулит свои печали,
холодный дождь тоску и грусть снопами
косит,
как птица бьется о стекло, погреться просит.
и память каплями с небес туманной хмарью,
при свете тусклых фонарей висит вуалью,
чуть слышно падает в траву с ветвей
каштана,
плодами зрелыми лежит в скорлупках
рваных
моей несбывшейся мечты о нашей встрече
...не нужно помощи врачей, они не лечат
ожоги алые цветов на клумбах сада,
что притаились и цветут в тени ограды,

а ночью мне приснится сон и станет жарко -
мы, взявшись за руки, идём аллеей парка...

души откинув полог...

пришла без приглашения, прости,
ты уезжаешь - это веский повод,
что делать, если, словно пух легки,
о том, кто дорог, пишутся стихи,
их принесла, души откинув полог,

так захотелось пожелать тебе
июльский зной в холодном декабре.

мы знаем, жизнь богата на шторма:
срывает паруса, ломает мачты,
и за кормой игривая волна
бывает по-предательски вольна,
нешуточно трясёт во время качки,

но эту жизнь ругая и любя,
ты, год за годом, познаешь себя.

и сколько бы ветра ни били в грудь,
как сильно бы ни грохотали громы,
им силу духа, верю, не согнуть,
и ангел твой, что освещает путь,
в урочный час рассыплет тую соломы,

а если с неба упадёт звезда -
её на счастье уронила я...

не знай, вдали от светлых берегов,
как тяжела сума с названием «горе»,
прими стихи как оберег из слов,
в них отраженье чувств моих и снов
и легкий летний бриз с улыбкой моря.

пусть рядом будут верные друзья,
ты просто знай, что где-то есть и я...

аллегория

брожу по комнате без окон,
не помню времени,
...знобит, ужасно одиноко
и жмёт у темени,

пол под ногами, словно вата,
и мысли хмурые,
ну что сказать - ума палата,
ну дура дурую!

в крошечной тьме найти пытаюсь
котёнка чёрного,
зову: "кис-кис..." - спасти стараюсь, -
затея вздорная!

неслась ферзём по жизни лихо,
да всё меняется,
уйти бы прочь, но дверь на выход
не открывается...

она задумчиво-нежна...

она задумчиво-нежна,
взгляд – в никуда, потоки мыслей
прозрачной дымкою повисли,
реальность стала неважна...

так, прикусив гирлянду бус,
щеки касаясь осторожно,
сплетая явь и невозможность,
в её душе рождался блюз.

звучала нежности струна,
день угасал, владенья ночи,
с любимым встречу напрозорчив,
опять оставили без сна.

...а за окном цвела весна.

шепчу любя...

морозно за окном зимой,
а в сердце слякоть,
но я стараюсь быть большой
и не заплакать,
листаю вновь Экзюпери,
при встрече с принцем
Лис тихо говорит: "смотри,
вон там пшеница,
пойми, Малыш, её не ем,
но цвет колосьев
напоминает кудри мне
твоих волос... и
я буду приходить сюда,
так каждый вечер
колосья станут шелестеть
о нашей встрече..."

и я, как Лис, шепчу любя
с тоской и лаской:
мой друг, ты приручил меня,
но жизнь не сказка...

леди Ночь

души озябшей длани не согреть,
увы, - не ново...
бальзаковская дама, леди Ночь,
платок пуховый

ажурно-серебристых облаков
себе на плечи
накинула, оплакивая боль,
но время лечит.

ей одиночество своё принять
хватило силы,
вздыхнув, затеплила свечой луну -
она любила...

крылатое синее счастье

в мой сад прилетала красивая синяя птица,
садилась мне на руку, зёрна с ладони клевала,
потом попросила воды родниковой напиться,
а вечером дивные песни в саду напевала.

и мне показалось, что птица со мною навечно
под сенью ветвистых акаций и белых магнолий,
какая наивность... а может быть, просто беспечность,
но, крылья расправив, красавица выбрала волю...

подули ветра, пряча небо лазурное в тучи,
и краски поблекли до серого в миг, в одночасье...
...но верю всем сердцем, что выглянет солнечный лучик
и в сад мой вернётся крылатое синее счастье.

не встретится

моя Москва меня завьюжила,
заносом в марте щедро встретила,
кормила хлебосольно ужином
и под гитару пела трепетно.

водила улочками старыми,
поила кофе в "Шоколаднице",
томила пробками, усталую,
мол, полюбуйся на красавицу!

твоя Москва - июльско-рыжая,
фонтанами задорно дразнится,
газоны ёжиком подстрижены,
а может, нет... какая разница.

на клумбах ярким ситцем выткана,
рекламой щедро разукрашена,
историей веков пропитана
и юностью своей безбашенна.

днём деловая и спешащая,
в ночи огнями ярко светится,
в колокола церковей звонящая,

...моя Москва с твоей не встретится.

суть...

жизнь - словно струны вдоль гитарной деки,
невидимый Творец берёт аккорды:
ни пуха, ни пера! в открытом Word'e
обрывки мыслей... вроде ипотеки –
залог из слов,

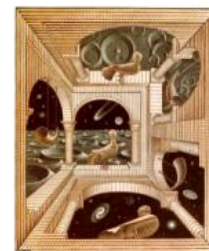
душа творит при теле
и корчится, сермяжная, от боли,
в кровь изодрав любимые мозоли,
наивно полагая, что при деле.
зря...

кредитор найдёт, к чему придраться,
сюжет не нов, простите за банальность,
насыплет соль на рану – вот реальность,
попробуй устоять и не сломаться...

я улыбаюсь, нам ли жить в печали!
не лыком шиты, знать - калачик тёртый,
Маэстро, наиграй ещё аккорды,
чтоб струны жизни громче зазвучали.

ПОЭЗИЯ

Мария Панфилова
(МОССАЛИТ, Москва)

*

Математик-фанатик из Яффы
Ненавидел теорию графов.
Каждый встреченный граф
Им посажен на шкаф, –
И исчезли все графы из Яффы.

*

Осторожный шпион из советчины
По весне всё же был рассекреченный:
Возникали проталины
В виде профиля Сталина
У крылечка шпиона советчины.

*

Как-то раз, приближаясь к триклинию,
Думал: "Эх, перечту-ка я Плиния!"
Но голодное брюхо
Оставалось глухо
И к Старшому, и к Младшему Плинию!

*

Трудоголик Жуан из Удельной
Верил в силу стихов беспредельно.
Мудрецы для девчат
Под копирку строчат, –
Он же врал каждой крале отдельно.

*

Прозорливый прораб из Лангады
В жены взял три малярных бригады.
Посреди сотни баб
Процветает прораб.
Конкуренты умоются, гады!

*

Невысокий монгол при монголке
Появляться любил в треуголке
И глаголил монгол:
«Пусть и бос я, и гол,
Но я – босс!». А монголка: «Что толку!»

*

Неспроста мусульманские бабы
Не выходят гулять абы кабы.
От кислотных дождей
И нескромных людей
Хороши паранджи и хиджабы!

*

Кашпировский живёт в Чепатти.
Он подолгу сидит на шпагате –
Заряжает шпагат.
Продаёт. Стал богат.
И развозит шпагат на «бугатти».

*

Аграфена, желая интима,
Феромон применяла активно.
Но дружок-аспирант
Испытал аккурат
Диссонанс, да и тот когнитивный.

*

Скромный падре из Санта-Георгио
Раз в полгода устраивал оргию:
Нарезал полсардинки,
Капал виски на льдинки
И читал у Платона про Горгия.

"Розенкранц и Гильденстерн мертвы"

Р. и Г. для наследника Тутти
Заготовили скляночку ртути.
Но злокозненный Тутъ
Поменял эту ртуть
На полоний в одном институте.

*

Говорят, Анджелина Джоли́
Никогда не любила Дали,
А любила Шагала
И по жизни шагала
По воздúхам акí по землí.

*

Аспирантка одна из Пердью
Получила в наследство бадью,
Полную Совершенств,
Ништяков и Блаженств...
Затянулась разок - и адью!

*

Супермена из города Тир
Утомил и достал этот мир.
И такой утомлённый
Красно-сине-зелёный
Пьёт морковку и курит кефир.

*

Живописец из вечного Рима
В магазинчике «Всё для экстрима»
Покупал «Беломор»,
Бормотал: «Невермор!»
И писал натюрморт alla prima.

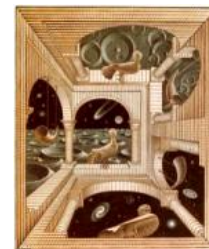
*

Многомудрый кондитер Ашот
Тихо-мирно в Лозанне живёт
И на каждом пирожном
Кремом, всё как положено,
Ставит надпись: «И это пройдёт».

ПОЭЗИЯ

Ольга Уваркина

(МОССАЛИТ, Москва)

Мамина квартира

Сквозь шторы луч,
нарисовав окно,
Нерезким светом втиснулся в обои,
Лёг на паркет сияющим панно,
Забыв,
что ближе небо голубое...
Он грустно стены гладил
и слабел,
С минутами земными угасая...
Сходя во тьму,
уменьшилась в себе
Родная комната, уютно-небольшая...
С ней мир исчез -
последнее звено,
Где часть незримой материнской сути
Взывала в измерении ином:
«Прощайте, дорогие...
Не забудьте...»
Мне долго не хотелось уходить,
Как будто жизнь из тела вынимали.
Ведь милый дом -
связующая нить
И память бесконечная
о маме...
Я плакала,
Не покидая кров,
Последний раз в оцепененье стоя.
Твоё жильё,
что продано с торгов,
Мне разрывало сердце немотою...

Мой старый дом

Он не за тридевять земель,
Мой старый дом, что детство помнит.
Там по стене ползущий хмель
Зачем-то прячется к зиме
В большой сугроб под подоконник...

Его почти полвека нет.
Мой дом – фантом сутуловатый,
Так часто видится во сне,
Где невозможно пахнет снег
Особым, зимним ароматом...

Там громко патефон поёт
«Голубку» и «Златые горы»
На май или под Новый год...
А мне тогда пять лет всего,
И нет отчаянья и горя...

Так сладко думать о былом,
Картинах будничного рая,
Как дружно за дверным углом
Сидят соседи за столом,
В лото до сумерек играя...

Ах, как бы ни была слепа
Она ко мне и людям близким,
Там обозначилась судьба,
В ней были живы дед и ба,
И я – их ангел без прописки...

На базар!

Июль... На деревне проснулись
И пахарь, и пекарь (едва ль)...
Сквозь сон слышен голос бабули
Чуть слышный: «Малёнка, вставай...»

Томлением – радость и нега,
Предчувствием – детский азарт.
Так хочется прыгать и бегать:
Мы нынче идём на базар!

Надето нарядное платье,
Не блеклый костюм «из старья».
И бабушка в ярком халате
Вся светится счастьем, как я...

Ползёт холодок шаловливый,
С утра вызывающий дрожь...
И не было в жизни счастливей
Минут, хоть сложи и умножь...

С годами не меркнет сознание.
Я вижу себя всё ясней
Идущую раннюю ранью
За ручку с бабулей моей...

Сегодня из утра седого
Я в грёзах смакую слегка
Ту сладость грушовки медовой,
Что соком течёт по щекам.

Покупки скромны, но удачны,
А солнце нещадно палит,
И светится боком прозрачным
Сияющий белый налив...

Солнце выглянет и пропадёт...

Солнце выглянет и пропадёт,
Затемнеется высь и... заплачется...
Где души легкокрылый полёт
Да кружение в ситцевом платице?

Месяц листьев сухих хоровод
Ветры запада - или же севера?
Дует слева и справа поёт,
Будто бесятся в танце их семеро...

Мне б застыть и упасть не дыша
В карусель многоцветья осеннего.
Что изменится?.. Всё – томоша*
Да фантазии... Нет в них спасения...

Как же чувства октябрьски остры!
Но объятья, навеки разъятые...
Эта осень меня - на разрыв.
Без тебя она стала десятою.

Век ли с ветром волчицею быть,
Сердце в кровь разрывая неистово?..
Я тебя не увижу живым.
Сам Господь не объявит амнистии.

Даже веря, что в райских садах
Уготована доля красивая,
Знать, что ты не придёшь никогда,
Невозможность невыносимая.

Ноет рыжая сука-тоска,
Лезет, ластится глазками лисьими,
Будет память по крохам таскать,
Зарывая под мёртвыми листьями.

Чем я дышу

*кому глаза не застил дым отечества,
тот не постигнет прелестей чужбин,*

...

*настанет время – сам увидишь, без очков:
в лугах, где борщевик, лабазник, хвощ, –
воздушный шарик в виде сердца с ленточкой...
а больше там и нету ничего.*

Чёрный Георг «Дым отечества»

А что мне дым? Я не топила печи.
Был горек хлеб, но безнадёжен сплин.
Живя, не отрекусь от русской речи
И от своей страдалицы-земли.

Растут на ней репей и подорожник,
Убого, у обочины, в пыли,
Но с каждым годом кажутся дороже
Они под сенью одряхлевших лип.

Чем я дышу, то, несомненно, свято.
Мне безрассудно-трепетно милы,
Волнующи и зверобой, и мята,
И ароматно-горькая полынь.

Любовь к земле не в травах и кореньях,
В основе чувства – дети, дом, друзья.
И в этом, и в обратном измеренье,
Так глубоко, что смертью не разъять.

Феерический сон

*Как будто стою у развилки дороги.
Геннадий Ростовский*

Цыплячьих расцветок люпины и дроки
Мне выстали солнечный путь...
Как будто стою у развилки дороги
Во сне и не в силах шагнуть...

Налево, направо - цветущие травы.
Я их, задохнусь, не примну.
Но летний морфей, безусловно, лукавый.
Так велено сну-колдуну...

Мгновенье, другое и... вот – невесома,
Над лугом, порхая, лечу
Я бабочкой шустрой... Восторг и истома
В душе, и смятение чувств!..

Дурманный ветер... Я – суть, но иная.
(Мне многое в жизни дано!)
Воздушная и нереально земная
С наличием крыльев и ног...

Мир светлый, прозрачный и многоголосый
Так хочется взять и обнять.
Со мной говорят и жуки, и стрекозы,
Приветствуют птицы меня...

О сказочном крае прелестницей феей,
Где всё волшебство впереди,
Очнувшись от грёз, я поведать сумею,
Ты тихо меня разбуди...

Небесные озёра

Вечереет... Полночь скоро.
Облаков вдали сувои**.
И небесные озёра
Проплывают над Москвою.

Тонут в них и взгляд, и звуки,
Унося всё выше, дальше
На крылах ветров упругих
К акварелям хрупким арша***...

Там, почти совсем незримо,
К незабудковой купели
Стайки белых пилигримов,
Нежных ангелов, присели...

Оторваться взором трудно:
Так притягивает бездна...
Как она сиюминутна
И волнительно – прелестна!

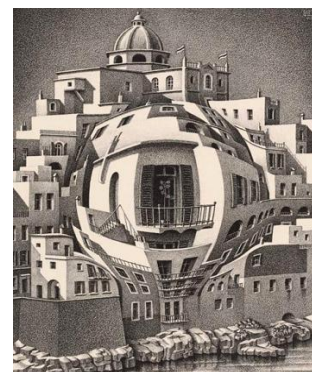
* Томоша - возня, суета.

** Сувой - что-либо свитое или навитое,
свиток, связка.

***Арш - небо.

АРТ-КАФЕ

В этой рубрике мы знакомим читателей с творчеством современных художников: здесь мы пьем кофе и разговариваем о живописи, графике, рисунке и художественных перспективах.

ЕВГЕНИЯ КОКОРЕВА: «В КАЖДОЙ РАБОТЕ ЕСТЬ СВОЯ ПРИЧИНА»

Художник Евгения Кокорева

Краткая справка:

Евгения Кокорева, художник, родилась в Москве. Профессиональное становление художницы началось в Московском театральном-художественном училище, затем она работала в объединении «Художественная гравюра». Окончила Педагогический институт, Заочный институт искусств. Также занималась у художника и графика Бориса Винокурова и живописца Бориса Овчухова. Участник 76 выставок – московских, республиканских, всесоюзных и международных. Выставочной деятельностью начала заниматься с 1990 года. Работы находятся в музеях и частных коллекциях Москвы и зарубежья.

Евгения Кокорева является членом:

- Творческого союза художников России и Международной федерации художников ЮНЕСКО,
 - Международного художественного фонда,
 - Международной академии наук и искусств в Париже,
 - Международной ассоциации писателей и публицистов (отд. «Золотая кисть России»),
 - «SLIKARSKI URANAK U BLAGU CRNE GORE» (Черногория),
- а также художником-постановщиком фестиваля искусств «Дунайский букет».

Однажды... весенним днем мы, а точнее два писателя - Светлана Сударикова, главный редактор «Московского BAZARa», и Ольга Грушевская, отправились в гости к Евгении Кокоревой в ее художественную мастерскую, что на Верхней Масловке.

Городок художников на Верхней Масловке - история самостоятельная, но все же хочется сказать пару слов об этом знаменитом районе, располагающемся между станциями метро «Динамо» и «Аэропорт», и так хорошо известном в творческой среде Москвы.

Дома для художников на Масловке были построены в 1930—1950 годах. Строились они, как и Дом на набережной, с конкретной целью: собрать вместе московскую элиту, на Масловке - художественную, предоставив ей комфортные условия для жизни и творчества и оградив от бытовой неустроенности. Государство, обескровленное потрясениями и войной, несмотря на разруху, старалось эти условия создать, и это было очень мудро, поскольку для сплочения и объединения народа новому обществу, которое мы тогда строили, нужна была своя, новая

культура, которая дала бы базу для дальнейшего духовного развития. Поэтому не удивительно, что выделялись средства и ставились творческие задачи.

Вот и получилось, что сменились поколения, взгляды, скорости, а появившийся в 30-е годы прошлого века уникальный художественный городок остался нетронутым и в настоящее время по-прежнему является оазисом быта и творчества художников Москвы. По праву эти мастерские, хранящие традиции и память о целой эпохе русской культуры, охватившей почти всё двадцатое столетие, можно назвать энциклопедией творчества российских художников. Здесь жили и работали Ю. Пименов, И. Грабарь, С. Чуйков, Ф. Решетников, А. Дейнека, В. Татлин, А. Лабас и многие-многие другие.

И сегодня городок не просто музей с галереями и известными работами художников-классиков советской эпохи. Это еще и действующие мастерские, в которых продолжается творческий процесс, рождаются новые великолепные произведения, наследующие добрые традиции этого священного для художников места. Вот бы только дома отремонтировать...

Но вернемся к нашему рассказу. На доме номер 9 при входе – мемориальная доска с именами знаменитостей: здесь были и работали... В вестибюле античные и современные гипсовые «головы» – сразу перед старым лифтом из детства, с сеткой и открывающейся вручную застекленной дверью. Поднимаемся по широкой лестнице на второй этаж, вдыхая остановившееся время; моем руки в ванной комнате – единственной на этаже, наблюдая, как громко разбивается струя воды о старую жестяную раковину-поддон, сохранившуюся еще с 30-х годов.

Вдоль этого корытца в стену вделаны сразу три крана, наверное, чтобы художники не толкались в очереди. Выше – старое зеркало, впитавшее в себя за долгие десятилетия множество мыслей и образов, теперь оно отражает наши лица, иронично искажая мимолетную современность, словно посмеиваясь над временем и условностями. И вот мы входим в мастерскую, в которой работает Евгения.

Мастерская похожа на застекленную террасу старой академической дачи – во Внукове или Переделкине. Оказавшись там, сразу чувствуешь себя в родной стихии: большие окна, за которыми скрипят ветви деревьев; повсюду художественные кисти – в кувшинах, стаканах, на столе, у зеркала, на полу; керамические горшки, большие и маленькие, заставили подоконники; в воздухе витает запах масляных красок.

*В мастерской у Евгении Кокоревой,
май 2014 г.*

В центре мастерской, на столе, ваза с фиолетовыми тюльпанами. Хозяйка спешно накрывает на стол: конфеты, орехи, сыр, мартини. Оглядываемся, а мы не одни: картины смотрят на нас с особым внутренним любопытством: «Кто это, Женечка, к нам с тобой пожаловал?»

Одни полотна смотрят на нас открыто – в фас, другие снисходительно повернулись боком; а некоторые вообще равнодушно отвернулись, не достаивая внимания.

А мы стоим, смущенные, среди этой разновеликой толпы - разножанровой и разноплановой, завершенной и еще не законченной; и мы взволнованы ощущением сопричастности и желанием непременно везде заглянуть и все у хозяйки расспросить.

Но уже через минуту мы поняли, что беседа наша уже давно идет сама по себе – легко и непринужденно, словно началась она уже очень давно, и нет у нее ни начала, ни конца... А потому наша встреча с Женей и интервью похожи на ее живописные работы, где одна тема – красная, яркая – вдруг сменяется другой – лирической, голубой; где рваные острые линии вдруг переходят в мягкие женственные, как улыбка самой Жени.

*В мастерской у Евгении Кокоревой,
май 2014 г.*

МУЖЧИНА – ЖЕНЩИНА – ТВОРЕЦ

МВ: Женя, что для вас творчество? Это результат или процесс? Что важнее?

Е.К.: Художник – это такая меняющаяся субстанция, что ответить очень трудно. Бывают моменты, когда не важен ни процесс, ни результат, а художником движет желание выразить мысль, событие, взгляд, звук, состояние, мгновение. Насколько хватит сил. Творчество – это процесс, в котором и результат уже не важен.

МВ: Творец – слово мужского рода. Также и писатель, художник, если относиться к этому серьезно, а вот писательница, художница – несет какой-то иной смысл, более ироничный что ли, пониженный оттенок. Вам не кажется?

Е. К.: Я бы женщин поставила на свое природное место. Нет в природе такого понятия – творчиха. Это против природы, это не правильно. Творец – мужского рода. Художник, живописец, поэт, литератор, скульптор, архитектор, учитель, врач, мастер, даже повар – мужского рода. Этот ряд бесконечен. Тут задействована природная физика и химия. Для того чтобы творить, нужно целиковое поле, яйцо должно быть целым, в котором творец и варится; варится, пока результат не выплескивается на холст или в поэзию.

МВ: А что должна женщина делать?

Е. К.: Женщина, как только родила, себя разрушила. Она не уже может стоять целиком одна и «варить». Она уже не одна – она разделилась, разрушив свое биополе. Поэтому она никогда не добьется того, что может мужчина. Никогда. Не место ей у станка. А художником быть тетке вообще нонсенс.

МВ: А как же наши современные художницы?

Е. К.: Они замечательные, талантливые, некоторые из них мне нравятся. Но они скорее исключение из правила.

МВ (Ольга Грушевская): И я все больше прихожу к этому выводу. Как только высказываешь из бытовой или семейной круговерти, то вроде и достигаешь чего-то немножечко. Но это псевдодостижения. От природы у мужчины предназначение – творить, у женщины – вынашивать, оберегать, растить это семя.

МВ (Светлана Сударикова): Действительно, когда мы вспоминаем столпов творчества, науки, то только мужские имена приходят в голову.

Е. К.: Да, я это все чувствую постоянно. Когда я попадаю в общество мужчин, гениальных художников, я себя чувствую букашкой. Вижу их мощь. Я не принижаю себя. Оно так и есть. Я

всегда привожу в пример Зинаиду Волконскую, которая была необыкновенно талантлива: и пела, и танцевала, и писала различные произведения в тандеме с отцом, но все ее творения и таланты были направлены в дом - в домашний салон, домашний альбом, домашний театр, в дом, очаг, и в истории она осталась как талантливая женщина, но она всегда была в доме!

МВ (Светлана Сударикова): Как и мать Пастернака. И если женщина не поймет и не смирится со своим природным предназначением как с главенствующим в ее жизни, то она обречена на одиночество и непонимание со стороны близких, получается так?

Е. К.: Творчество женщин - это гордыня, по Евангелию, и не случайно. Женщина вынужденно черпает свою творческую энергию из более тонкого слоя, это намного труднее и требует значительно больших сил, и все ее творчество происходит за счет семьи и ее самой. Это закон сохранения энергии – если где-то что-то прибавилось, то в семье убавилось. Меня и мою работу никто не понимал: ни мужья, ни дети. Мне не простили творчества, выпихнули отовсюду, и вот я здесь. Я одна.

ТВОРЧЕСТВО КАК ОДЕРЖИМОСТЬ – ВДОХНОВЕНИЕ И НЕОБХОДИМОСТЬ

МВ: Если брать близкий круг, то там свои, часто эгоистические мотивы. Но чтобы быть свободным в своем творчестве, приходится расплачиваться одиночеством. Хотя, если дано от Бога, то остановить творчество невозможно, это как одержимость. Если нахлынуло вдохновение, то ты уже ничего не видишь и не слышишь, и остановиться не можешь, как бы ни хотела сесть возле очага. Вы испытывали такие чувства?

Е. К.: Конечно! Но еще хуже, когда нет никакого вдохновения, а работать надо. Каждый день надо работать.

МВ: А если надо, но не идет? Что делать?

Е. К.: Биться головой о стену! Видите, какие стены все разбитые!

МВ: А вы пишете вдохновенно или с битьем об стену, разница на картинах потом видна?

Е. К.: Никакой разницы. Лет пятнадцать назад, когда собирались с друзьями чаще, сидели дольше, как-то я сказала: «Ребята, мне еще две “Зимы” сделать надо, через два часа придут за работами. И тех пор меня стали звать “Женька-две зимы”».

МВ: Это уже профессионализм. Только вы знаете, какую первопричину имеет каждая картина.

Женя загадочно улыбается и мы понимаем, что еще вернемся к теме первопричин.

Грани бытия, холст, масло, 2010

ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА

Наша встреча с Женей состоялась как раз в период, когда в Бахметьевском гараже «Шаарей Цедек» (Центр толерантности) проходила выставка ее работ в рамках проекта «...А мы живем...» - коллекции живописных полотен, посвященных истории и культуре еврейского народа. Мы были на открытии этой удивительной выставки, насыщенной, проникнутой особым колоритом традиций великой культуры в контексте современной художнику реальности.

«Ни бранью, ни смехом нельзя изменить мир...», - скользят слова в подготовленном к выставке музыкально-художественном видеоряде, демонстрирующем коллекцию картин этого проекта.

Жене удалось передать непрерывную связь времен, удачно реализовав диалог художника и зрителя о творческом освоении мира. Художник не стоит в стороне и не является простым созерцателем, а выражает свое личное отношение и к радостям праздников, и к страданиям, гонениям великого народа, создавая особую сюжетную и цветовую композицию в своих художественных работах. Страницы истории находят на Жениных полотнах свой многоголосый отклик – страницы от Авраама, Моисея, царя Соломона, Иисуса Христа до Бухенвальда, Освенцима, парижского, пражского, рижского, варшавского гетто, Бабьего Яра в Киеве.

Диптих «Пурим», холст, масло, 2010

«Отец был старше матери на 20 лет, - рассказывает Женя, - расписались они, когда мне было уже 11 лет. Работали родители в одном министерстве. Отец был большевиком, участвовал в военных действиях в 1919 г., получил ранение, а во время Великой Отечественной войны, будучи связистом, работал в Кремле. Было такое, что его и на Халхинголе расстреливали. Во всех перипетиях этой жизни демонстрировать свое отношение к национальности он не мог. Про кровь нашу родители говорили: польская - убереечь старались детей... А у меня в 2008 году неожиданно пошла серия работ».

МВ: Что же дало толчок? Какая, как вы говорите, была причина для создания картин этой серии?

Е. К.: У меня есть картина «Фонари». Я их впервые выставила в Манеже. На следующий день после открытия стою в гардеробе с пальто, а впереди молодые люди говорят, один другому дорогу объясняет: «Идешь вперед до “еврейских шляп...”», до уличных фонарей, значит, которые эти шляпы напоминают. И все! Вот я и называю эти «еврейские шляпы» провокаторами. Так пошла серия работ на еврейскую тему. Судьба.

Фонари, холст, масло, 2008

Проект «Преодоление», холст, масло, 2010

Холокост, холст, масло, 2010

ХУДОЖНИК И ОБЩЕСТВО

МВ: Чтобы себя позиционировать, нужно уметь общаться с людьми, быть в обществе. Многие из хороших художников и писателей, даже лучшие из тех, кто узнаваем и известен, по натуре малообщительны, живут особняком, держатся в тени. Почему?

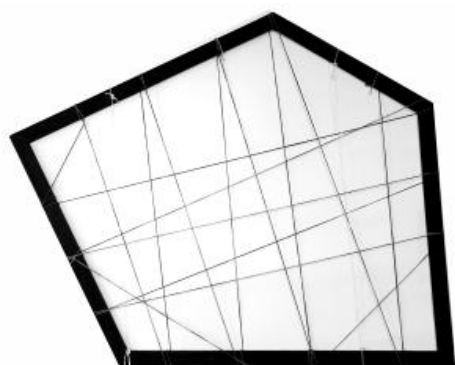
Е. К.: Сейчас много замечательных художников. Хамдамов – гениальный художник, режиссер, график. Но на публику не работает, он сам по себе. Все, что он делает, настолько гениально! Шемякин – график номер один, настоящий подвижник. Он сейчас в Воронеже поднимает художественный университет, будет там преподавать.

Ханука, холст, масло, 2010

МВ: Подвижничество всегда присутствовало у людей талантливых, одаренных. Они шли в народ, чтобы просто нести искусство людям, при этом не требуя наград. Правда, это иногда плохо кончалось.

Е. К.: Сколько неизвестных авторов в нашей истории, сколько храмов в России – а кто их расписал? Часто и назвать невозможно. Имена канули в Лету.

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Е. К.: Надеюсь, что осенью в галерее «Сосны» буду делать выставку работ в рамках проекта «Время», который носит христианскую направленность. Это графический проект. Когда нам «обещали» конец света - времени, я задумалась и решила этот проект осуществить.

... Всё. Порознь и без руки
Чурающимися соседями
Бредем. Со стороны реки
Плач. Падающую соленую
Ртуть слизываю без забот:
Луны огромной Соломоновой
Слезам не выслал небосвод.
Столб. Отчего бы лбом не стукнуться
В кровь? Вдребезги бы, а не в кровь!
Стращающимися сопреступниками
Бредем. ...

М. И. Цветаева «Поэма Конца»

Проект «Время»: На конец времени, 2012

Женин проект «Время» начинается с призыва: «Время! Осторожно!!! Не кантовать!» Художник задает себе и миру вопрос: что такое время? Время текущее, последовательное, физическое, историческое, психологическое, метафизическое, мистическое и вселенское.

Внутренняя зрелость проекта наметилась уже давно - при погружении художника в музыку («Квартет на конец времени» О. Мессиана), в поэзию серебряного века, историю искусства, углубляясь в наследие древнего художника, оставившего шедевры на сводах пещер, а также мастеров Кватроченто и нынешних дней.

«Материал сам потек в меня широкой рекой, - признается Женя и поясняет: - “Куб времени” и тема “Времени” - это попытка осмыслить вечный вопрос о ценности жизни и смерти; преемственности поколений, праве детей наследовать врожденное желание изучать внутреннюю суть событий».

МВ: Что стало поводом для создания этого проекта и цикла работ?

Е. К.: Это мои собственные поиски ответов на неразрешимые дилеммы человеческого бытия. Я призываю в свидетели математику, чувство, интуицию. Рассказываю и соединяю возможные и невозможные версии. Египет, майя, шумеры, европейский мир Средних веков накопили противоречивый груз представлений. С ними я и работаю.

МВ: На многих картинах этого цикла изображено нечто, похожее на очередь. Люди уходят вереницей в открытую дверь, вереницы толпящихся людей, цепочки фигур в движении... Что это за образы?

Е. К.: Это причинно-следственный клубок времени. Очередность в смысле порядка - *order, ordnung*. Человек проводит свое метафизическое внутреннее время в вечном ожидании: в ожидании своего прихода, в ожидании своего конца. Мы всегда в очереди. Очередь как вереница народов и поколений. Очередь как перемежение ритмов исторической цикличности: очередь начинается непосредственно от появления на голой сцене мира *homo sapiens* - движется от сотворения этого мира и прослеживается до выхода в портал неведомого.

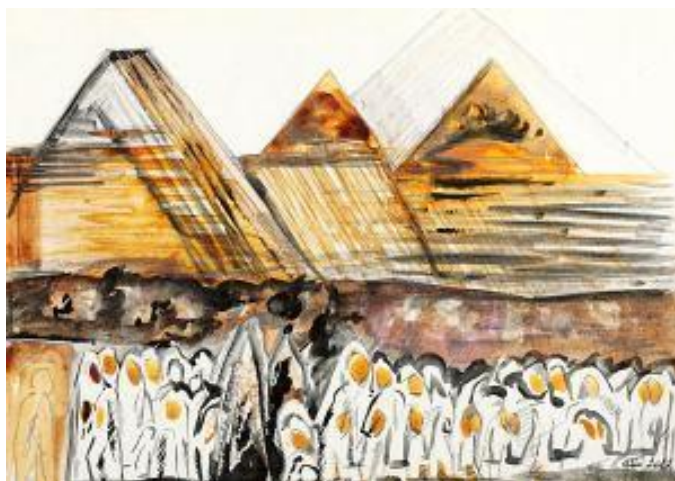
Проект «Время», 2012

Из Торы (История), холст, масло, 2012

МВ: На ряде картин цветовая гамма достаточно сужена - черный, белый, охра. Это намеренное ограничение, символическое или чисто декоративное?

Е. К.: Это известный бинер полярных антицветов - белого и черного, включает и охру – цвет существования, цвет земной тверди, из которой сделано всё сущее.

Проект «Время», х/м, 2010

«О. Мессиан. Квартет на конец времени», холст, масло, 2012

МВ: Женя, картины этого цикла очень разные. Присутствует такое разнообразие форм! Неправильные формы, ломанные линии. Но есть и насыщенные картины с цветовым решением и преобладанием синего, голубого. Цвет символизирует жизнь?

Е. К.: Время имеет разнообразные формы, оно ведь не всегда течет плавно. Порой оно имеет неправильные, ломанные линии, резкие повороты. А цвет я включаю как биение высшего смысла, как «музыку горних сфер». Это «высшая математика Создателя».

МВ: У вас есть и музыкальная тема в проекте. Расскажите?

«О. Мессиан. Квартет на конец времени», холст, масло, 2012

Е. К.: Да. Музыка Ренессанса выступает вместе с музыкой Оливье Мессиана. Под впечатлением современных произведений последнего написан «Квартет на конец времени». С Мессиана тема времени и началась. Я работала над темой Холокоста, и она привела меня к Мессиану, так как «Квартет на конец времени» был написан в лагере для перемещенных лиц в Париже в 1942 г., и тогда же Мессиан его там исполнял. В истории осталось очень подробное и щемящее описание этого «Квартета...», и я не могла пройти мимо.

Как Женя и планировала, 5 сентября состоялось открытие выставки ее работ в рамках проекта «Время». Выставка состоялась в галерее «Сосны» и называлась строками стихотворения Ильи Эренбурга:

...ответишь перед всеми
Не только за себя –
За Время.

«О. Мессиаан. Квартет на конец времени», холст, масло, 2012

«О. Мессиаан. Квартет на конец времени», холст, масло, 2012

МВ: А как вы пишете? Как у вас рождается сюжет? Вы всегда держите в голове финальную картину?

Е. К.: По-разному. Как правило, работа где-то есть на подкорке, и есть финал, а в процессе все может измениться.

МВ (Ольга Грушевская): Согласна, процесс творчества очень гибкая вещь. Мои персонажи порой могут себя повести для меня совершенно неожиданно или что-то сказать такое - еле успеваю за ними записывать! Женя, а как у вас рождаются сюжеты для картин? Откуда они берутся?

Е. К.: Это происходит по-разному, никто сказать точно не может. Мне кажется, что в каждой работе есть своя причина и своя душа. Вплоть до того, что иногда картина рождается от страха, и так бывает. От сумасшествия. Вот что скажет эта картина (*обращает наше внимание на картину «Костромское уединение», на которой изображен добродушный деревенский мужичок*)? Это реальный человек. В деревне, где у нас была дача, жил один негодяй, который терроризировал местных бабушек. И вот этот пастух не выдержал и ударил его, да так, что тот взял и умер.

И бабушки эти всем миром собирали деньги на адвоката, ездили в Галич, бились за пастуха-защитника, и ему дали всего 3 года. Бабки, получается, его отвоевали. Этот дядька потом и мне помог: отдал все, что было у него в хозяйстве: шифер, кирпич, и что мне нужно было. Конечно, я не могла пройти мимо, и я его написала. Теперь он ушел в вечность.

МВ: А эта картина «Мадонна с ребенком»? Это тоже реальные люди?

Е. К.: Да, это мама с братом. А вот образы в «Болонском лесу» - синтетические. А вообще, все самое главное у художника рождается на диване! (*Смеется.*)

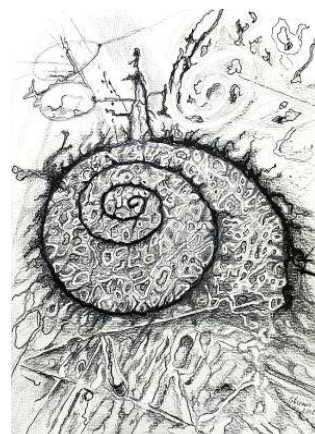
МВ: А когда работа закончена, какие ощущения?

Е. К.: Законченных работ не бывает.

МВ: То есть можно все время совершенствовать? И доделывать?

Московский BAZAR, № 3 (13) 2014 г. **МОССАЛИТУ 5 лет!**

Е. К.: Да. Это только Леонардо мог доделать до конца. Он всю жизнь возил Джоконду за собой и постоянно на нее пялился. *(Смеется.)*

Проект «Время», графика, 2012 г.

МВ: Да, а великий Маркес как-то сказал, что «Сто лет одиночества» надо хорошенько переделать и написать как следует.

Е. К.: А я все время скоблю. Меня и из дома за это выгнали в мастерскую. *(Смеется.)*

МВ: А почему вы все время скоблите?

Е. К.: А потому, что раздражение. Недовольство собой.

НАЧАЛО

МВ: А когда вы начали свой творческий путь? Когда написали первую картину?

Е. К.: Я в 17 лет уже имела трудовую книжку с профессией «художник». Писала с детства.

МВ: В семье были художники?

Е. К.: У меня дядя писал картины. Он не жил с нами, но часто приезжал. Дядя был самоучкой, человеком на самом деле далеким от искусства, но написал картину, которую повесили над моей детской кроваткой. Я помню ее детально: там был ангел. Ангел в образе девушки, и еще был маленький мальчик. Помню необыкновенное ощущение воздуха...

«А воскресенье началось с дождя», холст, масло, 2009

МВ: Значит, вас благословил ангел!

Е. К.: В 14 лет поступила в театрално-художественное училище. Но умерла бабушка, которая сидела со всеми детьми - мама работала. И тогда с детьми стала сидеть я, сидела целый год. А через год встретила с нашим дальним родственником, художником. Он сказал: «А чего ты сидишь? Пойдем работать». И я попала к художникам, захотела учиться дальше. Но сначала поступила в педагогический институт, так что по первому образованию я филолог (улыбается), а уже позже окончила университет искусств.

МВ: У вас есть диплом Академии российской словесности, выданный вам как члену-корреспонденту. За что вы его получили?

Е. К.: Было время, когда мы сотрудничали в литературе. Увлекалась поэзией, писала стихи, рассказы, статьи.

МВ: Да?! Значит, наша следующая встреча будет уже в рубрике «Поэзия» или «Проза» – ловим на слове!

В мастерской у Евгении Кокорева, май 2014 г.

Использованы материалы:

Авторский сайт Евгении Кокорева <http://kokorewa.wix.com/kokorewa#!projects/cn46>

Масловка - городок художников <http://www.maslovka.org/>

ПРОЗА

Ольга Грушевская
(МОССАЛИТ, Москва)

ОСЕННЯЯ МИНИАТЮРА № 1

На улице не по-осеннему тепло. То ли спустилось бабье лето - пестрое, дымное, незнакомое, со своими разноцветными пончо-шалями, уютными, шерстяными – в них хочется укутаться, словно спрятаться в уверенных мужских руках. То ли это еще какое время года, мне не ведомое, пятое - то, которое наступает, когда свобода перемешивается с одиночеством. Не знаю, все в этой жизни давно перепуталось...

...и вновь потянуло на осеннюю романтику. Бронзовый период.

Странное это создание – человеческая особь: дожди и холод – плохо ему, неуютно; тепло и солнечно – грустно. Сам не знает, что ему надо для счастья. Все мается, ищет что-то – не находит, уходит понуро, унося в душе воспоминания о несбывшемся.

А ты улыбаешься, отворачиваешься, не хочешь говорить о себе, не хочешь казаться занудой.

«Вот беда, - думаешь. - Чем осень ярче, наряднее, чем погода теплее и солнечнее, тем тяжелее тебе на сердце. Что ж это за эгоизм-то такой неприкрытый!»

Щемящая тоска сковывает тебя всю, словно облепляет воском. Одиночество проступает через все щели-щелочки, случайно не законопаченные привычно отработанными схемами твоей повседневной жизни. А ведь слово это – одиночество – тебе так не свойственно. Все знают – идешь ты по жизни легко и радостно, людьми себя окружаешь, друзьями, в гости зовешь – приходят. Бежишь вперед суетливо, пять дел сразу делая, – получается. О неудачах-горестях рассказываешь со смехом, словно и нет их в твоей жизни. Ах, что за легкомысленность такая, что за поверхность, скажут!

Вот только осень, чертовка истерическая, что-то внутри тебя будоражит, тревожит. Так и манит своим последним еле теплым золотом, своей зрелой роскошью, своей ироничной снисходительностью, манит и зовет: «Ну, иди же сюда, иди, вдохни мягкий, чуть с прохладцей воздух, поброди по тропинкам подмосковных дач, по пролескам багряным, прислушайся к шуршащим под ногами листьям, ничего не слышишь? Подними голову, посмотри на прозрачно-молочное небо. Ничего не видишь? А ведь там, в вышине, еще лето...»

Да, говорят, осенью природа затихает, погружается в свои природные сны. Что ей снится? А бог ее знает. Slideshow «Природа», «Города», «Импрессионисты», «Девушки», «Дикие животные»...

Природа затихает, но в нас что-то пробуждается – где-то глубоко внутри, со дна поднимается что-то давно похороненное. Зачем? Перевертыш.

И вот ты уже накидываешь на плечи куртку, хлопаешь дверью, садишься в машину и летишь вперед. Куда? Да ты и сама не знаешь - куда-нибудь. За город, в парк, на свою ли дачу, к друзьям ли, главное - прочь, прочь из города, прочь от мыслей, от сравнений и оценок, от пресловутого добра и зла и этих «путей, которые мы выбираем»! И через час ты уже машешь рукой у ворот, похлопываешь по бокам большого веселого пса, обмениваешься приветствиями. А потом... ходишь, завернувшись в свитер с длинными рукавами, по гравийным садовым дорожкам, шуршишь листьями, цепляя их острыми носками своих ковбойских сапог, вдыхаешь сыроватую горечь земли, словно пьешь чилийское вино. И вот ты уже размякла, и даже улыбка чуть тронула твои губы, ты шутишь, смеешься, а чьи-то заботливые дружеские руки накидывают на твои плечи мягкую куртку, и тебе кажется, что все опять хорошо, что ты со всеми.

Но потом внезапно становится ощутимой прохлада - та самая, так хорошо всем знакомая, осенняя, отстраненная, ставящая росчерк в твоём прошлом, подпись в анкетных данных. Ветерок - не сильный, лишь намек на него - чуть касается деревьев, те отвечают ленивым вертлявым листопадом, и ты остро осознаешь: нет, ты одна, живешь, как кошка - сама по себе. А вся эта красота, все это убранство, в котором можно находиться и которым можно наслаждаться только вдвоем с любимым человеком (как смотреть вдвоем на воду или на огонь, сидеть вдвоем у камина, или залезть под один плед, или снять с него свитер и натянуть на себя, всеми порами ощутив его тепло и запах), оно как будто само по себе и в своей параллельности к тебе отношения не имеет - так, картинка через стекло, изысканный пейзаж в богатой раме.

И тогда ты уходишь, вновь быстро садишься в машину и, надев «городскую» маску успешности и перфекционизма, стараясь смотреть только на антрацитовую ленту дороги, торопишься домой, в свой узаконенный рай стабильности и правопорядка.

Влетаешь в квартиру, захлопываешь дверь, прижимаешься лбом к ее твердой поверхности и закрываешь глаза, вновь покрываясь тягучим воском.

ОСЕННЯЯ МИНИАТЮРА № 2

Первый сентябрьский день. Утро. Сегодня твой сын идет в институт - на свое первое занятие. Этим летом он стал студентом первого курса престижного вуза. Звучит красиво. За плечами два года подготовки, беспросветных занятий и спрессованного графика передвижений по городу к учителям. Требовалось четвертое измерение, чтобы одним шагом, мгновенно, попасть в другой район Москвы. Бутерброды на ходу, уроки по ночам, переполненные вагоны метро, занятия в дороге - один глаз спит, другой читает. Волнения, эмоциональные срывы и много чего еще, что теперь вспоминается с ужасом.

Тогда ты думала: если все сбудется, если сын поступит, будешь плакать безудержно. От радости. И вот пришли good news - он в списках! Смотрела на вашу фамилию - наглядеться не могла. Видела буквы, складывала в слово, а продолжения в душе не находила. Там все по-прежнему было сжато, сковано, напряжение держало тебя мертвой хваткой, не отпускало. Потому-то и слез тогда не было, были сухи твои глаза, накопившаяся усталость перекрыла слезный канал. Нет, конечно же, ты была счастлива. Обняла сына, поцеловала в щеку - еще нежную, но уже чуть колкую, прошептала на ухо: «Молодец, мой хороший, умница, я в тебя верила» и устроила праздник. Разогнавшееся в то лето время опережало эмоции, и так длилось до сегодняшнего утра.

Ах, новый день, новое утро. Сегодня за одну ночь к тебе наконец пришло осознание. Ты проснулась другой. Вдыхаешь полной грудью – отпустило. Надо же, словно ключ повернули и отворили запертую дверь. Напряжение – узник твоей души – вылетело на волю, помахало рукой и скрылось за поворотом прошлого.

Ты стоишь обновленная, расслабленная, счастливая, как *новорожденная*. Запоздалые слезы блестят в глазах. Ждешь с нетерпением, когда твой роднуля – студент новоявленный – внизу появится, чтобы махнуть ему: Всего хорошего! В добрый путь!

И вслед за пережитым рождением, обретая новые силы для очередного этапа, ты понимаешь – такая простая догадка приходит к тебе лишь сейчас, – понимаешь всеми клеточками своего тела и не успевающей за ним души: мальчик вырос! Твой сын незаметно для тебя превратился в иного человека, и ты сомневаешься, знакома ли ты с ним? Он теперь учится в серьезном месте и, похоже, уже давно живет своей, не ведомой тебе жизнью.

Эх, собственница близорукая, как же ты упустила, как не заметила этот волшебный момент перехода из мальчика в юношу, как проглядела ты за своими тревогами, усталостью, обидами, вечной суетностью, что наступил уже другой период жизни, где роль твоя из заглавной стала второстепенной – важной и дорогой, но... чуть с краю. Нет-нет, ты догадывалась, ты ведь видела, не могла изменений не видеть, не совсем уж зашоренная, правда? Да, конечно, видела, но не ощущала. Понимала, но не принимала. И теперь на тебя все обрушилось сразу: и облегчение, и страх перед неведомым.

Твоя подруга как-то сказала: «Ты и опомниться не успеешь, милая, как, зайдя в детскую, обнаружишь там вместо мальчика взрослого дядьку со щетиной».

Не верила. Думала – далеко еще.

А помнишь, как совсем недавно, еще лет восемь назад, ты точно так же у окна стояла и со слезами умиления смотрела, как твой третьеклассник первый раз сам, без сопровождения, идет в школу – первые три класса вы провожали его. Смотрела из окна, и сердце сжималось от нежности. Рюкзак большой – больше него, куртка под ним задралась, в руке пакет со сменной обувью – до земли болтается. Идет один, гордо – сам. Вот остановился у калитки дворовой ограды, повернулся и застыл – в окно вглядывается, пытается тебя разглядеть в бликующем на сентябрьском солнце окне. Ты скорее окно открываешь, чуть не падаешь в осень! Окликаешь его, словно слово волшебное произносишь. А он руками машет, обеими! Смеется, и ты тоже смеешься и машешь ему – машешь изо всех сил, чтобы он услышал тебя, чтобы увидел, чтобы было ему не страшно...

Да, вырос твой мальчик – новый день, новое утро. Сегодня все по-другому. Или кажется? Стоишь ты в той же комнате у того же окна и с нетерпением смотришь вниз (ох уж это окно – магнит заколдованный, медом намазанное, стоять тебе перед ним не перестоять еще долгие лета). Нет, ничего не изменилось: те же кресла, те же картины и безделушки, те же солнечные блики, к старым фотографиям разве что прибавились новые – так это же естественно. Тот же запах булочек, какао из кухни, да и ты та же самая – так тебе кажется. И той же дорогой сейчас пойдет твой повзрослевший сын – через двор на улицу. Вот наконец хлопнула дверь подъезда, и появилась его вытянувшаяся фигурка. Раздавшиеся плечи, темный затылок, длинные волосы. Модная куртка расстегнута, на плече тряпичная сумка с одинокой тетрадкой, с книгой в дорогу и ручкой, затерявшейся где-то на дне.

А ты все ждешь: ну когда же он обернется?

Вот он пересекает двор, вот подходит к изгороди – идет легко, стремительно – сам.

Московский BAZAR, № 3 (13) 2014 г. **МОССАЛИТу 5 лет!**

Ну когда, когда же он обернется? – все думаешь. Когда помашет тебе снисходительно, взрослому: «Все хорошо! Не волнуйся!»

...чтобы тут же замахать ему в ответ уже поднятой рукой, чтобы он заметил, увидел тебя, чтобы ему не было страшно...

...идти первый раз ...

...в институт... в эту жизнь.

Как смешно, как по-клушечьи все это звучит, как по-матерински...

Но нет. Твой мальчик быстро открывает калитку, щелкает зажигалкой и, не оглядываясь, не задерживаясь ни на секунду, устремляется вперед – опаздывает.

И мысли его уже далеко.

Ты медленно опускаешь свою раскрытую ладонь - махать некому.

Никому не страшно.

А тебе? Роли сменились.

Ты растерянно поджимаешь губы и долго-долго смотришь сыну вслед, пока его тонкий силуэт не исчезает между домами.

Евгения Кокорева. Подсмотренное, холст, масло, 2010

ПРОЗА

Валерий Старовойтов

(Томск)

ТЫБИК

Мгла сумерек, густо приправленная туманом выхлопных газов, окутала замороженный город. Томичи, пряча застылые лица в натуральные и искусственные меха, в предновогодней суете спешили укрыться за яркими витринами наряженных магазинов. Уличные продавцы, больше похожие на полярников, зазывали купить ёлки и новогодние игрушки со скидкой на тридцатиградусный мороз. Сердито факали на перекрестках автомобили на зазевавшихся пешеходов и желтым цветом вырывали из темноты новогодние граффити на домах и металлических гаражах вдоль заснеженных улиц сибирского города. Зима лютовала в своих правах уже две недели.

«Суета сует», - подумала Оля, секретарша президента холдинга, отрывая прелестный носик от окна, украшенного разноцветными снежинками. Девушка так старалась принарядить офис, но Иннокентий Львович, сбрасывая на ходу бобровую шубу, даже не взглянул на творение умелых рук своего референта. «Ну и ладно, посмотрим на его подарок, а там и решим», - Оленька сложила губки бантиком и капризно отвернулась к стеклу. Голос шефа в динамике элитного телефона напомнил о том, что рабочий день не закончен, и неожиданно попросил водки, икры, черного хлеба и Жору.

Жора, как его все звали, а точнее Георгий Иванович - всего лишь ведущий специалист в области одной разработки, давно отданной китайцам за долги, переживший четыре массовых увольнения и два экономических кризиса, был всеми востребован, хотя уже не имел прямых обязанностей и строгих должностных инструкций. Жора - милейший человек с душой и внешностью неутомимого гнома. Небольшого роста, в фиолетовом пиджачке а-ля девяностые и потертых джинсах, он беспрестанно что-то двигал, перетаскивал, подключал и отключал, бегал за газетами и сигаретами, рисовал графики, даже помогал уборщице тете Паше поднять ведра на этаж. И какую бы работу по просьбе коллег Жора ни делал, на его круглом лице читалась вежливая приветливость, а глаза излучали самую доброту. Компания несколько раз реорганизовывалась, переходила из рук в руки, меняя сотрудников, поэтому никто и не помнил первого рабочего дня Георгия Ивановича. Приходил он на работу рано и уходил позже других. Жора являлся неотъемлемым приложением холдинга, контора умерла бы сразу, если бы Георгий Иванович уволился!

Покинул президентский кабинет Жора примерно через час после вызова. Завитки волос на его покрасневшей лысине взмокли. Он вынес из кабинета шефа коробку от ксерокса и поставил на стол перед изумленной Ольгой.

«Главного финансиста ко мне, бегом не медля, бля!» - изрек пьяным голосом шефа телефонный аппарат.

- Вот!

- Что это, — красивые миндалевые глаза округлились, - обещанная премия?! Таисию Варленовну к Иннокентию Львовичу! — тонкий ухоженный палец машинально, но точно попал в нужную клавишу аппарата марки Gresso.

- Нет, книжки!

- Сберегательные, всем?!

- Обычные, художественные. Иннокентий Львович приказал нам распечатать новогодние открытки строго в соответствии с этим документом, а подарки разнести нижеперечисленным сотрудникам вместе с поздравлением лично от него. А вот остальным действительно по 100 новогодних баксов, как обычно! Разрешите, я настрою компьютер!

Девушка провалилась в глубокое кресло для гостей и начала читать вслух странное распоряжение: «Игру в бисер» Германа Гессе - начальнику службы безопасности; «62. Модель для сборки» Хулио Кортасара – главному конструктору; «Алхимика» Пауло Коэльо – вице-президенту, руководителю торговой сети; «Охоту на овец» Мураками – председателю комитета профсоюза; «Сто лет одиночества» Маркеса – финансовому директору.

Финансовый директор величаво проплыла по просторной приемной, покачивая крупными ягодицами в такт цоканью высоких каблучков, и небрежно бросила в сторону:

- Жора, ты бы зашел в бухгалтерию. «Парус» опять завис. Эта программа меня достала и подложит всем свинью в уходящем году, оставив без премии.

Когда массивная дверь президентского кабинета плотно закрылась, Ольга молодецки выкинула руку с поднятым средним пальцем и негромко выразилась:

- Твой возлюбленный тебя уже премировал одиночеством на сто годков, так что обломись!

Круглое лицо Георгия Ивановича расплылось в широкой улыбке, а уверенные пальцы барабанили по клавишам замысловатые команды для отображения на бумаге мохнатой зеленой лапы, украшенной разноцветными шарами со строгими лицами высшего руководства холдинга, приговоренного к повешению на корпоративной новогодней ели.

Телефон от непрекращающихся звонков стал еще краснее. Жора беспрестанно отвечал: «Непременно буду, зайду обязательно, хорошо передам, нет проблем, помогу». Вскоре он действительно сорвался с места и побежал откупоривать бутылки с вином, мыть фрукты, украшать конференц-зал, разбираться с неполадками в «Парусе» и еще по многим, многим поручениям...

Ольга заняла свое рабочее место и начала сортировать открытки, размышляя при этом о черной метке, которая явствовала из названий книг, как причинно-следственная связь проступков одаряемых столь странным способом и неясных последствий от этих подарков для компании в целом. Ясно было одно, не мог вот так просто налакаться у себя в рабочем кабинете руководитель самого крупного в городе предприятия, да еще поздравить весь бомонд холдинга довольно оригинально. Оленька училась заочно на юридическом факультете и мечтала в наступающем году пересечь в обещанное кресло консультанта юридического отдела. Научные знания она стремилась претворить в жизнь немедленно, особенно сейчас, когда красивая, но вредная Таисия задерживалась дольше обычного в президентском кабинете. Осторожно надавив на клавишу, секретарь-референт прильнула ухом к динамику. Сгорая от ревности, референт и любовница в одном лице подслушивала!

- Дорогой мой, я тебя умоляю, все это грязные инсинуации и сплетни. Хватит пить, прошу, ну хочешь...

- Сплетни? А номера векселей? – Шлепок, видимо, кейса об стол, звон падающих тарелок, шорох бумаги – все смешалось в какофонии звуков вместе со щелчком вызова: - Ольга, всю эту б...кую камарилью ко мне!

- Не поняла! – сделала елейный голосок, будто то бы и впрямь не знала о ком идет речь.

- На эти рожи на открытках посмотри и по одному, по одному сучар-р! Да уберишь ты со своими ласками! Это я не тебе... – Связь оборвалась, а Ольга, раздавленная последней фразой, безжизненно опустилась на вращающийся стул. «Сволочь, предатель, бабник, холуй! Так тебе и

надо!» - бормотала она сквозь слезы, машинально выводя на печать поздравления с серьезными лицами на новогодних шарах.

Дверь распахнулась настежь, и из нее выскочила Таисия Варленовна в одной туфле. Вторая прямым попаданием сбила портрет, и премьер государства с лучезарным взглядом полетел за шкаф. Подхватив на ходу вторую туфлю, финансовый директор рванула из приемной со скоростью лани.

- Оленька, - жалобным голосом позвали из глубины кабинета, - не приглашай никого, отдай Жоре книжки, пусть разнесет.

- Хорошо, Иннокентий Львович! – Размазывая по лицу дорогую косметику, девушка всхлипнула и прикрыла дверь, даже не взглянув в сторону шефа.

- Не плачь, я куплю тебе калач. Золотой, то есть, я хотел сказать, браслет. Поедешь со мной?

- Куда, на Мальдивы, как обещали?

- Нет, в баню, прямо сейчас!

- А корпоративчик?

- Я противник коллективных пьянок. Под утро есть шанс проснуться в постели тети Паши!

Девушка улыбнулась, представив импозантного, золотогривого шефа в подсобке уборщицы. Но голосом обиженного ребенка громко сказала:

- Лучше у Таисии Варленовны.

- Не болтай чепухи, ревность меня не возбуждает. Вызови машину, Жору и уборщицу – прибраться здесь, а то в сердцах переколотил всю посуду. Да, и закажи новую!

Облачившись в махровые простыни, Иннокентий Львович и Георгий Иванович сидели за столиком, заваленным рыбной чешуей, фисташками и прочей снедью. На кафельном полу, подальше от глаз президента, стояла початая бутылка водки. В зеркальном потолке отражались лазурная гладь бассейна, входная дверь в парилку, украшенная пихтовым веником с новогодним дождем, и большой плоский телевизор на стене, который вещал устами симпатичной дикторши о начале следственных мероприятий в офисе акционерного общества "Метел-сплав", доход которого составлял около двадцати пяти процентов внутреннего валового продукта соседнего региона. Генеральному директору предъявлено обвинение за превышение должностных полномочий и сокрытие доходов в особо крупном размере.

- До нас тоже добрались, сволочи. – Президент компании был почти трезв после чудодейственного массажа березовым веником от Жоры и ледяного душа. - Плесни на два пальца, не бойся, не до пьянки сейчас.

«Надо полагать! Если перевести на нормальный язык информацию телеведущей, проблема Москвы в том, что она окружена Россией, а то где деньги брать, как не в Сибири. Вот и воюем со своим народом посредством захвата высокорентабельных перерабатывающих предприятий под маской законности», - подумал Георгий Иванович, опрокидывая стопку водки.

- Сегодня я получил на домашний адрес письмо от некоего Тыбика. Не знаешь сотрудника с такой фамилией? В кадрах не успел поинтересоваться. Нет? Ладно, не важно. Суть послания в следующем: группа предателей, да-да, те самые, которым ты разнес книги. Так вот, они вступили в сговор с одной финансовой московской компанией и продали ей свои акции. Далее по-тихому через профсоюз начали подбивать работяг сделать то же самое, чтобы москвичи завладели блокирующим пакетом в совете директоров. Схема старая, но надежная. Она не дает возможности принять ни одного решения, и, когда холдинг будет на грани банкротства, мне будет предложено выкупить акции обратно, но втридорога. Естественно, откуда такие деньги, тогда пакет уходит под крышу аффилированных лиц из государственных корпораций, и

какое тут на хрен правосудие?! Сволочи! – Инокентий с силой начал лупцевать икристой таранью стол. – Но и это полбеда! Таисия, тварь продажная, с ними, оказывается, заодно!

- Как это?

- А вот так! Переуступила векселя на миллион баксов, которые обеспечивали переоснастку производства за два года.

- Простите, но вы же...

- Мы же! Мы с Ольгой на Кипре кувыркались! Передачу ценных бумаг провели за подписью вице-президента холдинга. На время моего отсутствия он правомочен исполнять обязанности президента компании. – Инокентий Львович с силой оторвал рыблю голову и начал чистить рыбу. – Завтра в 6:00 по нашему времени прилетает представитель Москвы, чтобы предъявить векселя к оплате, и колесо завертится, потом в ход пойдут акции, облигации. Сегодня был в областной администрации – разводят руками, мол, спор хозяйствующих субъектов. В общем, кранты!

- А если представитель не предъявит векселя? – Жора широко и добродушно улыбался.

- Тогда мы отсрочим оплату по долгам, возьмем банковский кредит после праздников, покроем векселя, выделим производственную базу в отдельное предприятие, пока они не собрали блокирующий пакет, начнем перевооружение, а там посмотрим – кто кого! – Инокентий Иванович жадными глотками осушил кружку пива и начал внимательно изучать лицо собеседника, словно видел его впервые. Затуманенные алкоголем глаза вдруг сделались на мгновение чистыми и ясными, в них промелькнула искра. Президент налил себе целый стакан водки и, рыгнув, медленно его выцедил. Молча уставился в экран и тихо попросил:

- Ты бы не мог, Жора, встретить этого представителя в аэропорту, за вознаграждение, разумеется?

- Да, конечно, пожалуйста, – Георгий Иванович, как обычно, засуетился. – Разрешите, так сказать, с вашего мобильного сделать пару звонков? Не для себя, ни в коем разе, для дела, так сказать, извините!

- Валяй, – президент тяжело поднялся и направился к поручням бассейна.

Серое утро просилось в расписанное узорами окно. Сквозь едва приоткрытые веки Инокентий Львович тупо смотрел себе на ноги и пытался сообразить, где он. Каждая попытка осмотреться превращалась в пытку. От боли ломило голову, в ней, словно студень, перекачивался мозг, и позывы рвоты подкатывали к горлу. «Боже, неужели столь позорный конец?! А ты чего хотел, мудак, так нажраться?» – мысль застыла и начала медленно поворачиваться в обратную сторону, возвращаясь негативами к череде событий. Баня почему-то превращалась в ресторан; дальше тьма, но зато четко вырисовывался носатый профиль, который растворялся в вечерних сумерках, и начиналось катание с гор на санях под визг и радостные выкрики незнакомой толпы. Опять провал в памяти, и рядом лицо Ольги совсем близко, но она, оказывается, уже не его секретарь, а Снегурочка! Снова ресторан, но уже загородный. Поют и пляшут цыгане, а он на четвереньках пытается ухватить разноцветные юбки, разлетающиеся в веселом хороводе...

Едва разжав потрескавшиеся губы, Инокентий Львович попросил пить. Невесть откуда у его рта оказалась запотевшая банка с огуречным рассолом. Стало немного легче, тошнота прошла. Преодолевая головную боль, он открыл глаза и увидел улыбающееся лицо Деда Мороза. Лицо показалось знакомым.

- Господин президент, я пойду разверну скатерть самобранку, на которой будут обязательно грибочки, острое, горячее харчо и непременно чекушка хорошей водочки – все это вернет вас к жизни моментально!

- Какое сегодня число?

- До Нового года ровно 15 часов и одна минута.

- А кто эта лахудра, которая спит в моих ногах?!

Георгий Иванович молчал с вежливой улыбкой и покорно ждал с желтым портфелем у груди.

- Что, хочешь сказать, без Бахуса Венера зябнет, как уверял древнеримский поэт Теренций?! - Иннокентий Львович приподнялся с подушек. Борода Деда Мороза болталась на груди.

- Лохудра, а вчера, между прочим, жениться обещали! - стаскивая парик, видимо, с тоже больной головы, пробурчала Ольга и потянулась за халатом.

Иннокентий Львович, слегка захмелевший на старые дрожжи, слушал рассказ Жоры, сидя в его бедных апартаментах. Вкратце повествование сводилась к следующему. Пока президент плескался в бассейне, Георгий Иванович дозвонился до гаража и милого референта. До нее он довел план действий по спасению холдинга и её возлюбленного. Затем сгонял в драматический театр, где работала супруга, взял якобы для традиционного корпоратива костюмы Деда Мороза и Снегурочки. Из театра Ольга поехала на дежурном автобусе за цыганами. Иннокентий Львович, уже изрядно нагрузившись в бане, куда он начал заказывать спиртное и девочек, наотрез отказался ехать домой и поехал в аэропорт к утреннему рейсу из Москвы в костюме Дедушки Мороза. Изумлению дорогого гостя, тоже слегка поддатого, еще и после бессонной ночи в полете, не было предела. У трапа самолета его встречали настоящий Дед Мороз и очаровательная Снегурочка с дорогими подарками! Завтрак в ресторане, плавно переходящий в обед. После - деревня с катанием в настоящей тройке с цыганами и ледяные горки, удалое застолье и «дружба на века» с высоким столичным гостем, выпивающим медовуху на брудершафт. Причем Иннокентий Львович вел себя просто по-царски, денег не жалел и личину свою, согласно утвержденному плану, не показывал, а сходил за местного фермера - хозяина деревни, ибо грамотно рассуждал об экономике, да и фактуру ведь не пропьешь! Ну а потом выяснилось, что гостю пора на самолет, он подписал доверенность на имя полюбившегося ему фермера как предъявителю векселей к оплате в интересах финансовой компании и, заверив Кешу о его перспективах, как, впрочем, и индоссамент - московской печатью, передал документы по всей форме, вот с этим портфелем!

Яркое солнце заиграло в маленькой кухне обычной томской квартиры.

- Кто вы на самом деле, господин вице-президент? – Иннокентий Львович обнял верного Жору.

- Уже, так быстро?!

- Едем на фирму, я лично подготовлю приказ. Ольга, собирайся! Но все же... - президент отстранил Георгия Ивановича от себя и пристально посмотрел в глаза, полные доброты, ума и еще такой внутренней глубины, какие бывают только у людей, познавших жизнь во всей ее красе, но не по учебникам.

- Тыбик я, Иннокентий Львович...

Тыбик – человек, постоянно привлекаемый для выполнения случайных поручений, обычно занимающий невысокое (зависимое) положение в социальной иерархии, являющийся подчиненным, не обладающий высокой квалификацией либо воспринимаемый в таком качестве.

www.gramma.ru

ПРОЗА

Любовь Панова, член СП России

(Якутия, г. Мирный)

ГУЛЬКИ

С соседями по лестничной площадке я дружу давно. Как только заехала в квартиру, так сразу завела знакомство и ни разу об этом не пожалела. Есть у кого горбушкой хлебушка разжиться поздним вечером, когда очень не хочется тащиться в магазин ради одной буханки хлеба. Есть возможность перехватить пару сотен до получки, и самое главное – есть с кем пообщаться. Просто посидеть в выходной день, поделиться новостями, погрустить или повеселиться в зависимости от заданной темы встречи. А то и тяпнуть пару рюмашек для поднятия жизненного тонуса. Соседи мои – личности колоритные. Справа живет дед Павел. Мы с ним только здороваемся. Одиноким вдовец, дедуля крест на личной жизни не поставил и, отгустив положенный год траура, находится сейчас в активном поиске будущей супруги. Так что череда бабулек пенсионного возраста всех мастей регулярно стучится в двери деда Павла. Порой эти встречи заканчиваются гневными воплями разочарованной бабули, потому что дед еще полон здоровья и шибко активен в сексуальном плане. Мечтает очередная посетительница о тихих вечерах с вязаньем и разговорами «за жизнь и здоровье», а в реальности подвергается сексуальному насилию, завуалированному признаниями в симпатии, тортиком и хилыми цветочками.

Слева живет молодая семья - муж с женой, под бдительным надзором тещи Зои Васильевны. Васильевна, дама с формами борца сумо, прочно застряла мозгами в совковом прошлом. Нынешний быт и порядки ей жутко не нравятся, оттого критикует она все подряд. В первую очередь – собственного зятя. Сергей, высокий шатен с щегольскими усиками и выпяченным вперед подбородком, работающий дальнобойщиком, по мнению Зои Васильевны, не лучшая пара для единственной дочери Наташеньки. Поэтому сразу же после свадьбы и все последующие пять лет стремится Васильевна молодых разлучить. Аргументов у тещи – вагон и маленькая тележка. Серега – не ангел с белыми крылышками, есть у него грешки, но Наташку свою любит, бросать не собирается и держит оборону от тещи не хуже стального сейфа с кодовым замком.

Как-то рано утром понесла я мусор выбрасывать - есть у меня такой бзик, по утрам мусорное ведро выносить - и узрела на лестничной площадке Серегу. Он сидел на корточках возле двери родного дома и нервно курил. Видок у него, прямо скажем, был не очень... Фингал под глазом, на лбу ссадина, на шее след от страстного поцелуя. Пиджак порван по шву на левом рукаве, белая в темную полосочку рубаша на груди испачкана губной помадой и тушью... Брюки от щиколоток и до колен покрыты слоем бурой грязи. Создавалось впечатление, что Сергея взяли за уши и макнули по коленочки в какой-то строительный раствор. Фирменные туфли, которые Серега привез из очередной поездки и очень ими гордился, вообще отсутствовали, и, соответственно, сидел страдалец на кафельном полу в одних носках, также покрытых кусками грязи.

Я притормозила возле соседа. Любопытство гадская штука, но зато много чего узнать можно! Поэтому, когда Сережка в очередной раз сделал затяжку и выдохнул, решилась спросить:

– Ба! Чего случилось-то?

На что Сергей еще раз горестно вздохнул, оглянулся на дверь своей квартиры и тихо попросил:

– Юлька! Приюти до вечера...Теща в таком виде увидит, с г...м съест...

Я человек добрый, да и очень уж хотелось узнать Серегины приключения, поэтому быстро открыла свою дверь и широким жестом пригласила горемыку к себе. В квартире в первую очередь я Серегу раздела, отправив его в ванную, дав ему старый халат в горошек и банное полотенце. Пока сосед приводил себя в божеский вид, загрузила в стиральную машину его вещи, сделала бутерброды с колбасой и подогрела чай.

Через полчаса Сергей, намытый до скрипа, сидел в уголке моей тесной кухоньки, попивал чаек и каялся:

– Юль... Ты это... Понимаешь... Я Наташку очень люблю, но когда вижу деваху, грудастую да ногастую, с катушек слетаю. Зуд у меня начинается, пока девку не завалю, ни о чем думать не могу... Мы в первый год из-за этого сильно с Натахой лаялись. В её представлении это измена, предательство вроде. А для меня вовсе нет. Я ж мужик. Если я с какой пару часиков на постельке покувыркаюсь и тут же забуду про неё, какая ж это измена? Так, игрушки. В остальном я - примерный муж. Не алкаш. Зарплату не ныкаю, подарками не обделяю. В общем, поняла Наташка мою натуру... Договорились мы. Я в тихушечку, если приспичит, налево сбегая - и молчок. Ну, понятное дело, потом откупаюсь. И скандалы прошли, я ж как виноватый все капризы Наташкины выполняю, все прихоти, да и секс у нас после моих гулек отпадный получается! Вот позавчера Натаха в командировку уехала, я денек дома посидел, кучу дел переделал, что Наташка попросила. И дальше бы сидел, если бы не теща. Достала, блин! То не так, это не эдак... Не так сидишь, не так свистишь. Зудела, зудела, пилила, пилила... Не выдержал я. Оделся и к другу рванул. А друган мой Петька, парень холостой, в кабаке намылился. Я, естественно, с ним. Пришли. Графинчик водочки заказали, закусь мировую, сидим, базарим про жизнь. Вдруг вижу, за соседний столик деваха садится. Ну... Саманта Фокс! В натуре! Грудь такая, что я как эти аппетитные кругляши увидел, у меня враз башню снесло! Я, конечно, Петьке – извини, друг, приперло! Он с понятием, не в обиде. А я шампусик взял - и к девахе. Познакомились. Потанцевали, поприжимал я её во время танцулек. Гляжу, и она мне глазки строит. Ну грех отказываться, раз сама не против. Вышли на улицу, поцеловались страстно, обратно вернулись, типа еще немного посидеть. А у меня внутри как вулкан, того и гляди через уши польется. Все ей намекаю: пошли, чего зря время терять... Только мы к выходу, к ней бугай какой-то прицепился. Я в защиту. Короче, он мне пару раз навалял, я ему. Он мне фингал под глаз и пиджачок попортил с рубашкой. Я ему тоже. Пока мы терки терли, Петька нарисовался. Короче, это его знакомец оказался. Посидели еще, мировую выпили. Смотрю, время второй час ночи. Сваливать пора. Деваху спрашиваю, где, мол, живешь? Она как сказанула, я в осадок выпал - в Загорье, в пятом микрорайоне! Туда таксисты ехать отказываются, дороги все «мазами» перепаханы, трамвай только до середины пути довезет. Но делать нечего, охота мне с ней. Ну понимаешь, да? Да еще и за одежду хотел компенсацию получить. Зря я, что ли, бился? Ну... Вызвал такси, довез нас мужик до объездной дороги, вышли мы - и пешочком. Идем, луна светит, кошки мявкают, собаки лают... А что ты хохочешь? Окраина города почти. Ну вот, идем, тискаемся, я так распалился, что... Ладно, Юлька, не ржи... Короче, довожу её до дома. Двухэтажная деревяшка. В подъезд зашли, она к квартире подошла и просит меня: «Подожди, милый, я приберусь чуток, тебе через минутку дверь

открою...» Ключом дверь открыла и нырк туда. Я стою. Жду. Пять минут, десять. Тишина. Я еще пару минут подождал и стучу. Деликатно так. А потом...

Тут Серега делает круглые глаза и выдает фразу, после которой, я сползаю под стол от дикого хохота:

– Голос мужской басом: «Кто там? Не стучи, падла, а то милицию вызову!»

Сквозь хохот, вытирая слезы на глазах, жду окончания истории. Серега, горько вздохнув, завершает повествование:

– Вот такая любовь-морковь. Короче, понял я, что развела меня деваха. Одной, видать, страшно в такую даль идти, вот она и подсуежилась... Пошел я домой. Пока к объездной дороге выходил, в яму свалился, чуть не застрял там. Еле выбрался. Туфли там утопил, шарился – не достал. Таксисты меня такого везти отказались. Три машины вызывал, и все впустую. Пришлось пешком чапать. Вот под утро только и дошел...

Серега посмотрел на меня своими серыми, чуть прищуренными глазками и констатировал:

– Всё, Юлька! Баста! Не хочу больше! Еще пара таких гулек, и не то что без штанов останусь, еще и по морде ни за что отхвачу. И заметь, без компенсации! Ну их в баню, гульки эти. С Наташкой лучше...

Больше, как говорил Ефим Копелян в бессмертном киношедевре «Семнадцать мгновений весны», наш Серега ни в каких порочащих его связях замечен не был...

ПРОСТО ТАКАЯ РАБОТА

Вездеход МТЛБ ходко шел по старому профилю, смачно пережевывая гусеницами бурую грязь и прошлогоднюю желтую траву, хлипкие кустики и тонкоствольные березки, что успели прорасти на заброшенной людьми дороге. По обочинам стояли шеренгой голые осины да рябины, и только лиственницы с ёлками гордо демонстрировали свое зеленое убранство. Солнце, что неспешно ползло по голубому небу, светило ярко, но грело вполсилы. Апрель в Якутии обманчивый, фальшивый, словно пламя в искусственном камине – свет есть, тепла нет. Оттого и не весь стаял снег в тайге, лежал он сахарным песком на пушистой моховой подушке, лишь на взгорках да открытых полянках растворился, обнажив взору темную земляную скатерть.

На горбу тащил вездеход уэрбэшку (буровую установку), покрашенную в ярко-желтый цвет, мешок с образцами, утепленную палатку, бочку с соляровкой, шланги и остальной скарб для геологоразведки. Белыми макаронинами нависали над кабиной буровые штанги, обсадные и колонковые трубы. Левое лобовое окно было стыдливо прикрыто фанеркой, отчего МТЛБ напоминал хулигана с подбитым глазом. В правое и срединное окна тонкой дрожащей лапкой стучался солнечный зайчик, но его не раз спугивали мохнатые щетки, чистящие мутное стекло. В гулком чреве вездехода рычаги дергал Славка - худощавый остроносый парень, за дорогой он особо не следил – куда машина из колеи денется! - а предавался сладким воспоминаниям о молодой жене Люсе. За его спиной, возле печки, на ящике с банками тушенки сидел коренастый, с черной бородкой, тридцатилетний буровик Роман Укарбаев, степенный, немногословный; сложив руки на груди, он спокойно кемарил. Рядом с «танкистом» на жестком сиденье похрапывал Ромкин ровесник Леха - рыжеволосый баламут, долговязый детина с побитым оспинами лицом, исполняющий работу помбура. На крыше кабины, рядом с открытым верхним люком, упираясь ногами в резиновых болотниках в железный поручень,

запахнувшись в теплую куртку, ехал старшой - начальник одиннадцатой бригады, геолог Юрий Викторович, давно разменявший четвертый десяток, бывалый таежник. Дело он свое знал как «Отче наш», парням из бригады нервы по пустякам не дергал, лишнего не требовал, но в работе поблажек не давал, да и за порядком следил не хуже участкового милиционера. Выработку в ведомости писал по справедливости, мусоля карандашик обветренными губами.

Викторич, как его называли мужики из бригады, невысокий сероглазый шатен, обычно спокойный и рассудительный, злой сегодня был до неимоверности после утреннего разговора с начальником партии. Бригада шарахалась по тайге четвертый месяц, нервы и силы были на пределе, сказывалась усталость от тяжелой работы. Горючее, продукты, курево подходили к концу. Пора было возвращаться домой, на базу, но настырное начальство требовало отработать еще один квадрат. Напрасно Викторич хрипло орал в трубку рации, убеждая, что в конце апреля в тайге делать нечего, забурка идет плохо, медленно, добытый керн похож на студень, медленно тающий на воздухе и, как следствие, не дающий возможности правильно сделать описание. Да и дни стоят солнечные уже настолько, что не держит грунт тяжелую технику, проседает, не ровён час увязнут они в зыбкой топи - и всё! После никакими молитвами не вытащишь многотонную махину. А еще чуть - и реки вскроются, разольются быстрыми потоками вдоль и вширь, перекроют выходы на профили. Начальство слушать не хотело, пригрозило, что оставит мужиков без оплаты да еще оштрафует за саботаж. Выплюнул в сердцах Викторич недокуренную сигарету, прохрипел в трубку: «Хрен с вами, отработаем!», поглядев на карту, описал Славке координаты и махнул рукой: «Заводи!». Вездеход дернулся, зарычал и ходко двинулся к обозначенной точке.

У ориентира, высокой сосны, стоявшей на взгорке, пузо было стесано, на матово-желтой древесине крупными буквами красной краской стояла метка: «На СКВ – 60», и махонькая изогнутая стрелка намекала на поворот влево. Там, куда показывала стрелка, деревья поредели, местами снег стоял, подставляя солнцу ковриковые проплешины из мха и брусничника. Славка притормозил, высунулся из люка:

– Викторич! Чё, по целине пойдем?

– А ты другую дорогу знаешь? – задумчиво просипел старшой.

Слава оглядел чахлые деревца, стоящие на пути вездехода, вылез из МТЛБ, обошёл его кругом, пристально вглядываясь в гусеничные траки. Прикурил сигарету, прикрывая её ладонью от ветра.

– Сколько до точки?

– Сорок семь. Особо не гони.

– Почему?

Старшой тоже достал сигареты, прикурил и, выдохнув сизый дым от затяжки, ответил:

– Километров через тридцать, река будет, Хамака. Коварная, зараза. Каждую весну по новому руслу разливается. Летом воды в ней воробью по колено, а весной что Волга. Ни конца ни края...

– Лады, Викторич. Я аккуратненько...

Вездеход фыркнул черным облачком, развернулся в левую сторону и осторожно пополз в нужном направлении. Старшой в кабину не спустился, остался сидеть наверху, греться на солнышке, явно решившем наверстать упущенное и с каждой минутой гревшим сильнее и сильнее, щедро обласкивая теплом якутскую тайгу. Примерно через час старшой свесился в открытый люк и, тряхнув Славку за плечо, приказал: «Тормози!». Тот послушно выполнил команду. Вездеход остановился. Славка и остальные мужики вышли из кабины. Старшой, как вождь пролетариата, протянул руку вперед, развернутой ладонью сделал полукруг:

– Где-то тут Хамака.

Мужики дружно посмотрели вперед. Перед ними белой простыней лежал снег. Деревьев почти не было, лишь местами из-под снежной перины выглядывали растопыренные метелки кустарника и ржаво-соломенные хохолки травы. Метрах в трех от МТЛБ снег превратился в тонкую широкую сверкающую полосу льда, и видно было, как под этой прозрачной хрусталинкой бурно течет проснувшаяся вода.

– Нам туда? – спросил Леха, кивнув подбородком на противоположную сторону, одновременно застегивая ширинку, слив на белый снег утреннюю порцию кофе.

– Туда, – подтвердил Юрий Викторович. – Во-о-он на тот бережок...

– Ну и чё за кипеш? Поехали, раз туда... Жрать охота, третий час уже, а мы не ели. Пока доберемся, пока разберемся, еще часа три пройдет. И так кишки сводит... – пожалился Леха.

– Потерпишь, – отрезал старшой, – переберемся через Хамаку, пообедаем.

– Ну так поехали. Чё сопли жевать...

– Подождите, мужики... Может, разведем сначала? – решил подстраховаться Викторич.

Славка сломал сухостоину, прошел вперед, взрывлив болотниками спрессованный снег, подошел к ледяной кромке, потыкал впереди себя, легко прокалывая лед тонкой слесей. Деревце уходило в воду сантиметров на тридцать. Славка обернулся к бригаде:

– Фигня. Я на полном ходу пройду, чтоб не завязнуть. Давай на борт, мужики.

Леха с Укарбаевым вернулись в кабину, Славка сел за рычаги. Старшой вновь залез на крышу, уселся поудобней, отведя за спину маленький топорик и нож, висевшие справа и слева на бедрах на поясном ремне:

– Давай, Славян! Жми!

МТЛБ взревел раненым тигром, на полном ходу ринулся вперед, взламывая с хрустом стекло льда, выдавливая гусеницами на свет божий темную воду Хамаки. Через пару минут хода на бешеной скорости вездеход резко, носом вниз, рыбкой нырнул в воду, попав в овраг, скрытый коварной фольгой льда. В секунду МТЛБ затонул по самую маковку. Над водой, что радостно, со звоном бежала дальше, остались торчать только левый фанерный глаз да скособоившиеся трубы.

Старшого в ледяную купель снесло первым.

– Е...ть и резать! – вынырнув, отплеываясь, выдал старшой любимый матерок. Широкими гребками поплыл к берегу, что обнажился метрах в десяти от утопленника вездехода. Следом испуганными капалухами с орами и матами вывалились из кабины остальные. Доплыв до берега, мужики шустро разделись до трусов, выжали одежду. Викторич, покопавшись во внутреннем кармане куртки, извлек фляжку, протянул её собратьям по несчастью:

– Натё. По глотку.

Ребята по очереди приложились к фляжке. Чистый спирт ожег глотки, резанул желудок, через минуту взбурлил кровь, дав желанное тепло замерзшему телу. Старшой снял с поясного ремня топор, пошел в тайгу рубить деревца и ветки для костра. Укарбаев взял нож, пошел следом. Леха и Славка, клацая зубами, разбрелись в стороны, по пути подбирая с земли все, что могло гореть. Через десять минут Викторич запалил костер от коробка спичек, предусмотрительно упакованного в презерватив. Следующие два часа мужики грелись возле огня, сушили одежду, время от времени прикладывались синими губами к заветной фляжке. Наконец одежда просохла до нужной кондиции. Одевшись, мужики сели кругом возле костра.

– Ну, согрелись? – заботливо спросил Викторич.

– Немного – ответил за всех Леха.

– Делать что будем, Викторич? – спросил Укарбаев, растирая руки засаленной верхонкой.

– В воду надо идти, мужики, пока совсем не стемнело, документы забрать. Мешку с керном, похоже, хана. Вон он пипкой торчит. Пока переправу сделаем, размоет все к чертовой матери... Край как надо планшет достать, иначе вся работа насмарку. Рации пипец, связи не будет. Ящик с тушенкой достать надо, она единственная еда, что осталась. Кофе в банке, может, уцелело. Значит, достаем бутер, подкрепимся и своим ходом на базу пойдем. Мы сейчас из лесин мостки сделаем до верха кабины, чтобы по воде не шастать, а там все равно нырять придется.

– Иди ты на хрен, начальник! Я в воду не полезу! Мне ещё детей делать! – фальцетом выдал Славка.

– О молодухе своей вспомнил? – усмехнулся Леха. – Обморозиться боишься?

– Вспомнил. Боюсь. Вам что? Укарбайчик троих настрогал. У тебя тоже, Леха, яйки не впустую работали – сын растет. Викторыч почти пенсионер, разведенный, ему перед бабой отчитываться не надо. А я полгода назад только печать в паспорт поставил. Чего хотите делайте – в воду не пойду!

– Мать твою артиллерию! Не пойдешь?! По твоей милости искупались! Говорили тебе, давай разведем, так нет! Хрена ты возле берега потыкался? Надо было метров на пять вперед пройти, не сидели бы сейчас как... как... – возмутился Леха.

– Чё по моей-то? Вон он начальник! Чё он не приказал? Я б послушался... Или сам бы в воду слазил! А чё щас на меня стрелки переводить? Не пойду!

Юрий Викторович достал из кармана чудом не промокшую пачку сигарет, вытащил одну, прикурил. Пачку протянул остальным:

– Не лезь к нему, Леха... Я с себя вины не снимаю, Слава, действительно, надо было подальше в воду зайти... Сейчас главное – документы достать, тушенку и до базы живыми дойти. Нам по тайге, даже если напрямки пойдем, километров восемьдесят до базы чапать. С грузом. Есть другой вариант: достаем жратву, палатку, переплываем обратно, сушимся, идем к профилю. Там по дороге, если чуть срежем, короче получится, километров шестьдесят... За сутки-двое дойдем.

– Викторыч! Я чё думаю. Щас делаем мостки, достаем барахло, ставим палатку, ночуем. Утром перекусим и пойдем. Так? – докуривая сигарету до самого фильтра, предложил Леха.

– Лады. Всё, мужики. Я рублю первый. Роман, ты ветки отсекаешь. Леха, ты за костром смотри, потом меня подменишь.

И, обернувшись к насупленному Славке, добавил:

– А нырять все равно всем придется. По очереди.

Славка дернулся, цикнул слюной в костер:

– Я сказал – в воду не пойду.

Юрий Викторович вздохнул, отвернулся и ответил:

– Уговаривать больше не будем. Но! Вернемся – ты из бригады уходишь... Понял?..

Больше ни слова не говоря, геолог, взяв топор, ушел в тайгу. Через полтора часа срубленные листовенницы точно легли от берега на крышу вездехода. Опять раздевшись, первыми направились к утопленнику Викторыч и Леха. Невысокий старшой, хоть был отнюдь не хилый, мальчишкой смотрелся на фоне рослого Лехи. Укарбайчик хохотнул:

– И за что тебя бабы любят, Викторыч? Ты ж как пацан...

– За что надо, за то и любят... – огрызнулся Юрий Викторович.

– Мелкая блоха шибче кусает? Да, Викторыч? – не унимался Рома.

– Укарбайчик! Еще слово, я тебя вне очереди в воду макну! – пригрозил старшой и, обернувшись к Лехе, скомандовал:

– Чё застыл? Пошли!

Осторожно ступая босыми ногами по чуть стесанной лесине, мелкими шагами дошли до кабины. Викторич глубоко вздохнул пару раз и солдатиком ушел в ледяную воду добывать из кабины кожаную планшетку с документами, предусмотрительно упакованную в целлофан и для пущей надежности в полиэтилен, как раз для таких случаев. Через минутку, отфыркиваясь тюленем, Викторич отдал планшет в руки Лехи. И опять нырнул. Еще пара минут, и на поверхность был извлечен мешок с продуктами. Леха начальника ждать не стал. Схватил мешок и планшет и шустро перебрался обратно. Кинул все к костру и вернулся. Викторич к этому времени, уже забрался на кабину, порылся в мешке с керном, достал оттуда непечатую бутылку водки, всю заляпанную бурой жижей. Зубами сорвал шляпку, сделал пару глотков, спустился к Лехе с бутылкой в руке.

– Лл-ле-х-хаа! Дд-д-ав-вай, гл-лотни, и за ящ-щ-иком н-н-ырять буд-д-ем...

– Викторич! Шел бы ты, один достану...

– Хрен. Он-н-н т-т-яж-ж-ел-л-ый и уп-п-пораа-а н-н-огам-м-ми н-н-етт... Гл-л-у-б-боко...

– Викторич! Уйди от греха! Дай пузырь, глотну, а ты марш на берег!

Леха отобрал бутылку, сделал глоток, влез на кабину, уступив дорогу старшему, и, повернувшись к берегу, заорал:

– Укарбайчик! Подь сюды! Наку дам!

Старшой, пока Леха орал, уже добрался до берега, трясущимися руками быстро напялил на себя штаны и куртку. Натянув болотники, сел к костру. Роман, что все в жизни делал неспешно, пошел по лесинам плавной походкой балерины. Дойдя до Лехи, тоже приложился к початой бутылке. Затем мужики, примостачив заветный пузырек торчком между труб, с уханьем влетели в воду, отталкивая руками от себя снежно-ледяные глыбки, что плавали возле вездехода. Вскоре мокрый ящик был водружен на лесины, еще чуть - и доставлен к костру. Таким же макаром, ныряя по очереди, из кабины извлекли котелки, ведро, рюкзаки, пару топоров, рулон полиэтилена, спальники с палаткой... Викторич чуть не утоп: от сведенной судороги в ногах уже пузыри пускать начал, когда хапнул его Леха за отросшие в тайге волосы и, подтянув к себе, за подмышки выволок на бревнышки... Сняли с крыши вездехода-утопленника бочку с соляжкой. А вот мешку с керном действительно была хана. Едва старшой поднял его, как на босые ноги потекла бурая жижа, и ясно стало всем, что образцы размыло в кашу...

Перетаскав вещи поближе к огню, наскоро мужики перекусили тушенкой, стали сушить спальники и палатку, распялив их на деревянных рогатинах. Из мешка с продуктами от воды не пострадали только пара луковиц, банка со сгущенкой, банка кофе и макаронные загогульки, упакованные в два полиэтиленовых пакета. Остальное все перемешалось и слиплось в один комок: гречневая крупа, сигареты, сухари... А мешочки с солью, сахаром и чайной заваркой были отполосканы течением, не хуже стиральной машины.

Славка в делах участия не принимал. Обтесав себе чурбачок, пристроился возле костра и сидел на нем до самой полуночи, убеждая себя, что поступил правильно. Купаться в ледяной воде - не шуточки: можно на всю жизнь простатит схватить. Детей если не будет - полбеда. А если нестоячка схватит? Что же он, в двадцать три года полным импотентом будет? А как же Люся? Виданное ли дело из-за каких-то образцов человека здоровья лишать? На будущий год экспедиция снова бригаду пришлет, еще забурку сделают. И все дела.... Славку никто не беспокоил. Кинул ему молча Леха в коленки банку с тушенкой, мокрый спальник - и все.

Викторич с Романом натащали воды, сварганили в котелке что-то типа супчика, набухав туда тушенки, бросив загогульки и обе луковицы. В ведре сварили кофе, приправив его усохшей прошлогодней брусникой и сгущенкой. Леха поставил просохшую палатку, нарубил лапника, раскатал по земле полиэтилен, сверху положил мохнатые еловые ветви, потом спальные

мешки. Бригада, выезжавшая вместе в поле уже третий сезон, поужинала за полночь и, подкинув в костер бревно потолще, пошла спать. Мужики улеглись рядышком друг с другом, чуть не в обнимку. Намаявшиеся по горлышко, с дополнительными градусами в крови, еще поржали с полчаса над собственным приключением, не кичась своим мужеством, не считая сделанное подвигом. У них просто работа такая... И уснули быстро, с чистой совестью, не отягощенной ни трусостью, ни предательством. Оттого и спали крепко, словно младенцы. Лехе и Роману снились ядреные бабы, теплые, манящие... Старшой видел во сне незнакомку. Наклонилась к нему синеокая красавица, поцеловала в губы, шепнула: «Я молилась за тебя... Потому и живой... женись на мне...»

Наутро, хлебнув кипятка, сложив вещи в рюкзаки, укатав палатку, отправилась одиннадцатая бригада в обратный путь. Шли они к стационарной буровой трое суток...

Слава из бригады ушел, а вскоре уволился из экспедиции совсем. Никто не хотел с ним работать... Через девять месяцев жены Ромы и Лехи родили почти одновременно сыновей. А еще через год парни лихо отплясывали на свадьбе у Викторыча. Старшой лучился от счастья и крепко обнимал синеокую красавицу...

ПОМИНКИ

Быль

Августовское небо было хмурым. Солнце пряталось за толстые, комкастые тучи, белосиние, лениво ползущие вдоль горизонта. Ветер дул рывками, словно пытался сдвинуть эту удушливую перину, дать простор солнечным лучам. На несколько минут ему это удавалось, и тогда солнце горстями щедро бросало на землю живительное тепло.

На отшибе городского кладбища, возле свежего могильного холма, на раскладном стульчике сидел старик. Седой как лунь, сгорбленный, неопрятно одетый - в застиранной рубашке с порванным воротом, поверх нее засаленный кургузый пиджачок, что вышел из моды еще лет тридцать назад, в выцветших трикотажных брюках с пузырями на коленках.

Старик бережно положил на холм горсть земли, аккуратно разровнял её ладонями, придав захоронению окончательную прямоугольную форму. Потом окантовал могилу плоскими серыми голышами, доставая их из брезентового мешка. В изголовье приладил деревянный брусок с приклеенной к нему черно-белой фотографией.

Завершив работу, сполоснул руки водой из пластиковой бутылки, вытер их цветастой тряпочкой. Затем, порывшись в сумке, что стояла возле стульчика, достал бутылку водки, распечатал её и налил зелье в граненый стакан со щербинкой по краю. Через мгновение выпил поминальную чарку до донышка...

— Вот, друг сердешный, и все... Нет тебя боле... Никого нет. Один я остался. Эх, Мишка! Как же я теперь-то... Без тебя и словом перемолвиться не с кем будет... Худо мне, Мишка...

Старик булькнул горлом. Горестные всхлипы нарушили тишину погоста. Слезы текли по впалым щекам деда, теряясь в густой бороде. Старик слез не вытирал, не чувствуя их на лице, продолжал вести беседу с погибшим другом:

— Беда какая... Может, и пожил бы ты еще, да грузовик проклятый! Кричал я тебе, да ты услышал поздно, увернуться не успел... Понятное дело, не молодой, сноровка не та... А годков двадцать назад! Помнишь, Мишка? Эх, силы сколь тогда в тебе было! Помнишь, на охоте?

Кабы не ты, заломал бы меня косолапый... А как тонул я? В болоте лешачьем? Опять ты меня спас, вытянул... А я вот тебя не уберег... Эх...

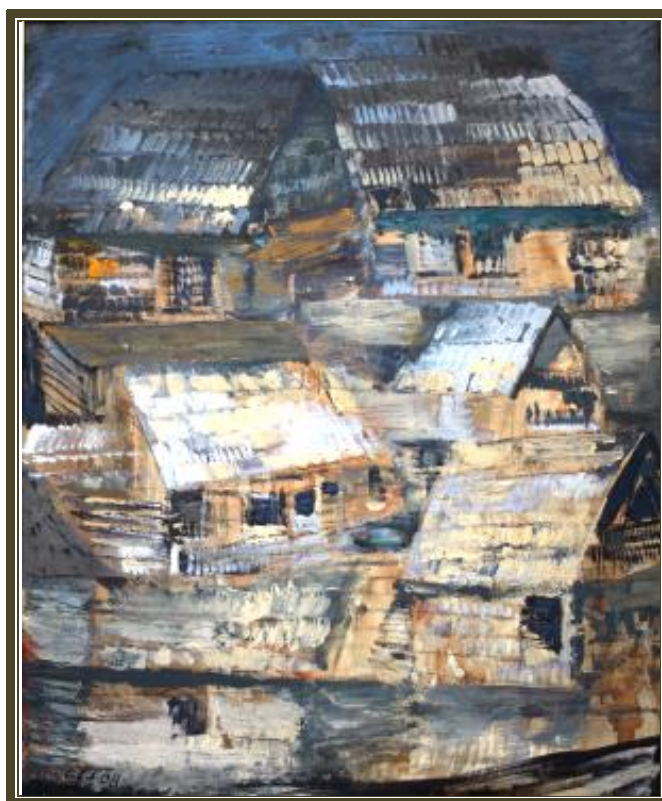
Старик тыльной стороной ладони вытер глаза. Вновь наполнил стакан. Выпил. Поднял голову к небу. Тучи наседали друг на друга, пыжились, росли в объеме, стремительно закрывали собой голубые проплешины выси. Старик зябко передернул плечами, опять посмотрел на могилу друга:

– Холодно... Пойду я...

Старик взял с земли мешок, в сумку положил саперную лопату, початую бутылку, стакан. Шаркая по земле ногами в кирзовых стоптанных сапогах, медленно пошел в глубь кладбища. Метра через три остановился, оглянулся и крикнул:

– Ты не бойся, Мишка! Я к тебе часто приходить буду...

Старик развернулся и пошел дальше, а в спину ему с черно-белого снимка смотрел большой пес, что гордо стоял передними лапами на мохнатой туше убитого медведя...

Евгения Кокорева. Ах, домики! - холст, масло, 2008

ПРОЗА

Василий Миронов

(Беларусь)

СЛУЧАЙ ИЗ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКИ

Лёгкий щелчок, слабое шипение динамика:

– Улица Красная, 13. Там непонятно что... соседка звонила, бабуля старенькая... мужчина без сознания, за пятьдесят... она не знает точно...

– Красная? – врач выездной бригады «скорой помощи», сидя на переднем сидении старенького уазика, тяжело открыл слипающиеся после ночного дежурства глаза. – Красная? А квартира, квартира?...

– Сорок два.

– Фамилия?! – Ефим Михайлович подхватился – сна как не бывало. – Фамилия? – настойчиво требовал врач.

– Соседка не уверена, старенькая совсем, говорит – недавно приехал, точно не уверена – толи Луков, толи Лучков...

– Лукин? – вскрикнул врач «скорой». – Лукин?

– Может, и Лукин, она не знает точно. Говорит – проживает один, родных нет. Может, просто пьяный? Посмотрите на всякий случай.

Динамик потух.

Водитель «скорой» – Александр, ещё молодой паренёк, удивлённый такой внезапной переменой в поведении своего дежурного врача, вопросительно посмотрел на доктора, ожидая команды. Саша пришёл в «скорую» совсем недавно из небольшой бюджетной организации, где привык не спеша возить шефа по совещаниям да домой на обед. И когда ветром перемен его прежнего работодателя лишили персонального служебного авто, Саша был вынужден перейти на более беспокойную работу водителем «скорой помощи». Естественно, вручили ему не самую навороченную «спасалку», а старенький, добитый всеми жизненными невзгодами и не самыми лучшими уральскими дорогами, полуржавый уазик, который давно уже перешёл все мыслимые и немыслимые временные и километражные границы списания. Как ещё двигался этот чудо-аппарат времён Черепановых, не разваливаясь на бесчисленных городских колдобинах, – большая загадка. Молодым везде у нас дорога – это понятно, а вот как на такую развалюху попал опытный реаниматолог семи медицинских пядей во лбу – Гацман Ефим Михайлович, о котором давно по городу чуть ли не легенды ходили, а его руки называли не иначе как золотыми? Как, как – попал, да и всё. Видно, были причины, но абсолютно точно, что его предпенсионный возраст тут ни причём.

– Давай, Саша, давай, дорогой, не подведи! – хлопнул Ефим Михайлович ладонью по металлу допотопной приборной доски автомобиля.

Волнение доктора невольно передалось и водителю. Он лихо втиснул педаль акселератора и подскочивший уазик, словно старый ишачок, получивший хорошего пинка под одно место, бодро выскочил в автомобильную гущу утреннего города. Ефим Михайлович тяжело прикрыл глаза, но это была вовсе не дремота, это нахлынули воспоминания...

Красная, 13 встретила Фиму не очень приветливо. Можно сказать – совсем неприветливо. Да что там говорить – злобно встретила. Не успела вселиться маленькая еврейская семья из трёх человек в однокомнатную новую хрущёвку, а уже через полчаса семилетний Фима Гацман с рёвом поднимался на свой пятый этаж, размазывая по щекам кровь из рассеченных губ и вдрызг разбитого носа. Что ж, новостройка сразу предъявила свои жёсткие правила – чужие здесь не ходят. А вот как стать своим в совершенно новом, ещё только зарождающемся жилом районе небольшого уральского городка – ни в каких правилах не прописано.

Чем не понравился Фима аборигенам – таким же мальчишкам, заселённым в эти пятиэтажные коробки чуть ранее, кто месяц, кто два назад, а кто уже и с полгода, худющий, на тоненьких, как у грача, ножках, интеллигентный еврейский мальчик понять не мог. Едва выскочив из подъезда в этот не совсем ещё благоустроенный двор, с такой нелепой открытой улыбкой от уха до уха, видимо, от распирающего счастья, Фима мгновенно споткнулся о холодный прищур нескольких пар мальчишечьих глаз, явно выражавших чувство глубокого презрения. Может, здесь всех новеньких так встречали? А может, парням в пузырчатых штанах-шароварах и непонятного цвета кофтах на резинках снизу не понравилась аккуратная Фимина рубашечка в синюю клеточку да новые короткие брючки-бриджи на лямках? Уж больно пощегольски всё это выглядело.

Ещё пару минут назад ошалевший от восторга Фима носился по огромной пустой комнате, рассматривая со страхом квадратный платок неба через открытую дверь, ведущую прямо из комнаты на неведомое ранее чудо – собственный балкон. А потом, осторожно делая полшага через порог балкона и замирая от страха открывающейся высоты, смотрел сквозь железные прутья на маленькие фигурки людей, копошащихся где-то внизу. После страшного деревянного барака, где он родился и вырос, откармливая клопов, после всей этой ужасной толкотни в узком грязном коридоре, заваленном разными ящиками, мешками, ободранными лыжами, старыми вонючими матрацами, велосипедами, после вечно забитой общей кухни, после вечно закрытого туалета – отдельная однокомнатная квартира! Это ли не счастье? А в этой квартире – представляете? – чугунная печь в отдельной кухне и самое невероятное – отдельный туалет, да ещё с маленькой квадратной чугунной ванной. Фима быстро нашёл на кухне небольшие дверцы прямо в стене под подоконником, там были две полки и прямо в стене – дырка, закрытая только металлической сеткой – холодильник для продуктов! Счастье-то какое!

Именно с таким чувством телячьего восторга выбежал тогда Фима в свой новый двор, свой новый мир, в котором ему предстояло жить и взрослеть. Местные мрачно обступили Фиму полукругом, дёрнули за воротник сзади, спереди наступили на новый сандаль и всё... дальше описывать нечего. Мальчишки семи-восьми лет – народ жестокий. Вот и били, пинали новенького они почти по-взрослому, стараясь непременно попасть в лицо. Мама Фимы, медсестра по профессии, ужаснулась увиденному, но мгновенно взяла себя в руки и принялась отмывать, чистить, а затем раскрашивать йодом физиономию своего несчастного сына.

– По Новой или по Циолковского?

– А? – голос водителя вернул доктора в настоящее, Ефим Михайлович вздрогнул, – давай по Циолковского, там сейчас машин меньше будет.

Ох, как же ошибался доктор: в городе наступало самое горячее время пик, когда несметные железные тарантасы различных иномарок спешно развозили своих хозяев к месту работы. За зиму раскуроченные, разваленные, разбитые дороги будто ехидно улыбались

промоинами луж неопределённой глубины всем выдающим сейчас особое нетерпение водителям. Быстрее хотите? А вот вам кукиш очередного наспех поставленного знака – «Дорожные работы»! Хотите вывернуть вправо? А вот вам «кирпичик» под ту арку! Хотите влево? А вот вам «Обгон запрещён»! В этой раскатке медицинского узилика среди бугров и ямок глаза доктора вновь закрылись...

Несколько дней Фима залечивал раны. А когда вновь решился выглянуть на улицу, с опаской озираясь по сторонам, его как будто уже ждали. Ловким движением кто-то сдёрнул с него кепочку и кинул по кругу. Мальчишки начали перекидывать её из рук в руки, потешаясь над Фимой, пока тот тыкался, как неловкий щенок, от одного пацана к другому и беспомощно озираясь, бесконечно опаздывая перехватить свой нехитрый головной убор. Самый длинный мальчишка из образовавшегося весёлого круга уже замахнулся кепкой, рассчитывая забросить её как можно выше на ветки ближайшего дерева, как внезапно чей-то крепкий подзатыльник толкнул его прямо навстречу Фиме. Кепка сама выпала прямо в руки своего ошалелого маленького хозяина. Смех мгновенно затих, когда мальчишки обернулись на возмутителя их неспешного веселья, позади них стоял Витька Лукин. Это был парень их же возраста – не выше, не крепче, но уже очень известный своей бесшабашной задиристостью. Дрался Витька так лихо и отчаянно, что и более старшие мальчишки не желали с ним связываться, считая себе дороже конфликтовать с этим сумасшедшим. Вот и на этот раз пацаны быстро разошлись, посчитав своё развлечение на сегодня законченным.

– Ты кто? – задал Витька вопрос новенькому.

– Я – Фима...

– Ну и трус ты, Фима.

– Я слабый, их много... – протянул Фима, будто для него количество соперников имело какое-то значение.

– Это не главное. Главное – всегда смотреть врагу в лицо так, чтобы он понял, что сегодня сдохнет, даже если приедет на танке.

Больше Фиму никто не обижал. Худосочный, безобидный Фимка Гацман совершенно неожиданно и для себя самого, и для всех остальных, по совершенно непонятной причине стал лучшим, не разлей вода, другом Витьки Лукина. Вот они – парадоксы простых дворовых историй.

Рёв нескольких нетерпеливых клаксонов нарушил ход воспоминаний Ефима Михайловича:

– Что такое?

– Да вот, урод какой-то выскочил прямо перед трамваем на обгон слева, зацепил рельсу, заглох – сразу пробка.

Ефим Михайлович, возможно, в другой раз и предложил бы новому водителю пару нравоучений по поводу опрометчивой классификации членов общества с занесением некоторых из них в группу с недопустимым названием «Уроды», но сейчас только недовольно встряхнул седеющей гривой волос:

– Включай музыку, объезжай по встречке... давай, Саша! – прикрикнул он внезапно, заметив нерешительность своего водителя.

Парень стряхнул секундное замешательство, щёлкнул тумблером – тотчас взвыла душераздирающая сирена, по тесно прижатым бокам соседних машин полыхнуло

проблесковым синим пламенем. «Скорая» выскочила на встречную полосу и едва увернулась от тяжёлого самосвала. Ефим Михайлович даже не шелохнулся – как же далеко были его мысли...

Школа № 85 повидала многое. Большое каменное здание было возведено уже после войны на центральном взгорье среди предполагаемых новостроек. Долгое время школа была видна со всех сторон, словно церковь в деревне, и за двадцатку календарных лет, обрастая коробками пятиэтажек, она так и не спряталась за их стенами – уж больно выгодное имела расположение. Имела и свою богатую историю, да вот была ли в ней такая страница, когда из класса в класс переходили два неразлучных товарища, но два таких разных мальчика: один – отчаянный дебошир, драчун и двоечник, а другой – полная противоположность, прилежнейший, не по годам умненький отличник Фима Гацман? Об этом история умалчивает, но вот то, что объединяла этих двоих самая настоящая пацанская дружба, это факт. Тут не поспоришь, а иначе как понять, что дважды педсовет предлагал Фиме сдать экстерном программу и перескочить через класс, а то и сразу через два, и дважды Фима отказывался – наивные, на кого же он бросит Витьку Лукина, которому давно светило второгодничество, начиная ещё с пятого класса. Фимка вытаскивал незадачливого товарища всеми правдами и неправдами: писал за него сочинения, специально допуская позволительное количество ошибок, чтоб смотрелось более-менее правдоподобно и не сильно бросалось в глаза истинное авторство, решал за него все контрольные, предварительно расправившись со своим вариантом, и так далее. На кого же теперь оставлять его, а?

Когда десятилетка закончилась и встал вопрос о дальнейшем направлении жизненного пути, понятно, что для Фимы всё было предельно ясно – только медицинский! А какие ещё варианты могут рассматриваться в семье потомственных медиков несчётного количества еврейских поколений? Фима уговорил Виктора пойти с ним на сдачу экзаменов, предполагая повторить школьный вариант своей «скорой помощи». И ведь получилось бы... не окажись профессор столь ушлым, ловко подловив Лукина на приёме «шпоры». Несостоявшийся студент был немедленно изгнан с позором из аудитории без малейшего сожаления обоих.

– Ну и ладно, – буркнул Витёк огорчённому Фимке после сдачи, – поеду во Владик, в мореходку, там возьмут...

Взяли.

– Ребята, повторный вызов был на Красную... – шуршание динамика вновь прервало воспоминания доктора, – похоже, серьёзно, скорее всего – сердечный приступ, старушка говорит, практически не дышит, поторопитесь...

Дикий скрежет тормозов старенького уазика. Ефим Михайлович чуть не разбивает голову о лобовое стекло. За перегородкой вскрикивает медсестричка – ударилась.

– Саша!...

– Да вот, смотрите! – взвизгнул водитель.

Прямо перед «скорой» у грузовика, гружённого досками, от резкого маневра лопнуло крепление, кузов накренился, слетела петля борта, доски посыпались на проезжую часть. «Скорая» едва не влетела стеклом прямо в торцы своеобразного деревянного веера из досок. Ефим Михайлович выскочил из уазика, подбежал к грузовику, дёрнул за дверцы:

– Жив? Жив! – тут же бегом назад в три прыжка, – Саша, сворачивай, давай дворами, тут уже недалеко. Ну, быстро, Саша, быстро!

Витёк, Витёк! Ох, и покидала тебя судьба по странам и континентам! Сколько же повидал ты, пересекая бездонную прорву воды различных морей и океанов бесчисленное количество раз. Иногда возвращался в свой городок, женился, разводился, опять уходил в море. Сколько же раз всё это происходило? Лукин изредка напоминал о себе и в жизни Фимы, оставляя какие-то новые координаты, адреса каких-то новых экзотических мест проживания... и снова исчезал в неизвестном направлении, и никакие письма не могли догнать его мятущуюся по чужим краям душу. И в конце концов Лукин потерялся окончательно.

– Да что же это за день-то сегодня такой? – выругался Ефим Михайлович после очередного резкого торможения уазика.

– Не пускают, – мрачно пояснил Саша, крепко вцепившись от злости в старенький выщербленный руль, аккуратно забинтованный голубой изолентой.

Впереди, почти поперёк узкой внутридворовой дороги, наискосок стоял огромный лакированный чёрный джип. Почти все его двери были открыты. От машины из мощных динамиков била в упор волна неких ударных звуков, наверняка претендующих гордо именоваться современной музыкой. Навстречу этому джипу почти в лоб стоял такой же монстр иностранного автомобилестроения. Водительская дверь также была открыта, но за рулём никого не было. Видимо, водитель, встретив другана, просто пересел в его джип поговорить за жизнь.

Ефим Михайлович побелел от негодования. Он оценил опытным взглядом свою медицинскую дорожную коробку, щёлкнул крышкой, вышел из машины и направился в сторону джипа:

– Пропусти «скорую», – тихо, но твёрдо проговорил он квадратному блестящему затылку. Лысый «кубик» соизволил повернуться к доктору, не спеша оценил того снизу вверх узкими свинячьими глазками:

– Чё... вот это? – он оглянулся на забрызганный грязью автомобиль «скорой помощи», словно чистокровный арабский скакун на конька-горбунка, и дикое ржание несколько секунд сотрясало крышу заморского чудо-автомобиля.

– Эту, – холодно повторил доктор.

Потухшее было на секунду ржание всколыхнулось с новой силой:

– Не кипешуй, Айболит. Тебе чё, принципиально? Видишь – люди заняты, разговаривают... жди, значит.

Смех прекратился в одно мгновение, как будто кто-то вдруг нажал кнопку стоп-кадра. Охранник с переднего сиденья коротко дёрнулся, повинувшись своему служебному долгу перед хозяином, но тут же замер, как и все остальные, едва его глаза встретились с немигающим ледяным взглядом доктора. За секунду до этого произошло нечто неожиданное: мгновенное резкое движение руки эскулапа, более похожее на короткий бросок кобры, и вся группа товарищей, сидящая в роскошном джипе, с ужасом уставилась на короткую толстую шею своего лидера, напоминающую раздутую камеру легкового автомобиля. В этой шее глубоко торчал шприц с неизвестной жидкостью. Большой палец доктора спокойно накрывал торец поршня и был готов в любое следующее мгновение протолкнуть эту жидкость прямо в «камеру». Совсем как палец на курке пистолета, готовый к мгновенному выстрелу.

– Да-да, он самый – цианид калия, – Ефим Михайлович говорил тихо и все внимательно слушали, – мгновенная потеря сознания, затем паралич дыхания, то есть – полный каюк. Это мы собак сейчас усыпляли, вот осталось... заводи, – приказал доктор.

Огромный пиджак даже не пошевелился, только рука очень осторожно дотянулась до замка зажигания и нежно повернула ключ.

– Очень медленно, – попросил Ефим Михайлович, удерживая руку на шприце. Однако последняя просьба уже была излишней. Тяжёлый полугрузовик на удивление плавно отодвинулся от поцарапанного уазика в сторону. С правой стороны заморского металлического чудовища, больше похожего на танкетку, чем на легковой автомобиль, открылась лакированная дверь. Очень медленно, словно в замедленной съёмке гангстерского фильма, из неё вышел сотоварищ бычьей шеи – водитель второго внедорожника и, заведя почти бесшумный на малых оборотах двигатель, убрал и свой автомобиль в сторону.

Саша, наблюдавший всё это происшествие из своего уазика, заранее приоткрыл правую дверь «скорой», подъехал вплотную к доктору. Тот выдернул шприц, спокойно сел в кабину и металлический авто-старичок тут же рванул с места. Ефим Михайлович выдохнул и отбросил шприц на пол.

– А что там? – мотнул головой в ту сторону Саша.

– Глюкоза, – Ефим Михайлович улыбнулся устало.

Когда «скорая» в очередной раз затормозила, упёршись в металлическую трубу, преграждающую проезд – этакий самодельный шлагбаум с цепью на амбарном замке, Ефим Михайлович взял свою походную коробку неотложной помощи:

– Дальше я сам, тут уже близко.

Он стремительно зашагал в глубь дворов. Медсестра выскочила из машины и кинулась следом. «Вот он, дом мой, Красная, 13. Сколько же я здесь не был, – подумал Ефим Михайлович, приближаясь к своему некогда подъезду, – что ж так нас тянет в эту старую хрущёвку? Неужели нет милее места на земле? Вот и Витёк вернулся...»

Чуда не случилось. Когда Ефим Михайлович зашёл быстрым шагом в знакомую дверь, открытую настежь, его встретила бабулька, видимо, та самая соседка, что звонила в скорую:

– Вот ведь я, старая, ещё шамкаю, а тут такой молодой... – она неслышно присела на табуреточку.

Сестричка быстро проверила пульс недвижимо сидящего в кресле мужчины крупного телосложения, вздохнула:

– На десяток минуточек раньше бы...

Ефим Михайлович молча вглядывался в скованное смертью лицо друга:

– Эх, Витёк, Витёк, – наконец выдохнул он.

– Вы его знали?

Доктор ничего не ответил.

Главврач вышел из-за стола, подошёл вплотную к Ефиму Михайловичу и дружески приобнял его левой рукой – в правой он держал заявление на увольнение, которое только что старый доктор положил ему на стол.

– Ефим Михайлович, дорогой вы наш, два месяца осталось. Доработайте спокойно в кабинете. Юбилей как-никак, отметим, как полагается, проводим торжественно.

– Нет, Семёнович, всё...

Главврач вздохнул, посмотрел в глаза старому заслуженному доктору и понял, что это окончательный вариант и любые уговоры в данном случае будут бессмысленны.

Где-то через год сильно постаревший и осунувшийся Ефим Михайлович едва не попал в очень неприятное положение: он так сильно задумался, что ступил на пешеходный переход,

совсем не обратив внимания на цвет светофора. Когда визг тормозов привёл его в чувство, Ефим Михайлович виновато приготовился выслушать «добрые», но справедливые пожелания в свой адрес от выскочившего водителя.

– Ефим Михайлович, вы?!

Старик поднял слезившиеся глаза и оторопел:

– Саша? А где же твой «ишачок»?

– А я теперь на «крафтере» – зверь-машина! А колывагу нашу списали сразу после вашего ухода.

Старик восхищённо оценил новый реанимобиль, начинённый последними техническими новинками:

– А сам-то как?

– Всё замечательно: женился, вот квартиру строим, осенью обещали уже сдать, – Саша искренне улыбнулся, – сын у меня родился, первенец. Виктором назвали – победитель полатыни.

Глаза Ефима Михайловича потеплели:

– Витёк, значит... счастья ему.

Машина «скорой» тронулась и, обгоняя старика, коротко выдала трель сирены и одновременно вспыхнула на пару секунд всеми огнями. Старик встрепенулся, торжественно расправил плечи и благодарно махнул рукой вслед.

Жизнь продолжалась.

ДОЛГИ НАШИ

Есть в российской глубинке самый обычный, очень небольшой, я бы сказал – заштатный и, уж если совсем быть честным, – просто неказистый на вид городок Нечаев. Он словно заблудился где-то на полях Нечерноземья России, прикорнул когда-то на отдых у реки да так и остался на этом месте, не шибко быстро разрастаясь грязными улицами да чёрными, некрашеными деревянными домиками. Хотя для глубинки, может, не такой уж и маленький. Тысяч сорок жителей к расцвету советской власти в середине семидесятых прошлого столетия Нечаев уже насчитывал. Несколько небольших предприятий деревообработки, кирпичный завод, пекарня, обувная фабрика, кондитерское предприятие, была даже своя типография – нормальный город.

На одной из немногих заасфальтированных центральных улиц стоял единственный в городе кинотеатр «Ракета». Откуда ракеты в российской провинции? Посчитали – пусть одна будет. Ну а на центральной площади разместился, как и полагается, местный трёхэтажный кирпичный «Белый дом». И хотя был он вовсе не белый, а какого-то песочно-жёлтого цвета, все горожане уважительно именовали его именно так – «Белый дом». Видимо, в пику американцам, чтоб не зазнавались.

Была в Нечаеве и церквушечка небольшая чуть в стороне от центра. Церковь была каменная, очень старинная и цвет имела действительно молочно-белый. Покровительствовал ей Георгий Победоносец, но в народе церковь также звали «Белой», как и дом местной городской власти.

Говорят, в начале шестидесятых люди из Белого дома, что на центральной площади, посчитали Белую церковь, что находилась практически рядом через квартал, себе конкурентом в борьбе за умы соотечественников и решили её взорвать. Подъехали как-то товарищи в

цивильных костюмах на двух чёрных «Волгах» к церкви, чтобы на месте оценить задуманный процесс разрушения. А буквально через несколько минут уже попали под такой шквал грязевых шлепков по машине да по костюмам от мгновенно собравшихся местных жителей (уж чего-чего, а грязи в Нечаеве всегда хватало), что благоразумно посчитали: ну ладно, пусть стоит, пусть будет. Бог с ней.

Было чем гордиться местным богомольным бабкам да дядькам, ведь Белая церковь была одной из немногих, которая не закрывалась никогда. Чудо, но не закрылась она ни после революций, ни в годы очумелой борьбы с мракобесием оголтелых коммунистов, ни даже в годы Великой Отечественной.

Стало быть, всё честь по чести в городе Нечаеве. Как бы и так, да вот, должен признаться вам по секрету: имел город ещё и подпольную кличку для себя в народном обиходе – Ничеев, то есть – ничей. А это, как вы понимаете, уже близко по смыслу к слову «заброшенный», то бишь «не очень нужный». Грустно...

Но не будем о грустном. Люди в городе Нечаеве были замечательными, как, впрочем, и во всей провинциальной России. Всяко, конечно, бывало в городке, но большой злости, обмана по крупному и прочего безобразия, как в мегаполисах, не было здесь.

И проживал в этом замечательном городке один не менее замечательный гражданин. Звали его Анатолий Николаевич Поляков. Хороший, обычный дядька. Работал мастером на мебельной фабрике, имел жену Варвару – слегка ворчливую тётку, да двоих детей Машу и Сашу, то есть дочь и сына. Посадил дерево, даже не одно, построил дом. Ну а потом забрал к себе и тещу по просьбе Варвары. Тёща хоть и была бабой ядовитой, как и полагается любой русской теще, но Анатолий смог найти к ней подход, и они худо-бедно ладили. Особенно нравилось Аграфене Ивановне, когда зять уважительно называл её Графиня Ивановна. Постепенно «графиня» подмяла под себя весь домашний уклад, видимо, хотела соответствовать. Безобидный, мягкий по характеру Анатолий особо ни в чём не перечил ни жене Варваре, ни Графине Ивановне. Всё было хорошо.

Однажды утром перед работой хозяин вышел во двор, осмотрелся – непорядок: в углу двора валялась целая куча тряпья, старое одеяло, покрывало. Это дети вчера шалаши себе строили да так и бросили. Анатолий подошёл, сгрёб тряпки в охапку, но тут же бросил обратно и отпрянул. В тряпках что-то зашевелилось, закопошилось, пытаясь выбраться наружу, и из-под старого полотенца выглянул лохматый колобок и уставился на удивлённого Анатолия двумя чёрными бусинками глаз. Мокрая пуговица носа потянулась к протянутой шершавой ладони, осторожно принюхиваясь.

– Откуда ты? – усмехнулся Анатолий.

В ответ колобок чихнул, смешно зажмурившись, и вылез наконец из под тряпок полностью. Перед хозяином двора появился забавный щенок непонятной породы. Густая разноцветная шерсть расходилась пятнами по спине – белый клоч, чёрный, коричневый... ну прям камуфляж к военной тропе. Когда дети, только проснувшись и, жмурясь от утреннего солнца, вышли на порог, отец протянул им шевелящийся комочек:

– Вот...

Дочь и сын восхищённо округлили глаза:

– Ой, Бим!

– Только маленький!

– Бимка, значит!

– Бимка? Ну, пусть будет Бимка, – подытожил отец.

Совсем недавно вся семья смотрела фильм по телевизору с неподражаемым Тихоновым в главной роли – «Белый Бим Чёрное ухо». Плакали всей семьёй у экрана, переживали за

несчастливого пса так, что несколько дней потом успокоиться не могли. Видимо, на целого Бима подкидывш не потянул, ну а на Бимку – в самый раз. Так и порешили – должна быть собака в частном подворье. И этой собакой стал смешной щенок по кличке Бимка, свалившийся неизвестно откуда.

Бимка очень быстро привык и к своему имени, и к своим хозяевам, и ко двору – своему новому месту обиталища. Собачонка была настолько жизнерадостна и подвижна, что за несколько минут могла превратить хозяйский двор в мамево побоище. Переворачивала всё с ног на голову, раскапывала ямы, разбрасывала вещи, а некоторые даже откровенно портила. Но делалось это всё так бесцеремонно мило, что ни у кого не поднималась рука наказать её. Ну невозможно было сердиться на этого дурашливого бесёнка. Все только всплёскивали руками да улыбались. Равнодушна к собаке оставалась только Аграфена Ивановна. Она не выражала ни радости, ни горя по поводу собаки, с виду – полное равнодушие. Но лишь до определённого момента. Однажды выстиранный и вывешенный на просушку во дворе халат «графини» Бимка стянул с верёвки и протащил по всему двору. На этом молчаливое перемирие Аграфены Ивановны с Бимкой закончилось.

Должен сказать, с первого дня Бимка сразу показал свою гордость и независимость. Когда Анатолий сделал из досок аккуратненькую небольшую будку для щенка, тот сразу выбросил все постеленные там тряпки. И сколько потом ни стелили других разных тряпок, включая мягкую и тёплую полу старого тулупа, щенок выбрасывал из будки абсолютно всё и спал на голых досках. Ещё Бимка категорически не терпел никакой привязи. Его сразу попытались приучить к верёвочке, потом цепочке, но он начинал бешено крутиться, валяться, грызть эту верёвку с такой силой, что на семейном совете решили – ладно, пусть так живёт, непривязанным. Что поделать, если такой гордый? Ну а когда все смирились со свободным перемещением своего любимца не только по двору, но и по улице, собака, видимо, в благодарность стала поспокойней.

Как-то раз Бимка сидел у своего забора со стороны улицы, грелся на солнышке. К нему неспешно подошёл Ваня, соседский мальчуган лет десяти. Ваня знал, конечно, что Бимка вполне миролюбив и никогда не думал кусаться. Мальчик сунул в бок собаки носком ботинка и отошёл на шаг, с любопытством ожидая реакции. Бимка попросту отодвинулся. Тогда мальчишка снова подошёл к собаке и уже больно пнул её. Пёс насторожился. Когда Иван с большим замахом отвёл ногу назад для третьего удара, стараясь попасть собаке в голову, Бимка наконец сделал то, чего ещё никогда не делал: он резко перехватил эту ногу ещё в движении и рванул штанину так, что та затрещала.

Испуганный неожиданным поворотом событий Иван заверещал, словно пожарная машина, и кинулся домой. Не прошло и минуты, как отец Ваньки уже бежал вприпрыжку к провинившимся соседям. Краснощёкий верзила закатил жуткий скандал Варваре с Аграфеной (Анатолий был на работе). Сосед даже ещё калитку не успел открыть, как из его уст посыпалась брань. Он истерично задира л порванную штанину своего сына и ожесточённо тыкал пальцем в розоватый скользкий след от клыка собаки на его лодыжке. Картинно всхлипывающий Иван тут же начинал корчиться от боли так, будто ему мгновение назад акула отхватила ногу по самое колено.

Варвара молчала. Бимка спрятался в будке и не издавал ни звука. Когда с работы вернулся Анатолий, ему было сказано коротко и безапелляционно:

– Собаку выгнать!

Анатолий Николаевич сразу понял – жестокий вердикт окончательный, и ничто не в силах изменить это решение, скорее всего, принятое Аграфеной Ивановной.

Они вышли вдвоём с собакой на улицу. Бимка понимал ситуацию, покорно семенил рядом и время от времени заглядывал в лицо хозяину. Но когда Анатолий прикрикнул на него: «Уходи, уходи навсегда», Бимка понимать отказался напрочь. Анатолий, сжав сердце, кричал на собаку, замахивался кулаком и даже взял в руки хворостину. Пёс по-прежнему не отходил, наверное, просто не мог поверить в смысл этих слов. И только когда хворостина действительно опустилась на его спину, собака с такой горечью в глазах, будто произошло нечто невероятное, отступила. Анатолий развернулся и пошёл домой. Так гадко на душе у него ещё никогда не было. Он несколько раз оборачивался и каждый раз натёкался на пристальный взгляд собаки. И лишь когда калитка за ним захлопнулась, собака сдвинулась с места. В противоположную сторону...

Бимка не исчез, его приютил некий бомжеватый мужичонка, местный пьяница. А жил этот опустившийся элемент всего через пару переулков в полуразрушенном, покосившемся старом заброшенном доме, похожем скорее на избушку Бабы-Яги. Бывало, Анатолий проходил мимо, и тогда Бимка, который постоянно сидел на улице возле своего нового жилища, встречался взглядом с ним. Ох, нехорошо было в такие моменты Анатолию, ох, нехорошо. Жгучий стыд выворачивал душу. Он прекрасно осознавал всю подлость своего поступка, понимал, что, по сути дела, надо было этому наглецу малолетнему Ваньке дать по шее, а не собаку гнать. Но и против воли своих домочадцев ничего сделать не смел. Так и ходил он мимо чужого переулка, оглядываясь на своего Бимку с невыносимым чувством вины.

Однажды Анатолий не выдержал и подозвал пса. Бимка от неожиданности вздрогнул, подумал немного и потом, низко склонив голову к земле, подошёл. Из вежливости. Но когда Анатолий протянул руку, отодвинулся. Собаку вообще было трудно узнать. Из некогда радостного, бурлящего затеями, порой наказуемыми, весёлого щенка Бимка вдруг сразу превратился в спокойного, умудрённого жизненным опытом, старичка. Он больше не бегал бесшабашно по улицам, радуясь всяким мелочам, а предпочитал просто лежать у забора, как старый пёс.

По вечерам Варвара, беззаботно беседуя с мужем, рассказывала, что Бимка, оказывается, регулярно встречает её на границе своего переулка и провожает до самой остановки, когда она спешит на работу. Пёс научился точно чувствовать время её возвращения и в конце дня снова встречал Варвару на той же остановке. А затем провожал её в сторону дома, где он и сам некогда жил, но только до начала переулка. Варвара весело махала ему рукой на прощание, и Бимка, дождавшись, пока за ней хлопнет калитка, уходил к развалюхе своего бомжа.

Анатолий надолго замолкал после таких историй, отворачивался и уходил во двор.

Как-то весной поселился в соседнем переулке крикливый мужик, который с первого дня стал досаждать всем соседям различными пакостями. Был он одиноким, но имел в хозяйстве большую собаку. Забор его дома давно валялся без всякой надежды на то, что его когда-нибудь поставят на место. Огромная и полудикая, как сам хозяин, собака спокойно выходила на улицу и пугала прохожих и своими крупными размерами, и своим злобным лаем на всех и вся. Говорят же, что собака и хозяин со временем становятся похожи друг на друга. Это тот самый случай.

Однажды Варвара, находясь на седьмом месяце беременности и уже несколько дней не работая по причине начавшегося декретного отпуска, вышла прогуляться в сторону магазина. Бимка, как всегда, встретил её по пути и пошёл рядом. Поравнявшись с павшим забором злобного соседа, оба заметили, как тот спускает собаку с поводка и шипит:

—Кус-си!

Ясно, что приказ был направлен на более мелкую собачонку Бимку, но первой страшно испугалась Варвара, а затем уже и сам Бимка. Он кинулся в ноги своей бывшей хозяйке, сжался

в комок, прилепив ушки к своей короткой шее, и замер. Огромная псина стремглав неслась прямо на них, раззявив свою пасть так, что, казалось, язык зачерпывал землю. Бимка посмотрел вверх, увидел перекошенное от ужаса лицо Варвары и вдруг, когда до чудовища оставалось всего несколько шагов, в одно мгновение распрявился, как сжатая пружина, и бросился навстречу беде. Две собаки мгновенно слились в некий бушующий клубок песка, пыли, визга, рычания. Было непонятно, не видно – что там происходит. Внезапно из грязного облака выскочила большая чёрная псина и пулей полетела назад в свою будку. Сзади, как маленькая неотвратимая комета, её настигало существо, похожее на Бимку. Хозяин чёрного пса ещё несколько секунд хлопал глазами, ошарашенный таким неожиданным, неправдоподобным исходом поединка, а потом наблюдал за мечущимся хвостом небольшой странной собачонки, торчащим из будки, в которой бился в неравной схватке храбрый чужой ему пёс. Когда Бимка вылез из чужой будки и покинул поле боя в ранге полного победителя, узнать его было трудно: истерзанный, искусанный, хромающий на обе передние лапы, с окровавленной шерстью, но гордый и спокойный, как когда-то в юности.

Непонятно от чего, но через полгода Бимка умер, хотя ему ещё и двух лет не было. Кормил его новый хозяин, конечно, отвратительно. И голодать приходилось собаке, и мёрзнуть долгими зимними ночами, и болеть, но, скорее всего, не это повлияло на такую короткую собачью жизнь. Больше похоже – умер он от обиды и человеческого предательства.

Анатолий очень переживал. Однажды он решил зайти в эту покосившуюся избушку, чтобы поговорить о Бимке с его последним хозяином. А тот, едва Анатолий заикнулся о собаке, – вроде пропитой и никчемный человекишко, так сказать, человек дна, – усмехнулся ему прямо в лицо с видом такого великого превосходства, словно граф при встрече с ничтожным простолюдином, что стало ясно – никакого разговора не получится. Анатолий сразу прочувствовал всю силу пренебрежения этого человека к себе.

С тяжёлым сердцем Анатолий Николаевич вышел из тёмной хаты с кислым запахом нищеты и медленно побрёл по улице. Как и почему он остановился у Белой церкви, Анатолий не помнил. Может, случайно, а может, намеренно. Двери в храм были открыты. Ни во что не верующий коммунист с четырёхлетним стажем, ярый атеист Анатолий Николаевич Поляков стоял в нерешительности, затем вошёл в церковный двор и вновь остановился у ступеней главного входа. Он зачем-то пощупал партийный билет во внутреннем кармане, потом достал его и переложил в задний карман брюк. Посчитав, что сердце таким образом стало свободным от коммунистического влияния, Анатолий зашёл наконец внутрь храма.

Тишина и прохлада действовали успокаивающе. Храм был пуст, видимо, утренняя служба давно закончилась. В углу копошилась какая-то пожилая тётушка в платке, повязанном до самых глаз. Она спокойно продолжала разбирать бумаги, перебирать и раскладывать по лоткам свечи и, казалось, не замечала вошедшего. Анатолий огляделся. Раньше ему не доводилось заходить внутрь церкви, за всю свою жизнь ни разу. Его поразила красота внутреннего убранства. Лазоревые расписные потолки, таинственные иконы в резных деревянных и золотых окладах, красные лампадки, горящие свечи – красота неопишная! Но больше всего изумило то, что, куда бы ни встал Анатолий, все нарисованные святые всегда смотрели ему прямо в глаза.

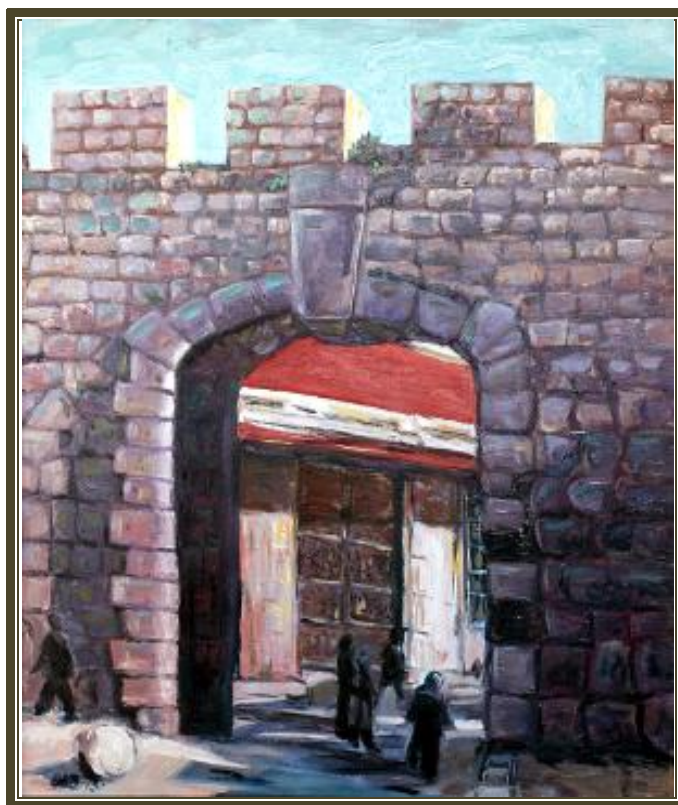
Анатолий заробел, когда почувствовал за спиной чужой взгляд, обернулся. Батюшка подошёл ближе, и его мягкий, то ли вопрошающий, то ли одобряющий взгляд успокоил Анатолия.

– Что привело, сын мой? – негромко спросил батюшка.

– Если есть там то, что я думаю... – Анатолий замешкался растерянно, – я... я хотел бы встретить там своего Бимку и повиниться.

Горячий шёпот покаяния зашелестел по пространству, по всем уголкам большого зала храма. Когда Анатолий выговорился, батюшка помолчал некоторое время, пристально глянул в глаза Анатолия и затем кивнул мягко, едва заметно.

Когда Анатолий Николаевич вышел на улицу, он не почувствовал прощения, но на душе стало легче и спокойней. Он повторял про себя последнюю фразу батюшки: «На земле ещё много дел и мест, где понадобится твоя доброта, поспеши». Анатолий оглянулся на церковь и впервые неумело перекрестился. Достал партбилет из заднего кармана, подошёл к мусорному бачку... потом, словно устыдившись, вернул его обратно в задний карман брюк. Отправлю по почте, подумал он и взглянул на виднеющуюся невдалеке крышу горисполкомовского Белого дома. О последствиях он сегодня не думал. Анатолий Николаевич Поляков снова повернулся лицом к Белой церкви, низко поклонился и уверенной походкой зашагал домой.

Евгения Кокорева. Проект «Время», холст, масло, 2012

ПРОЗА

Мари Веглинская

(Светлана Сударикова)

(МОССАЛИТ, Москва)

ЧТО ТАМ, ЗА МОСТОМ?

*Моим скнятинским друзьям
из далекого детства посвящаю*

Деревню Женька любила. Когда она еще не ходила в школу, ее привозили туда уже в апреле, а забирали только в ноябре, и они с бабушкой и дедом жили в большом старом рубленом доме из брёвен, посеревших от времени, с голубыми наличниками на окнах. Наличники бабушка красила каждую весну, чтобы они были свежими. Дом этот достался бабушке по наследству от какой-то далекой тетки, у которой никого, кроме бабушки, не осталось. Как же бабушка радовалась! Ведь она помнила, как жила в этом доме, когда была еще маленькой девочкой, как Женька. Она так и говорила: «Когда я была такой же, как ты, то приезжала в этот дом погостить. Он был совсем новым, светлым и чистым. Тетка пекла в печи дроблёну, и вкусней этого пирога я не ела ничего в жизни. Этот дом мне всю жизнь снился. Как знал, что я его хозяйкой стану!» Дроблёной бабушка отчего-то называла манник. Хотя Женька-то знала точно, что лучше, чем бабушка, этот румяный и нежный пирог не печет никто, даже та бабушкина тетка.

Когда впервые переступила порог этого дома, Женька была совсем крохой, но воспоминания остались. Особенно запомнился запах: он состоял из смеси старой усохшей древеси́ны, каких-то трав, развешенных по стенам в огромных мешках, сеном, животными, видимо, жившими в сарае, и то ли молоком, то ли вещами, хранившимися в двух огромных сундуках. В этих сундуках лежали аккуратно связанные тесьмой недогоревшие церковные свечи, несколько лампадок - только одна из них была целой и невредимой, - толстый том Библии, сильно потрепанное Евангелие - все это были вещи из затопленной во время строительства Угличского водохранилища и разрушенной церкви; а еще подзоры для кроватей, вязанные крючком скатерти, старинные сарафаны и тонкое, очень красивое льняное белье. А может быть, дом пах той самой дроблёной, которая так нравилась бабушке. Потом запах изменился, выветрился, подстроившись под новых хозяев, наполнился городским колоритом вместе с въехавшими в дом вещами, вместе с обоями, зачем-то закрывшими бревенчатые стены, вместе с кипой журналов, книг, постельного белья, занавесок, тарелок, чашек и прочей утвари, следующей повсюду за хозяевами. Но почему-то много лет спустя, возвращаясь в памяти к тем далеким годам, Женька вспоминала именно тот, первый, ни с чем не сравнимый запах. Он вдруг на мгновение оседал на обонятельных рецепторах, воспроизводимый памятью, и пропадал. Но этого было достаточно, чтобы воспоминания водопадом обрушивались на уже взрослую и солидную женщину, доктора медицинских наук Евгению Петровну Суворову.

А тогда... тогда она была просто Женькой. Маме дом не нравился - мама была городской до кончиков ногтей, а до нужного места добираться приходилось очень долго. Сначала доезжали до станции Савелово, затем пересаживались на местный поезд и ехали до станции Скнятино, а потом шли пешком вдоль реки, и дядя Вася, который жил в соседнем доме, перевозил всех на лодке на другой берег, где и стояла деревня. Мама приезжала только на машине, и то нечасто. А вот отец дом полюбил. Здесь такая рыбалка, говорил он, лучше, чем под Астраханью. Но в отпуск все равно ехал с мамой на море.

Вот так и получилось, что Женька в основном торчала здесь с бабушкой и дедом. Дед у Женьки был не родной. Он женился на бабушке после войны, в которой она потеряла мужа и трех сыновей, вот только мама и осталась. Бабушка тогда жила в Калязине, а дед приезжал в этот небольшой волжский городок по делам партии. Приглянулась ему добрая и заботливая вдова, работавшая на фабрике, где валяли валенки, и он забрал ее в Москву. Так Женькина мама стала москвичкой, а уж сама Женька в столице и родилась. Но если бы кто-то сказал девочке, что ее дед это вовсе не ее дед, ох, держись! Уж Женька бы ему показала! Ну к кому она бежала, когда соседский мальчишка отобрал у нее велосипед? Кто стойко, независимо от погоды, водил ее в музыкальную школу? Кто вечерами после трудного дня в саду шел ловить с ней рыбу, несмотря на боль в ногах? Кто любил Женьку больше всех на свете? Конечно же, дед! Он всегда был рядом и никогда, никогда не ругался на Женьку. Бабуля тоже Женьку любила. Но как-то очень строго. Она говорила, что приучать к *жизни* надо с детства, вот она уже в пять лет и печь топила, и обед мамке готовила, и полы битым кирпичом терла, а в семь уже корову доила. Вот какая она была работящая! А *жизнь* ее все равно потрепала. Такая вот она, *жизнь*, коварная. Не жди от нее хлеба с солью, а только кнут да соль без хлеба. «Вот узнаешь *жизнь*...», - говорила она внучке и многозначительно качала головой. Ей заранее было очень жаль Женьку, когда той придется узнать *жизнь*. Все это было странным и непонятным, ну чего ее знать, эту *жизнь*. Вот она, прекрасная и радостная, в самой лучшей стране в мире. Но бабушка только смеялась, потому что она-то эту *жизнь* уже познала и цену ей понимала. Правда, дед над бабушкиными причитаниями только посмеивался, и, крепко прижав к себе девочку, говорил: «Никакой *жизни* я тебя в обиду не дам!» А раз дед сказал, значит, так оно и будет. Но все равно было странно.

В деревне Женьке не было ни весело, ни скучно. Просто хорошо. Как бы сейчас сказали - комфортно. Она любила валяться на цветущем лугу в лужицах колокольчиков, собирать букеты ночных фиалок, от которых вечерами дурманило голову, ходить с дедом по грибы и по ягоды, а вечерами, сидя в лодке, рыбачить, глядя, как солнце, уставшее за день от собственного жара, остывая, уходило за мост. Вот этот мост и не давал Женьке покоя. Он находился километрах в трех от деревни, именно по нему ходили железнодорожные составы и поезд, на котором можно было добраться до деревни. Но Женьку привозили и увозили на машине, и она не знала, что там, за мостом. Но так хотела узнать!

Женька была фантазеркой. Выдумщицей, как говорила бабуля. Впрочем, добавляла она, с возрастом это пройдет. Женька точно знала, что в цветах живут цветочные феи - она сама не раз слышала, как они чихали, надышавшись цветочной пылью; что в лесу можно отыскать целые гномьи города, только они под землей находятся; что на водяных лилиях по вечерам водяные принцессы, совсем крохотные, отчего их часто путают со стрекозами, любят устраивать посиделки. А еще Женька знала, что есть на свете такая страна, Волшебная-преволшебная, куда если попадешь, то тут же станешь взрослой, и тебе враз исполнится восемнадцать лет. И не надо будет ходить в школу, зубрить таблицу умножения или по сто раз наигрывать гаммы в музыкалке. Оно само в голове уже будет. В этой стране есть, естественно, столица - Городок, да-да, так и называется - Городок, где все мостовые выложены белым мрамором, а дома

разноцветные, как радуга. Живут там крохотные человечки, которым, разумеется, всегда по восемнадцать лет. Они любят вечерами пить чай на балконах, ходить в лес за ягодами - а каждая ягода черники для них, как для нас арбуз, - и путешествовать. Поэтому, если очень захотеть, можно разглядеть в траве маленький паровозик или увидеть в небе крохотный самолет или кораблик с жителями Волшебной-преволшебной страны. А если повезет и он остановится, то нужно туда обязательно сесть, и тебя отвезут в страну, где не нужно на обед есть ненавистный картофельный суп, выслушивать, что ты еще маленькая, стоять в углу и ложиться спать в девять. Конечно, Женьке никто не верил. А ведь это была чистая правда: и паровозик, и пароходик, и крохотные человечки, которые черничную ягоду режут, как арбуз, и дети, которые однажды станут взрослыми.

Вот как раз за этим мостом, как предполагала Женька, и была эта самая страна. А если и нет, то все равно наверняка располагалось что-то очень важное и интересное. Но как туда попасть? Одну ее, разумеется, не отпускали, а у взрослых тратить время на столь длинные походы желания не было. Мост был построен после войны пленными австрийцами. Он соединял два берега реки Волнушки полукруглыми бетонными арками, скрепленными наверху крест-накрест положенными перекладинами серого цвета. Ничего примечательного, мост как мост, таких в России пруд пруди, но для Женьки он был

Рис. А. Народицкой

таинственным порталом в мир чудес и тайн, он казался ей скелетом доисторического животного, и она могла часами смотреть, как, освещенный солнцем, он перегоняет с берега на берег длинные товарные составы и как вечерами сливается с такими же серыми сумерками.

- Да ничего там нет, - успокаивала ее бабушка, - такие же деревни, как наша.

Но Женька ей не верила. Откуда ей знать, если она там не была. И вечерами, сидя на мостках с удочкой в руках и глядя на медный диск солнца, зацепившийся за край бетонной балки моста, она размышляла о тайнах, спрятанных от нее до поры до времени, о Волшебной-преволшебной стране, в которую никто, кроме нее, не верил, о будущем, в котором, как в кармане пальто, лежали события ее будущей Жизни.

И однажды она за мостом побывала.

В тот год сильно заболел папин брат, дядя Толя. Дядя Толя, или Анатолий Николаевич, как уважительно звали его остальные, был ученым «с мировым именем», как гордо говорил папа. Он жил в большой квартире, оставшейся от родителей, недалеко от Женьки. Семьи у дяди Толи не было, и когда он заболел, то и ухаживать за ним стало некому, кроме Женькиных мамы и папы. А заболел он, по словам бабушки, *страшной болезнью*, Женька хорошо представляла себе этого монстра, пленившего добрейшего дядю Толю, который теперь часто лежал в больнице, стал худым, слабым и беспомощным. И тогда на семейном совете решили забрать его к себе, потому что *мама устала бегать туда-сюда*. Поэтому Женьку, несмотря на то, что она уже училась во 2 классе, отправили в деревню с бабушкой и дедом уже в начале мая, отпросив в школе. Без подружек делать было нечего, и девочка проводила дни, заполняя их приятным бездельем. Тогда она еще умела ничего не делать и могла часами лежать в гамаке, разглядывая проплывающие мимо облака, или наблюдать за шмелем, ныряющим из одной чашечки цветка в другую, или просто слушать поющих птиц, стараясь разгадать их

удивительный язык. Конечно, было немного скучновато, и время ползло медленно, как тяжелый товарный состав в гору, зато мама с папой каждые выходные приезжали к Женьке в деревню. Правда, мама все время жаловалась, что невыносимо устала и сама скоро *туда* отправится, папа укоризненно на нее смотрел, обижался и гордо обещал *все делать сам*, потом они ссорились, мирились, и так каждый раз. А бабушка только качала головой и приговаривала: «Так долго продолжаться не может». Но Женьку все эти проблемы не касались, и она продолжала вдыхать каждый день каникул, радуясь, что они неожиданно стали такими длинными.

И вдруг совершенно неожиданно отец приехал во вторник, посреди рабочей недели. Он шел с реки в сопровождении троих незнакомых мужчин. Бабуля и дед напряженно следили за этой процессией, опасаясь, что произошло худшее. «Анатолий Николаевич», - только и сказала бабушка и сокрушенно покачала головой. Но оказалось, что с дядей Толей все в порядке, более того, он пошел на поправку - не зря папа всегда верил, что наша медицина самая сильная в мире. А приехал папа потому, что по случаю купил подержанную «Казанку» и неновый мотор «Ветерок», и вот «с ребятами» привез сюда, и теперь лодочка стоит на берегу, плавно покачиваясь на волнах.

Отец был возбужден и очень доволен. Съев сытный бабулин обед, «ребята» отправились домой, а папа остался. Он сказал, что лодку необходимо зарегистрировать, и сделать это надо немедленно, причем плавающее средство обязано быть представлено пред светлые очи инспектора для технического осмотра, и завтра папа отправится в райцентр по реке.

- Ты же хотела посмотреть, что там, за мостом? – спросил он Женьку.

Женька замерла, но видимо замерла так впечатляюще, что папа только засмеялся, взял девочку за руки и сказал:

- Тогда готовься. Там, за мостом, есть острова, я видел их на карте. Я вас с дедом заброшу на один из них, а на обратном пути заберу.

Это была самая беспокойная ночь в Женькиной жизни. Девочка то и дело просыпалась, вскакивала с кровати и смотрела на часы, которые, монотонно тикая, производили само время. Они явно хулиганили, потому что вот только что в мерцании лунного света маленькая стрелка стояла у цифры 12 и вот уже показывает 3, и не успела Женька прилечь на минутку, как стрелка ускочила на 5. Так и проспать недолго! Но вот наконец сквозь ситчик занавесок забило солнце, и радиоприемник на стене что-то тихонько пробурчал. Женька тут же вскочила и бросилась умываться.

- Ты чего в такую рань? – удивилась бабушка, уминая тесто для пирогов. – Спала бы еще, время-то есть.

Потом был плотный завтрак и нервные бабушкины причитания:

- И зачем только ребенка тащите, на реке ветрено, погода-то пока не жаркая, чай, не лето.

При этом бабушка складывала в большую корзину еще горячие пирожки, две бутылки молока, картошку в мундире, зеленый лучок, отварные яйца и нарезанную кусочками колбасу.

- Вот, с голоду не помрете. На земле не сидите, я два одеяла положила, курточку Женечкину не забудьте, а ты что, старый, совсем из ума выжил? Оделся, как на парад. Телогрейку возьми.

Все бабушкино существо говорило, что она крайне против данного предприятия, но ничего не поделаешь, ведь ее никто не слушает, хотя впоследствии выяснится, что она была, как всегда, права.

На реке и правда было холодно. Ветер дул с севера, река волнилась, пенилась, раскачивая привязанную к мосткам лодку, то становилась черной и грозной, когда солнце уходило за тучи, то вдруг окрашивалась в ярко-синий цвет, отражая глубокое майское небо. В

лодку грузились долго. Бабушка все причитала, отец заливал в мотор бензин, но бензин расплескивался, потому что лодка качалась, и радужными кругами плавал вокруг мостков.

Наконец, оттолкнувшись от лодки, берег медленно поплыл прочь, и бабушкина фигура, скорбно-обиженная, стала потихонечку удаляться, зато таинственный, так безудержно манивший мир начал приближаться. Дед сидел на веслах, усиленно ими работая, а отец колдовал над мотором. Мотор долго не хотел заводиться, и папина рука под взвизгивания стартера пролетала у Женьки над головой, когда он дергал за какой-то шнурок. Но вот в механизме проснулась жизнь, сначала слегка затрепетала, неуверенно буркнув, и вдруг мотор взревел, дернул лодку, так что Женька едва не упала, и их новое плавающее средство уверенно двинулось вперед.

Сначала все было как обычно: низко склоненные над водой ивы, словно русалки, полоскали в воде зеленые ветви волос, да изумрудные поля, засеянные то ли овсом, то ли пшеницей, попеременно сменялись небольшими перелесками. Вдруг слева появился холм, поросший густыми шапками зацветающей сирени, и на самом его возвышении скромный деревянный крест.

- Здесь раньше монастырь был, - пытаюсь перекрычать шум мотора, проорал дед отцу, - а в 1540 году его поляки сожгли. Потом здесь деревня была, ее в 30-е годы к нам в Селищи перенесли, когда открывали плотину. Лет десять назад, когда мост укрепляли, вырыли яму и напали на курган. Приехали археологи, да, говорят, нашли какую-то болезнь, работы свернули и все побросали. Так потом у каждого дома на заборе черепа висели – пацаны девчат пугали. А все ценное какие-то приезжие растащили.

Отец молча кивал головой, хотя было видно, что все его сознание занимало предстоящее мероприятие.

Мост становился все ближе. Он летел навстречу, и все четче вырисовывались его контуры. Мост представлял собой нечто вроде плотины, сооруженной из громадных каменных глыб, перекрывавших полностью реку, и только в центре этой гигантской насыпи имелась небольшая арка, где едва могли разойтись две лодки. В аккурат над этой аркой располагалось сооружение, которое Женька и видела со своего берега: две бетонные дуги, перехваченные по бокам и сверху балками, а между ними рельсы – вот и все. Но выглядело это отчего-то необычайно величественно, словно таило в себе нечто особое, скрытое от простых смертных. У самой кромки воды, на камнях, с одной стороны сидели чайки, а с другой двое мальчишек, засучив штаны, ловили на спиннинг рыбу. На мгновение Женьке стало страшно завидно, что она не может вот так же, стоя босиком на камнях, закидывать удочку. Однако все ее внимание было приковано к тому, что уже виднелось сквозь арку, что ждало ее за мостом. Ее воображение раздувалось, как паруса, рисуя одну картину за другой. Неподвижная, как изваяние, Женька пристально глядела вперед, и только сердце билось все сильнее и сильнее. И вот лодка влетела в арку, миновала ее, и – о чудо! - Женька оказалась по ту сторону моста.

Здесь волнение стало больше. Река разливалась, и ветер, разогнавшись на просторе, гнал волны с белыми гребешками, и теперь лодка билась о них, как об асфальт. Жадно вглядываясь в берега, Женька ощутила легкое разочарование, поскольку не было ни замков, ни принцесс, ни Волшебной-преволшебной страны, а тянулись такие же поля и деревни, ничем не примечательные. Все как и говорила бабушка. Но вскоре перед ней предстали развалины старого моста - торчащие из воды каменные руины, а впереди, где река вливалась в Волгу, появился огромный белый теплоход. Он протяжно загудел, словно приветствуя Женьку, и неторопливо и величественно скрылся за поворотом. Женька никогда не видела таких больших кораблей, она смотрела во все глаза, затаив дыхание. Отец махнул рукой в сторону теплохода и проорал:

- Там как раз острова и лежат. Вон они. Сейчас на одном вас высажу.

И действительно, вскоре Женька увидела несколько островов, пять или шесть. Они располагались совсем недалеко друг от друга и хорошо просматривались. На одном из островов росли огромные деревья, а другой был почти лысый, только одна ива нависала над водой. На третьем острове Женька увидела кусты отцветающей черемухи. Их было так много, что со стороны казалось, будто остров покрыт белой пеной. Отец сбавил скорость и спросил:

- Ну, на каком вас посадить?

- Сюда! Сюда, сюда! - закричала Женька.

- Так это же не остров, - разочарованно проговорил отец.

Это и вправду был уже берег Волги, но какой живописный! За довольно широкой песчаной полосой шло возвышение, а дальше росли сосны, огромные корабельные сосны, которым, наверное, было уже лет по триста. У берега плавали плоские листья кувшинок и торчали из воды молодые побеги рогоза. До ближайшего острова можно было легко дойти вброд.

- Да здесь даже лучше, - согласился с Женькой дед, - будет где дров для костра нарубить.

- Ну, здесь так здесь.

Отец причалил к берегу, помог им выбраться и тут же запрыгнул обратно в лодку:

- Надо торопиться, а то не успею. Часа через четыре вернусь.

И уехал, а Женька с дедом остались.

Чуть поодаль от берега, где было не так ветрено, дед положил два бревна, укрыл их одеялами, а между ними расстелил клеенку и водрузил корзину.

- Вот сейчас разведем костерок и будем пировать. А ты пока погляди, что тут интересного есть.

Женька спрыгнула вниз и выбежала на песчаную отмель. Песок был холодным и сырым, но солнце пекло, и ветер, уже не такой страшный, раздувал фонарики рукавов на Женькином платье и теребил непослушные локоны русых волос. Они то падали на глаза, а то вдруг разлетались в разные стороны, открывая бледный после зимы лоб, и страшно мешали. Как заправский следопыт, Женька принялась исследовать берег. Ей попало несколько ракушек, высохшие водоросли, выброшенные на берег коряги и палки и даже размокший и почти потерявший форму бумажный кораблик. Его Женька разглядывала особенно внимательно, полагая, что он прибыл из Волшебной-преволшебной страны, но пришла к выводу, что его построил какой-то глупый мальчишка, поскольку кораблик был как-то криво собран, и разочарованно отбросила в сторону носком резинового сапога. Следов Волшебной-преволшебной страны обнаружено не было.

Тем временем дед нарубил дров и развел небольшой костерок, который потрескивал, трепетал на ветру, время от времени выстреливая в небо искрами. На клеенке на салфеточках уже лежали пирожки, редисочка, зеленый лучок и ароматно пахнувшие, только что с огня, колбаса и хлеб. Дед достал из корзины стаканы и бутылку молока.

- Ешь, а то, поди, голодная, - дед ласково погладил Женьку по растрепанным волосам.

Есть и правда сильно хотелось.

В небе ярко светило солнце, поливая землю первым истинно летним теплом, в лесу пели птицы, шуршали насекомые, летали бабочки, рядом плескалась вода, и Женька вдруг ощутила себя по-настоящему счастливой. А может, это и есть Волшебная-преволшебная страна? Просто они с дедом и не заметили, как сюда попали? Девочка жадно ела бабушкины пироги, заедая жареной колбаской и запивая молоком, и смеялась. Молоко текло по подбородку, дед, улыбаясь, вытирал его салфеткой. Ветер раскачивал язычки костра из стороны в сторону и разбрасывал повсюду искры, и Женьке казалось, что они оседают на молодой листве, осыпают

траву, тонкой пленкой ложатся на волны, смешиваясь с солнечными бликами, отчего все кругом сверкает и блестит, как новогодняя елка. И девочка стала маленькой частичкой этого волшебного мирка, крохотной искоркой, кружащей в воздухе, подобно бабочке, такой же, как окружающие ее деревья, цветы, птицы, волны, стрекозы, разбросанные на берегу камушки, песок – неотделимая частичка живого и подвижного организма.

И вдруг все это волшебство грубо разорвал гул приближающегося мотора. Звук шел откуда-то из-за острова, к которому легко можно было подойти вброд. Поначалу Женька подумала, что это вернулся отец, но вскоре незнакомая лодка вынырнула из-за острова, покрутилась вокруг других островов, сначала прибилась было к одному, но потом вдруг направилась прямехонько к ним. Что-то не понравилось людям, сидящим в лодке, на других островах. Людей было четверо. Это была молодежь лет восемнадцати-двадцати – две девушки и два юноши. Лодка причалила метрах в ста от Женьки с дедом.

- Ну, места-то кругом больше нет, – пробурчал дед, помешивая в костре горящие дрова.

- Места много, дедушка! – воскликнула Женька. – Всем хватит.

- Конечно, хватит, – дед ласково погладил внучку по голове, но Женька почувствовала, что дед как-то напрягся, и его непонятное беспокойство передалось ей. И мир сразу померк, искры погасли, и даже солнце трусливо заползло за темную тучку, пугливо выглядывая из-за нее.

Тем временем один из юношей прыгнул в воду, затащил лодку подальше на берег, и вся компания стала выгружаться. Одна из девушек, невысокая и полная, сплошь покрытая веснушками, разбирала вещи, расстилая пледы и клеенку и раскладывая тарелки, вилки, привезенную еду по-хозяйски привычно и уверенно. Вторая сидела рядом на обломке бревна. «Королевишна, да и только», – подумала Женька. Высокая, стройная, с длинными прямыми волосами глубокого черного цвета, она и вправду выглядела как царица. И юноши то и дело подходили к ней, что-то спрашивали, услужливо предложили плед – она отказалась, не успела она вытащить сигарету – наперебой защелкали зажигалками. Еще не понимая взрослых отношений, Женька ощутила что-то обидное и неприятное в поведении этих юношей, так подобострастно ухаживающих за темноволосой красавицей и совершенно не замечающих милую толстушку. Ей стало жаль толстушку, хотя та не обращала, казалось, на все это никакого внимания, весело хохотала, ловко нанизывая на шампуры шашлык, в то время как надменная брюнетка снисходительно оглядывала окрестности. Было видно, что обе девушки городские, а вот юноши... Один из них, невысокий, коренастый, с густой копной вьющихся пшеничных волос, производил впечатление деревенского парня, такого развеселого тракториста из старого советского фильма, второй же, напротив, худощавый, в модной обтягивающей рубашке, стройный и плечистый, на полголовы выше пшеничноголового – городской пижон, да и только. Дед таких не любил. Однако обращались они друг к другу не иначе как «брат», хотя совершенно были не похожи. И Женька подумала, что городской пижон, приехал к двоюродному брату в гости с девушками. Наверное, так и было. И чего этот деревенщина увивается вокруг городской красоты, было Женьке непонятно, ведь очевидно, что такие, как она, в трактористов не влюбляются, им героя подавай. Да и веснушчатая толстушка подходила ему значительно больше. Но парень с пшеничной шевелюрой этого, видимо, не знал.

Впрочем, очень скоро Женьке надоело наблюдать за незваными соседями, да и компания совершенно не обращала внимания на деда с Женькой, и дед, кажется, успокоился, и Женька вернулась к своим детским делам. Солнышко уже выползло из-за тучки, снова щедро поливая землю теплом, птицы в лесу опять запели, костер догорел, но угли светились, и приятный запах жареной колбаски возбуждал аппетит. Мир вернулся в прежние рамки, и Женька принялась строить на песке замок.

Тем временем соседи поджарили шашлык – его запах приятно щекотал Женьке ноздри, – открыли бутылочку водочки. Затем другую. Водка лилась легко, шашлык уходил быстро, уже новая партия нанизывалась на шампур, шла оживленная беседа, звучал смех, стаканы то и дело опустошались и тут же наполнялись снова. Потом пижон достал из лодки выдавшую виды гитару, настроил ее и запел. Долгие годы Женька пыталась вспомнить, что он тогда пел. Пел он здорово, Женьку поразил его голос, удивительно чистый, бархатный и глубокий – она таких не слышала даже с эстрады, – не имеющий ничего общего с этим надменным подвыпившим пижоном. Да и сам парень вдруг изменился, его лицо стало другим, словно бы тот пижон, что еще недавно разливал по стаканам водку, и этот одухотворенный молодой человек с гитарой в руках тоже не имели ничего общего. И если бы Женька была постарше, она бы обязательно в него влюбилась, как красив он был, как склонял голову, как перебирал струны, как пел, не глядя ни на кого. «Август, август холодный. Мокрые листья падают вслед...» – все, что осталось в памяти от его песен. Девушки тихо подпевали, второй юноша курил одну сигарету за другой, не забывая при этом наполнять стремительно опустошающиеся стаканы.

- Хорошо поет, шельма, – вздохнул дед.

А потом случилось то, чего, вероятно, и опасался дед: парень с пшеничными волосами, уставший от внимания подруг к брату, вдруг встал и неуверенной походкой направился к Женькиному костру. Дед напрягся. Женька сразу уловила его настороженность и тоже напряглась. Ей стало немножко страшно.

- Не бойся, малыш, – ласково сказал дед и взял Женьку за руку.

- Здорово, дед, – проговорил коренастый и, пьяно улыбаясь, потянулся к Женьке, – ты меня боишься, что ли, беби? – он рассмеялся и попытался потрепать Женьку по загривку, но дед поймал его руку и ловко перевел в рукопожатие. Женька ощутила на себе неприятный запах спиртного и горячее дыхание, словно на нее дохнул дракон. Она сморщилась и отвернулась.

- Бóрис, – констатировал факт парень, сделав ударение на первом слоге, не дожидаясь приглашения, уселся рядом с дедом и достал сигарету.

- Здесь ребенок, курить не надо, – вежливо попросил дед.

- Да ладно, – отмахнулся юноша, прикурил как ни в чем не бывало и пустил в Женьку колечко дыма.

Колечко было сначала ровным, но потом искривилось, будто в насмешку, на мгновение зависло над Женькой и улетучилось. Девочке стало неприятно и захотелось, чтобы дед встал и набил этому противному парню морду. Но дед только напряженно помешивал в костре угли, словно ему было все равно. Женька внутренне сжалась, опустила голову, почему-то уставившись на руки, лежащие на коленях. Мысли и чувства исчезли, но появился страх, который, казалось, прилип к кончикам пальцев и теперь потихоньку стекал и капал, так что скоро эту лужицу страха, наверное, увидят все. Женьке захотелось вскочить и бежать, бежать без оглядки далеко-далеко, к бабушке, которая, наверное, сейчас стоит на берегу и вглядывается в даль, дожидаясь их лодки. Девочка украдкой взглянула на деда. Тот как все так же спокойно сидел напротив и мешал угли. Это было очень странно. Неужели он не видит, как ей тревожно? Почему ничего не делает?

Тем временем незванный гость взял кусок жареной колбасы, положил на хлеб и смачно куснул. Затем в Женькин стакан плеснул молока и залпом выпил. Бесцеремонное и наглое поведение гостя пугало девочку, к тому же она ощущала его недовольство и раздражение и никак не могла понять, в чем они с дедом провинились, что сделали не так? Но еще более непонятным было бездействие деда: почему дед не прогонит наглеца, более того – делает вид, что ничего не происходит. И тут вдруг ее осенило – да он же трусит! Ее дед, которому она

доверяла сокровенные тайны, которого считала самым сильным и ловким, который обещал защитить даже от самой *жизни*, струсил! От этого открытия у Женьки перехватило дыхание, она внутренне, как ежик, свернулась, выпустила колючки, исподлобья посмотрела на деда и вдруг возненавидела его, в одно мгновение ставшего чужим и далеким, возненавидела отчаянно, всей душой, как умеют любить и ненавидеть только дети. Позднее она поняла, что, конечно же, дед не струсил и очень за нее боялся и даже не пожалел бы жизни ради ее спасения, но в тот момент лучшей стратегией было сдерживание конфликта – не связываться с пьяными, что он и делал. Но тогда Женька ощущала страшное одиночество и абсолютную незащищенность. Впервые в жизни они стали с дедом чужими. Пожалуй, это было первое и самое страшное разочарование в жизни, той самой *жизни*, о которой не успевала твердить бабуля.

- А водка есть? – спросил парень у деда.

- Водки нет, - ответил дед.

- Ща будет. Мигом метнусь.

Метнуться мигом не удалось, поскольку от резкого подъема его зашатало и он едва не упал. Увидев это, заботливая толстушка подбежала и помогла товарищу встать, при этом извинившись перед дедом. Дед только кивнул головой, мол, ничего. Однако не прошло и десяти минут, как Боря снова нарисовался, держа в руках початую бутылку водки. Прежде чем сесть, он сделал несколько глотков прямо из горлышка, сморщился, крякнул и плюхнулся рядом с дедом.

- Давай стаканы, дед, - произнес он деловито.

- Я не пью, - все так же спокойно ответил дед, - а ты давай закусывай, не стесняйся, вон колбаска, огурчик.

«И зачем он этого гада кормит?» - с отвращением думала Женька, наблюдая как на глазах исчезает колбаска, отправляясь кусок за куском в наглый Борин рот. Но тут Боря хитро прищурился, будто сделал великое открытие, погрозил пальцем и, пьяно улыбаясь, проговорил:

- Э, не-е-е, дед, я один не пью. Что я, алкаш, што ли, какой-то. Бери стакан и пей.

- Нет, – дед покачал головой, затем постучал по сердцу, - моторчик брахлит.

Паренек многозначительно поднял брови, мол, понимаю, понимаю.

- Тогда пусть она выпьет!

И он резко поднес стакан Женьке, так что водка расплескалась и пролилась Женьке на платье. Девочка отшатнулась. Рвотные позывы подступили к горлу, она едва сдержалась.

- Ребенка не трожь, - резко и жестко сказал дед.

- Я что, педифил, что ли? - важно проговорил Боря, гордясь знанием такого слова.

Что такое «педифил», Женька не знала, но похожее слово слышала, только звучало оно как-то по-другому.

- У-у-у-у-у, - вдруг зарычал парень и попытался сделать девочке козу.

Женька вздрогнула. В любое другое время непременно заревела бы, но сейчас, когда она ощущала себя одинокой и брошенной, сдержалась и не заплакала, только краешки губ предательски задергались. Слава богу, им на помощь пришел второй юноша:

- Брат, пошли отсюда. Вы извините, - обратился он к деду, - он, когда выпьет, дикий делается, а так он добрый у нас.

- У-у-у-у-у, - опять проорал коренастый и постучал себя по груди, как обезьяна в зоопарке.

Когда он ушел, Женьке спокойнее не стало.

- Испугалась, малыш? – заботливо спросил дед, но Женька промолчала, взяла палку и стала быстро мешать в костре угли. Они почти догорели, уже едва дымились, от этих помешиваний в воздухе повисла серая неприятная пыль.

- Ты что, малыш? – снова спросил дед.

- Ничего, - ответила Женька.

Ей было больно, обидно и страшно.

Тем временем пир у соседей продолжился. Какое-то время Боря не появлялся и даже не смотрел в их сторону. Девушки смеялись, юноши наперебой что-то рассказывали, Женьке в уши то и дело врезались слова, про которые бабушка говорила, что так только пьяные мужики говорят. Теперь Женька убедилась в этом лично. Дед время от времени смотрел на часы, стараясь это делать так, чтобы Женька не видела, а время тревожно висело в воздухе, не желая двигаться, как влага после дождя. И тут пижон снова взял гитару и запел. Пел он уже не так хорошо, как раньше, но в этот раз что-то веселое, и толстушка тут же подхватила, а надменная брюнетка затянулась сигареткой, пуская дым в лицо пижону. Боре это явно не понравилось, он заскучал, сначала отошел куда-то в лес, а потом, вместо того чтобы вернуться к своему костру, направился к Женьке. Видимо, эта гитара не давала ему покоя, потому что все внимание девушек, а особенно темноволосой красавицы было обращено к брату. На этот раз пьяное Борино лицо не выражало агрессии, напротив, он был грустен и миролюбив.

- Привет, беби, - кивнул он Женьке и тут же обратился к деду: - Вот так, - и развел руками.

- Я для нее на Гвадемалу залезу, если потребуется, а она на этого певуна смотрит. И чего я ей не нравлюсь? Не знаешь, дед?

- Куда залезешь? – переспросил дед.

- А, - панень махнул рукой, - на Гвадемалу, гора такая есть, самая высокая в мире.

Дед рассмеялся:

- Может, Килиманджару, или Эверест? - поправил он нерадивого географа.

- Один черт, что Кала... мажа.., а Гвадемала, она и есть Гвадемала. Так вот, я для нее все, а она на этого смотрит, - он махнул рукой в сторону брата, - все глазки ему строит, - и паренек соорудил смешную гримасу, показывая, как девушка строит брату глазки.

Женька невольно засмеялась.

- Тебе смешно, беби. А мне грустно, - он многозначительно покачал головой.

- А мне больше нравится в веснушках, - вдруг неожиданно для деда заявила Женька.

- Ленка что ли? – удивился парень. – Ха! Ну ты даешь, беби. Да она ж толстая. И дура. А Наташка, она во-о-о какая.

- Какая во-о-о? – не поняла Женька.

- Классная она, – парень вздохнул. - И все на этого смотрит, - он кивнул в сторону костра.

Лицо его обладало выразительной мимикой и то и дело менялось, даже когда он молчал, видимо, внутри него шел какой-то диалог то ли с собой, то ли с братом.

- Вот он, певун этот, - парень зачем-то развел руки. Что это означало ни дед, ни Женька не поняли. - Он все поет и поет, поет и поет, поет и поет... А я Волгу могу переплыть. А он нет.

- Кто тебе сказал, что нет? – Брат стоял за его спиной. Он тоже был порядком пьян, и возможность рассуждать трезво, вероятно, уже покинула обоих.

- А спорим, не переплывешь, - на удивление бодро вскочил Боря.

- А спорим!

Они скрестили руки.

- Дед, разбей.

- Да вы сдурели! – воскликнул дед. – Вода в Волге - лед.

- Разбей, дед, - упрямо проговорил пижон. Оба рыцаря покачивались, держась за руки. Но было видно, что слова Бори задела пижона за живое.

Обе девушки тоже подошли и теперь стояли рядом.

- А что, посмотрим, кто из вас горазд, - лукаво произнесла красавица и разбила руки.

- Да ты что, они ж потонут, - всполошилась толстушка.

- Да ладно! Ничего не потонут, это ж не море. А то и струсят, не поплывут.

Она прекрасно понимала, что вся эта борьба идет исключительно за ее внимание, и была явно этим довольна. Прекрасная дама на турнире, где смелые рыцари сражаются за ее сердце. И только толстушка была действительно напугана. В отличие от своих товарищей, она не была пьяна и способность мыслить не потеряла.

- Да останови же ты их! – крикнула она. И голос ее стал твердым и холодным, а в лице появилось нечто жесткое.

Но, видимо, колесо судьбы уже сдвинулось и плавно поползло, все более ускоряя вращение. Оба горе-рыцаря уже стянули одежду и подошли к воде. И тут пижон остановился. Вода и вправду была ледяной. Парень как-то съежился, нерешительно потрогал ногой воду и оглянулся. В его взгляде было сомнение. Фигура пижона уже не выражала той решимости, с которой еще несколько минут назад он готов был прыгать в воду, вероятно, он был бы рад отменить заплыв и оглянуться, ища поддержки в лице красавицы. Но она только надменно улыбалась. «Ну что, струсил?» - читалось в ее глазах.

- Костя, не делай этого! – крикнула толстушка и бросилась к парню.

Но это, видимо, только подтолкнуло его, и он нерешительно, но шагнул в воду.

- Ребята, там фарватер, не валяйте дурака, - закричал дед, но с места не двинулся.

Позднее, возвращаясь в памяти к этому дню, Женька не раз пыталась понять, почему ребят так никто и не остановил, а ведь надо было. Почему не бросились к ним, не схватили за руки? И почему дед неподвижно стоял вместо того, чтобы что-то делать? Одна толстушка суежилась, да и ту черноволосая красавица схватила за руку. И каждый раз одна и та же мысль неизменно появлялась в сознании: дед не остановил их сознательно, он хотел, чтобы опасность ушла под воду. Чтобы защитить ее, Женьку. Навсегда остался у Женьки в памяти последний взгляд пижона перед тем, как тот шагнул в реку, тревожный и отчаянный. В нем читалась мольба о помощи, осознание, что он делает нечто неправильное и опасное, но остановиться уже не представлялось возможным. Тем временем Боря уже находился по пояс в воде. Холодная вода была ему нипочем, а Волга – по колено, и он уверенно шагнул, раздвигая воду руками, все глубже и глубже погружаясь в реку. И Костя последовал за ним.

И вот они поплыли. Две головы, одна кудрявая русоволосая, другая темноволосая, торчали над водой, удаляясь все дальше от берега. И чем меньше становились головы, тем тревожнее делалось настроение оставшихся на берегу. И даже темноволосая красавица больше не улыбалась, а как-то растерянно стояла и смотрела вдаль. Река разливалась в этом месте не менее чем на километр, и переплыть ее было непросто даже хорошему пловцу, а двум пьяным парням в ледяной воде оставаться было просто опасно. Глубина достигала восьми метров, так что оставалось рассчитывать только на молодость и силу. Теперь это понимали все. Дед тревожно всматривался вдаль, а толстушка закрыла лицо ладонями, лишь время от времени поглядывая на воду. При этом она что-то шептала. «Молится», - вдруг поняла Женька. Ребята были уже так далеко, что невозможно было понять, кто где. И тут все с облегчением увидели, что навстречу им вылетела откуда-то рыбацкая лодка. Она явно направлялась к парням, чтобы предотвратить их бессмысленное и опасное проникновение в фарватер.

- Слава богу, - облегченно вздохнул дед, и впервые за все это время лицо его просветлело, - сейчас их вернут назад. И хорошо, если оштрафуют.

И тут стало происходить что-то непонятное. Одна голова вдруг исчезла под водой. За ней вторая, но вскоре появилась на поверхности. Затем исчезла опять. Лодка, в которой сидело двое мужчин, уже подъехала, и один из них протянул руку, помогая выбраться из воды тому,

чья голова торчала над водой. Но голова не хотела и снова ушла под воду. А второй рыбак вдруг скинул куртку и тоже нырнул. Через какое-то время все трое появились над водой, но что-то было не так. Сначала выбрался один, затем другой, а потом уже втроем с другим рыбаком они вытащили из воды последнего пловца. Тело его было каким-то странным и вялым и никак не хотело погружаться в лодку.

Женька, дед, Лена и красавица, затаив дыхание, следили за происходящим. А лодка уже двигалась к берегу, гонимая мощным мотором. Трое в лодке сидели, а четвертого не было видно. Никто не проронил ни слова, но всем уже было понятно, что стряслось что-то нехорошее.

И вот лодка причалила. Костя в чужой куртке трясся от холода и шока, а рыбаки выгружали из лодки Борю. Руки у Бори болтались, а голова свесилась назад и тоже покачивалась. Он был явно тяжел, и мужики никак не могли справиться, тело несчастного то и дело билось о борт лодки. Тогда Лена и дед подбежали, и Борю наконец-то выгрузили на берег. Его положили на холодный песок. Женька с удивлением смотрела на Борю, который еще недавно был ей так ненавистен, а теперь, тихий и жалкий, лежал на берегу, совсем мальчишка, глядя в небо широко открытыми глазами. Девочка подошла к нему, присела на корточки и коснулась руки.

- Боря, вставай, - тихо попросила она. И только сейчас заметила, что взгляд его был как у старой фарфоровой куклы у них в шкафу в Москве – пустой и стеклянный.

И тут красавица заломила руки и упала на колени.

- Заберите, заберите меня отсюда, - визжала она, и слезы градом катились из глаз.

- Замолчи, дура, - крикнула Лена и со всей силы ударила ее по щеке, - сиди и молчи.

Голос ее был на удивление спокойный, но при этом какой-то мрачный.

- Что там произошло? – спросила она рыбаков.

- Да кто его знает, - ответил один из них, - вероятно, у парня сердце не выдержало. Пьяный дурак в воду полез. Вода-то ледяная, не так давно лед сошел. Второй-то его выловил, - он кивнул головой в сторону Кости, - да что тут сделаешь. Все пытался дыхание делать, а... – он махнул рукой. – Дурак, одним словом. Кто в такое время в Волгу лезет. Да здесь и летом никто не плавает. Жаль, поздно их заметили.

Он тяжело вздохнул, достал сигарету и закурил.

- И что теперь делать? – не унималась Лена.

- А чего делать? Ничего. Сейчас покурю да поедем, милицию привезем. Ему-то уже ничем не поможешь.

Лена говорила очень спокойно, но Женька заметила, что пальцы ее рук стали совсем белыми, и она то и дело сжимала их и разжимала.

И вдруг Костя словно очнулся. Он схватился за голову и упал на колени:

- Что я матери скажу?! Все из-за тебя, дура! – он с отчаянием и ненавистью посмотрел на красавицу, которая уже вовсе не была красавицей. Личико ее сморщилось, скривилось и было похоже на измятую тряпку. Губы дергались, а из глаз лились слезы.

Лена подошла к Косте, обняла его и стала по-матерински гладить по голове:

- Успокойся, Костик. Сейчас самое главное взять себя в руки.

Костик припал к ее плечу и беззвучно зарыдал. Женька поняла это по его вздрагивающим плечам. Дед взял девочку за руку.

- Не смотри туда, не надо.

- Почему? – Женька подняла на деда глаза. Но звуки окружающего мира вдруг стерлись, словно уши залепило воском. Девочка больше не слышала рыданий красавицы, рева отъезжающей лодки, успокаивающего шепота Лены и вскриков Кости. Это была ее первая в

жизни встреча со смертью. Ей не было страшно, как думал дед, ей было любопытно. Последнее время в доме много говорили о смерти, ее боялись и не хотели, и Женьке тоже было немного страшно, хотя она и не знала, чего бояться. И вот теперь смерть была здесь, рядом с ней. Наконец-то Женька ее увидела. Девочка почему-то никак не могла отвести взгляд от окаменевшего Бори, от его устремленных в небо синих глаз, в которых плавали облака, вспыхивало солнце, отражались сосны, бабочки, птицы, но больше не существовало чего-то, что впитывало в себя весь этот живой мир, - он просто плавал на поверхности, как отражение на лобовом стекле автомобиля. Она не была страшной, эта смерть, но что-то стояло за ней, чего очень не хотелось знать Женьке, какая-то неприятная тайна, постичь которую девочке предстояло еще не раз. И Боря стал теперь совсем другим – спокойным и даже торжественным. Совсем не такой противный, как раньше. «Это смерть скрасила его», - думала девочка. Боря был неподвижен, и только русые кудри, высушенные ветром, шевелились на голове, словно не могли смириться с этой нелепой смертью и хотели убежать от нерадивого хозяина.

Потом были милиция и папа. Папа обнимал и жалел Женьку, а она все смотрела и смотрела на Боря. Потом милиция что-то спрашивала у деда и что-то записывала, а Боря все лежал, и теперь уже Женька ощущала какую-то странную связь с ним, будто она одна понимала его и даже могла что-то сказать. А потом тело накрыли пледом, предварительно закрыв зачем-то глаза, и тут Женька ясно поняла, что Боря погрузился во тьму, из которой ему не выбраться никогда. Теперь она видела только силуэт, спрятанный под пледом, и торчащие ноги, потому что плед был коротким и доходил лишь до колен.

Папа, дед и Женька погрузились в лодку и отчалили. Мотор завелся сразу, будто хотел быстрее оттуда убраться. Волны стали тише, но все так же бились о борта, разваливаясь на мелкие прозрачные шарики. А навстречу снова летел мост, открывая ворота в прежний мир. Женька сидела молча, уткнувшись деду в плечо. Она больше на него не злилась. Она устала, и ей очень хотелось спать. В душе было пусто и немножко тревожно, но не страшно. Перед глазами все стоял Боря и его синие глаза, смотрящие в небо, словно ждущие оттуда чего-то. Или кого-то?

Зато теперь Женька точно знала, что там, за мостом.

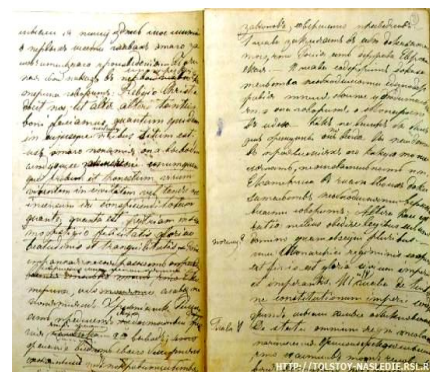
А там, за мостом была **ЖИЗНЬ**.

Евгения Кокорева. Проект «Время», холст, масло, 2012

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Евгений Гендельман
(Москва)

СНОВИДЕНИЯ НИКО ПИРОСМАНИ

*«Москва склонилась перед новым именем, открывшим
дотоле ей неведомую художественную культуру...»*

Неизбывная печаль охватила Нико. Он читал стихи своего любимого Важи Пшавелы, лежа на убогой тахте в каморке под ведущей на второй этаж лестницей. Испуганной бабочкой металось по стенам пламя свечи.

- «Почему я создан человеком?» - вслед за поэтом повторил он. – Почему...

Глаза нечаянно наполнились слезами. Нико прерывисто вздохнул. Но минут через пять, успокоившись, вновь открыл потрепанную книжку.

Нико Пиросмани, 1916 г.

*Почему я создан человеком?
Почему, исполненный красоты,
В сонме туч, в высоком мире неком,
Не рожден я капелькой росы?
Отчего никто меня не мечет
Ни дождем, ни выюгою с высот?
Чем иным владыка мой излечит
Грудь мою от горя и забот?
Взял бы он меня к себе обратно
И не разлучался бы со мной,
Чтоб не жить мне в мире безотраднo,
Не бороться с горькою судьбой.
И, любясь солнцем и сверкая,
Плыл бы я в безбрежные края, -
Сверху небо, снизу грудь земная,
Оба вместе – родина моя...*

Нико Пиросмани дочитал до конца поразившие его строки и задумался.

Сквозь щели хлипкой двери в каморку пробирался осенний холод. Пахло палыми листьями и едкой сыростью. Но боль в сердце прошла. Жизнь уже не казалась безнадёжной. Он посмотрел на стоявшую возле стены картину. Групповой портрет друзей хозяина, духанщика Бего Яксиева, безусловно, ему удался. Хотел еще вчера отдать радушному Бего, да что-то сдержало – то ли пейзаж за спинами веселой компании показался несколько темным, то ли

радость изображенного кутежа неполной... А может быть, сейчас мало света? И все не так грустно?

Компания Бего, клеенка, масло

Нико пододвинул к себе деревянный чемоданчик, с которым не расставался последние годы, достал из него кисть и тряпку и, всматриваясь в картину, стал очищать кисть от еще не засохших красок. Взгляд его скользнул по написанным, знакомым ему дружеским лицам, склонившимся над столом деревьям, на мгновение задержался на летящих в синем небе птицах. В картине было много воздуха и тепла. Не то, что в этом его печальном убежище...

В какой-то миг художнику стало весело: при взгляде на компанию он уже не чувствовал себя одиноким. И впервые за утро улыбнувшись, макнул кисть в краску и рядом с летящими птицами радостно написал: «Да здравствует компания Бего. Бог да умножит всем добрую жизнь».

Он сам выбрал такую судьбу. Что ж пенять на равнодушие окружающих. Всем на земле несладко – и богатым, и бедным. Слава Богу, он освящен благим даром – показывать людям красоту родной Грузии. Его хорошо знают в Тифлисе, любят, за этот его дар дают еду и доброе вино. А что еще человеку надо? Он может гордиться своим именем - Нико Пиросманашвили.

Как сказал однажды Бего: «Ангел был в его кисти».

Ангел... Иногда Нико чувствовал его дыхание рядом, словно дуновение нежного ветерка ласкало его уставшее лицо, заставляло забыть о пыльной дороге. Он шел в очередной духан не в поисках еды или горького вина. Он шел, озаренный страстью нового открытия. Написанный им, до мельчайших деталей знакомый мир внезапно становился окном в блаженный рай, имя которому было – Грузия. Это льстило сидевшим в зале посетителям: благодаря Пиросмани они при жизни чувствовали себя в раю. И кутежи на клеенках Нико словно расширяли дружескую атмосферу теплых застолий, давали тему для разговоров, развязывали языки, умирляли гордый дух. А у него будили живые воспоминания о детстве.

Наверное, то было самое счастливое время. Впрочем, благодаря живописи и сама жизнь, как бы – светом или тенью – ни встречала его и что бы ни говорили окружающие, была счастьем. Ибо смысла в ней не было, и требовалось просто жить и радоваться каждой минуте, и друзьям, и миру... Как маленький мальчик обычно радуется разбудившему его лучу солнца. Хотите назвать это смыслом – пожалуйста. Нико не возражал.

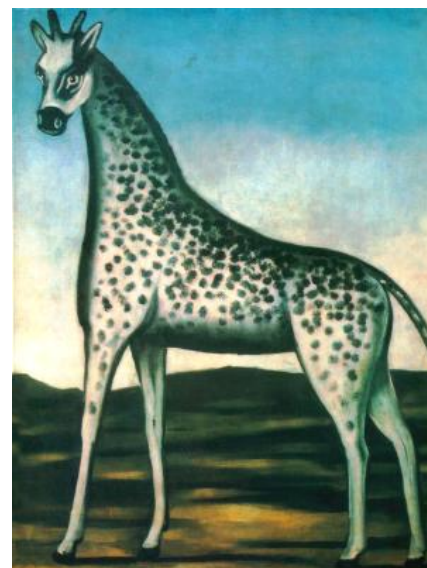
Он попал в Тифлис на переломе лет – когда ему исполнилось лишь двенадцать. Уже не было Георгия – старшего брата, осенью 1870-го умер отец, а вскоре и мать. Там, позади, в родном Мирзаани, остались горькие дни. И, казалось, должно было остаться детство. Но детство Пиросмани унес с собой. Распахнутыми глазами смотрел он на сияющий вокруг мир.

Нико Пиросмани в юности

Вот этот детский восторг, это нескончаемое удивление миру и солнцу, эту вопрошающую печаль он стал дарить всем, с кем сталкивали его будни.

В каморке Бего однажды Пиросмани написал трогательное существо – серебристо-белого жирафа. Но это был он сам – тот настороженный от неожиданной встречи с прекрасным городом двенадцатилетний мальчик, наивный и искренний. Вдова Ахверди Калантарова, в чьем имении «Иверия» когда-то ухаживал за виноградниками отец Нико, приютила его в своем тифлисском доме, жизнью барчонка продлив Нико свет детства. Калантаровы познакомили юного Пиросмани с театром, по воскресеньям водили его в Сионский собор, научили читать и писать по-грузински и по-русски... Тифлис, словно пестрый цветок, раскрывал перед беззаботным Нико свои дома-лепестки. «Он малиною кровель червивел // И, как древнее войско, пестрел», - писал о старом Тифлисе Борис Пастернак.

Жираф, ок. 1905, клеенка, масло

На ферме, клеенка, масло

Тепличная атмосфера дома Калантаровых развила у Пиросмани мечтательность и... незащищенность. Нико словно плыл по безмерному пространству, согретый любовью и привязанностью окружающих. Он с восторгом впитывал воздух города, часами бродя по его извилистым улочкам или глядя в мутные воды Куры. Где-то в глубине его души накапливались трогательные впечатления, оживали картины встреч, животные вдруг превращались в людей, грустным взглядом следя за действиями

Нико, поощряя или сожалея о свершенном им. В бесконечности бытия ему было на редкость легко и безмятежно. Весну сменяло лето, а потом оно радостно переходило в осенние заботы, в суете капризных буден наступала зима... Год за годом, год за годом... Дитя Пиросмани как-то незаметно, не повзрослев, вырос. Нико чувствовал, что должен (ах, какое это нелепое слово – «должен»!) что-то, как все, делать, устраивать свою жизнь, быть «кем-то». Не знаю, казалась ли сама эта мысль ему оскорбительной... Он взращивал в себе невиданный доселе талант, еще не сознавая собственного предназначения.

Наверное, Нико Пиросманашвили мучило это несоответствие его возраста возрасту души, он порой терялся от собственной непохожести на окружающих, справедливо полагая, что иной раз становится им в тягость. В доме Калантаровых, в «доме женщин и чистых детей», он стал рисовать, да так неистово и ярко, что привел всех в неопишуемый восторг. Вскоре стены дома сплошь были увешаны его творениями.

По совету хозяйки, преодолевая робость, Нико показал свои рисунки молодому художнику, только что окончившему в Санкт-Петербурге Академию художеств. Оценка была

выше всех похвал - молодой профессионал без устали твердил Пиросмани: «Ах, какой дар! Как оригинально! Непременно надо учиться...»

Увы, он не знал Нико. Неясная маета, как весеннее ожидание первого дождя, о чем-то еще непознанном нашептывала Пиросмани. Набравшись смелости, он решил попробовать «быть как все» - устроился в типографию Миллера. Вы можете себе представить самолюбивого неприкаянного молодого человека, мечтательного, «не от мира сего», как, вздыхая, говорили окружающие, подчиняющимся дисциплине рабочим?

Нико часто с болью вспоминал то время. В его жизни оно стало переломным рубежом, определившим начало великого пути любви и печали.

Полтора года Нико проработал в типографии Миллера. Всего полтора года, превратившиеся для него в вечность, томительную и бесполезную. Нико не знал, что ему делать, как вписаться в этот многоликий, не приспособленный для процветания Пиросмани мир. Дом Калантаровых казался для него по-прежнему единственным приютом. Бросив типографию, он ринулся туда. Точнее, к младшей сестре Калантаровых — Элисабед Ханкаламовой, которая жила со своим десятилетним сыном в отдельной квартире.

И так случилось - влюбился.

Что ж, молод, горяч, романтичен. Да и Элисабед, судя по сохранившимся снимкам, умна и красива. Но разве он был ей ровней? В письме, которое с горячностью влюбленного человека он написал молодой хозяйке, Нико открывал свои чувства, сознавая это неравенство. И надеялся на понимание, на благородство, да просто на сочувствие. Все оказалось напрасно. О письме узнали в доме все. Любовь «чудака» обсуждалась несколько дней. Впервые Пиросмани с горечью познал стыд, боль и разочарование. Страдание, никогда до той поры не испытанное им в такой степени, ожгло одинокое сердце.

Ортачалская красавица с веером, клеенка, масло

Ортачалская красавица. Диптих, 1905, клеенка, масло

Винил ли он себя за необдуманный поступок? Ясно одно — женщины, какими бы они ни встречались на его пути, навсегда остались для Пиросмани чисты и возвышенны. Через много лет, создав своих «Красавиц Ортачала», Нико объяснял: «Когда я пишу погибших ортачалских красавиц, я их помещаю на черном фоне жизни, но и у них есть любовь к жизни — это цветы, помещенные вокруг их фигур, и птички у плеча. Я пишу их в белых простынях, я их жалею, белым цветом я прощаю их грех».

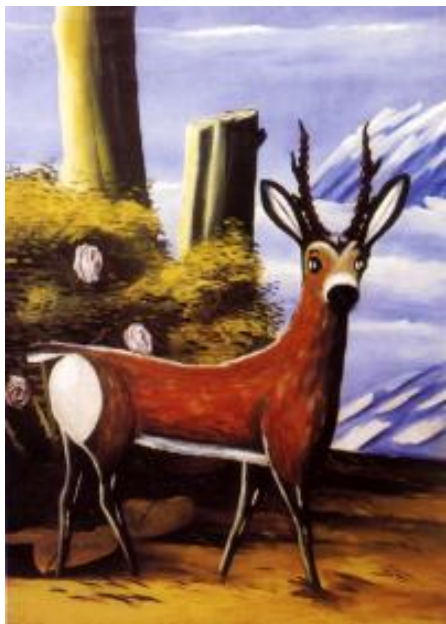
С горьким сожалением ушел он из дома Элисабед.

Но осмелюсь заметить: без этой первой его любви не было бы известного всему миру художника Нико Пиросманавили.

Он стал пристальнее вглядываться в самого себя, прислушиваться к голосу своего трепетного таланта. Все мелкие или большие дела он начинал, соизмеряя потребности материального благополучия с томлениями собственной души. Первая же попытка открыть в 26-летнем возрасте свою живописную мастерскую по изготовлению вывесок окончилась неудачей.

Работа на железной дороге кондуктором, требовавшая высокой дисциплины и незаурядного здоровья, осточертела уже в первые месяцы. Ему хотелось ее покинуть, железнодорожному начальству – его уволить.

И болезни Нико лишь оттягивали прощание.

Олень и пейзаж, клеенка, масло

На рубеже 1893–1894 годов он ушел с железной дороги. Занялся торговлей: масло, сыр, молоко... Начал для себя с главного – на стене по обе стороны входных дверей лавки прибил две специально написанные им картины – «портреты» белой и черной коров. И, услышав похвалу партнера Димитры Алуغيшвили, с искренней радостью стал раздавать продукты зашедшим в лавку беднякам... бесплатно.

Нет, не то, что он не старался, не понимал, что подводит напарника, что обрекает и себя на полуголодное существование. «Ему было противно торговать», – заметил позднее Алугишвили. И вспоминал, как Нико Пиросмани в какой-нибудь знойный день «вдруг бросал прилавок, как бы хорошо ни шла торговля, останавливал мальчишек, везущих на ишаках свежескошенную траву, и покупал эту траву – много, с двух ишаков.

Он относил ее в заднюю комнату при лавке, рассыпал по полу, ложился на нее, шевелил ее руками, погружал в нее лицо и повторял: “Так хорошо, что можно не ехать в деревню!”».

Как-то нелепо, странно, непонятно для себя и окружающих Пиросмани «выдавливал» из собственной жизни любое занятие, которое иному человеку могло принести благополучие и процветание. Одна лишь потребность захватила все его существо – живопись. Картины стали его собеседниками, краски – выразителями души, а черные клеенки – спасительной вселенной. Вся боль, невысказанная страсть, нерастраченная любовь, все одиночество и сердечная печаль, терзавшие его, – все рождало свет и требовало свободы.

По ночам, в беспокойном забытии, вдруг возникали увиденные еще в годы работы на железной дороге картины родной Грузии. Вот женщина в синей кофте, коричневой юбке и белом фартуке доит корову. Та взволнованно смотрит за пределы обступивших гор. Слышно, как бьются по ведру струи молока, как перешептывается в листве ветер, как звенит, удаляясь в бесконечность, синее небо. Редкая звучность и насыщенность красок.

Нечаянная дымка сновидения размывала пригрезившуюся сценку. Все таяло, становилось зыбкой причудой. Лишь вопрошающий о чем-то человеческий взгляд коровы надолго оставался в воздухе, будоража воспоминанием сон Нико.

Потом откуда-то возникали громыхающая арба, идущий следом крестьянин, мост через быструю реку. Но исчезали и они, уступая место собиравшим виноград женщине с сыном...

Женщина доит корову. 1916, клеенка, масло

У Пиросмани, по уверению знавших его, был удивительно острый взгляд. Нико видел в обыденном красоту, и многозначный, вечно меняющийся мир для него был прост и ясен. Вспоминая когда-то увиденное, он творил новую реальность: то писал белую медведицу в зарослях кукурузы, то из-под кисти появлялся черный лев или серебристо-белый жираф... «Люблю рисовать животных, - сознался однажды Нико. – Это друзья моего сердца.»

Люди не понимали Нико. Удивлялись: дела в молочной лавке идут успешно; Димитра Алуغيшвили – рачительный хозяин, другого партнера и не надо; покупатели довольны; вот и лавку с Верийского спуска перенесли на выгодное место – на Солдатский базар. Почему от торговли нос воротит? Что ему еще надо?

Хотя какой из Нико торговец?.. Разве он умеет ловчить? Жалостлив очень, любой покупатель может упросить его и цену с товара сбросить, а то и бесплатно отдать. И деньги не умеет ценить. Слишком расточителен. Все помнят, как в 1898 году приехал Нико в Мирзаани к сестре Пепуце. Подарки привез, да немалые: сестре швейную машинку, зятю – рубаху дорогую. Походил, полюбовался родными местами и вдруг решил дом построить. Родные обрадовались: остепенился Нико, видать, надумал жениться.

Он привез кровельное железо, заказал мастерам окна, двери, перила, вокруг нового дома посадил деревья. И... подарил его сестре. Да в придачу четыре свои картины. И слаще, блаженней минуты у него не было.

Вспыхнул кометой – и вернулся в Тифлис.

И долго потом, заходя к Пепуце, разглядывая знакомые лица на развешанных по стенам работах Нико – «Гости за столом», «Возвращение домой», «Сона Горашвили играет на гармонии», «Гости слушают тамаду», односельчане горестно качали головой: «Нико нужно жениться. Подберем ему невесту – образумится». Мысль эта – женить Пиросмани – со временем у них лишь окрепла.

Димитра Алугишвили вспоминал, как, поддавшись уговорам родни, Нико Пиросманашвили решил-таки жениться. Из Мирзаани в Тифлис приехал его зять: «Есть у нас девушка на примете. Ты ее в постели не потеряешь – такая девушка».

Пиросмани купил черкеску и кинжал и уехал в деревню. Заодно решил продать там муку, которую, уговорив Алугишвили, приобрел в городе. Что уж там, в деревне, произошло – никто не знает. Но ни невесты, ни денег с проданной муки Нико в Тифлис не привез.

И все у него с тех пор пошло прахом. И до этого не в меру обидчивый, Нико стал раздражительным, замкнулся, все более уходя в творчество. Жажда любви затаилась, уснула до поры в сердце Пиросмани, находя выход лишь в солнечных грезах его картин.

До поры...

Женщина с сыном. Клеенка, масло

Храмовый праздник в Болниси, клеенка, масло

Кутеж, клеенка, масло

Поезд в Кахетии, клеенка, масло

В одном из самых светлых его произведений «Праздник на реке Цхенисцкали» написанные Нико лошади, олени, овцы, собаки празднуют вместе с людьми. По центру картины летят птицы. И сразу в воздухе возникает звенящая мелодия.

Праздник на реке Цхенисцкали, клеенка, масло

Она ширится, становится громче, заполняя все пространство. В мареве вдруг появляются фигуры людей, словно выплывают из прошлого тени предков. Они особенно велики, даже огромны... в пульсирующем свете, идущем из глубины клеенки. И лишь рыбак, вытягивающий сеть на правой стороне картины, сдерживает огонь праздника. Праздника на другой планете.

Года два назад, путешествуя по Италии, у стен городка Лучиньяно в маленьком винном магазинчике я увидел прекрасные работы местного «наивного» художника Марино Серакопи: те же праздники сборщиков винограда, «портреты» собак, индюков, лошадей, такой же

В картинах Пиросмани появились горечь и тоска о Несбывшемся. Он, и так неговорливый, стал более молчалив, осунулся, окунувшись с головой в любимое занятие. Торговлю забросил, выпросив сначала у компаньона ежедневную «рублевую» поддержку, а затем и вовсе отказался от нее, отдав лавку Димитре. Картины Пиросмани, появлявшиеся из-под его кисти, приобрели более сдержанный колорит, ясную простоту и искренность. Крестьянский быт, дружеские кутежи заняли в них основное место.

Нико Пиросмани было уже за сорок.

Он перестал считать время. Дни его растянулись в недели, годы стали едва ли не одним днем. Нико писал вывески к духанам, подновлял номера домов, если получал случайные заказы, украшал картинами стены пивных. За тарелку харчо и стакан вина.

Но, как это ни странно, живопись Пиросмани сохранила солнечность и трепетную воздушность. Животные, которых он любил, стали похожи на людей. Порой страшно было смотреть в их печальные, вопрошающие глаза.

нелегкий крестьянский быт, такая же страсть и чистота. И такая же судьба художника – все эти развешанные на стенах, прибитые к винным бочкам картины он писал за еду и стакан вина. Непростая судьба истинного таланта. Добро и зло, труд и веселье – все рядом, все освящено любовью и гармонией. Художник превращается в мудреца и философа.

И оттого ему, наблюдающему жизнь, становится неизмеримо грустно.

*Медведь в лунном свете,
ок. 1914, клеенка, масло*

*Девочка с шариком,
Клеенка, масло*

*Женщина с детьми, идущая за
водой, клеенка, масло*

Художник Давид Какабадзе рассказывал современнику и первому исследователю творчества Пиросманашвили – Кириллу Зданевичу: «Ни у кого из художников я не знал подобного ощущения Грузии, как у Нико... Когда я люблю картины Пиросмани, я чувствую, как могучие силы и соки земли, заключенные в клеенки Нико, обновляют меня».

Да и сам Нико словно подпитывался от своих работ, точнее, от возрожденного им на холсте или клеенке родного воздуха. Все, что видели его глаза, что сохранило сердце, что, ликуя, выписывали руки, пленяло и зрителей. Нико представлял им красивых, гордых, трудолюбивых и светлых своих земляков: рыбаков, сборщиков винограда, князей, идущую за водой женщину, крестьян на гумне, дворника... Круговорот жизни определял неповторимые судьбы. Уставшие от тяжелых буден посетители духанов и лавок мечтали о вечной гармонии и любви.

Как мечтал о любви сам Нико.

Он был одинок. Без дома, без семьи, без денег. Спал где придется - часто там, где писал, подложив под голову свой потрепанный пиджак. Он уже забыл думать о личном счастье. Денег не находилось даже на краски. Может быть, это стало одной из причин того, что Нико вместо холста использовал для своих картин черную клеенку – единственное, что мог найти в духанах. Письмо его стало лаконичнее,

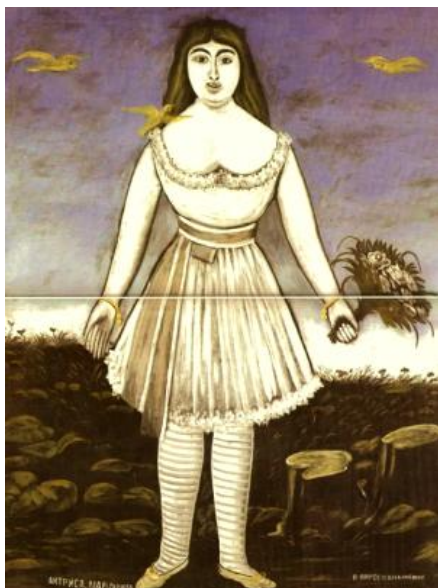
Кутеж у Гвимрадзе, клеенка, масло

проще и... изысканнее. Ему хватало черного и белого, чтобы написать праздник; достаточно было рыбины, редиса и бутылки вина на столе, чтобы застолье показалось иконой. Как, например, в «Кутеже у Гвимрадзе».

Нико, лишившись всего, обрел свободу.

И... любовь.

Поводом для этой легенды стало одно из лучших произведений Пиросмани «Актриса Маргарита». Наверное, нам, сегодняшним, утешительно думать, что в беспросветной жизни одинокого художника были дни счастья. Портрет кафешантанной певицы Маргариты, избалованной публикой француженки, он писал в 1909 году. Она выступала в одном из духанов, куда случайно забрел Нико. Вот как говорил о первой встрече художника и певицы Кирилл Зданевич: «Пиросманашвили встретил женщину, которую полюбил на всю жизнь. Певица и танцовщица из кафешантана, француженка Маргарита, красивая и изящная, поразила воображение Нико. Он не мог прийти в себя от изумления, Марго казалась ему “прекрасным ангелом, спустившимся с неба”. Счастливый Нико с радостью отдал свое сердце и, не раздумывая, все свое состояние. И тогда огромные черные глаза мадемуазель Маргариты последний раз взглянули на Нико; она навсегда исчезла, разбив жизнь художнику».

Актриса Маргарита, 1909, клеенка, масло

Была ли Маргарита красавицей, как фантазируют о ней многие? На портрете она, только что закончившая выступление, взволнованно смотрит в зал. Белое, с короткой юбкой платье, чулки с поперечными полосами, от которых ноги кажутся толще и короче, большое до неприличия декольте, пошлые оборки вокруг груди. Белое, синее, чуть желтое в браслетах и туфельках – и все это по черному фону клеенки. Классика Пиросмани.

Что-то во всем облике Марго есть вульгарное и одновременно беспомощное. Вопрос: «За что полюбил?» остается, как и подобает ему, без ответа. Точнее: «Ни за что». Идеал глубокой простоты.

Константин Паустовский в своей книге о Нико Пиросманашвили с обидой за любимого художника раздраженно бросил: «Маргарита была рыжей, грубой и жадной женщиной, помыкавшей Пиросманом. Она поносила его и считала идиотом».

Даже если это и так, имеем ли мы право судить женщину, которую обожал любимый нами художник. С портрета смотрит не женщина, а святая, непорочность которой подчеркнул сам Нико Пиросмани. На груди Марго он написал летящую птицу (как потом будет и у грешных ортачалских красавиц, и у грузинки с бубном), птицу-защитницу, олицетворение чистой и трепетной души.

Вся прелесть легенды – в поступке Нико, о котором десятки исследователей, интересовавшихся творчеством Пиросмани, сочиняли свои версии. В книге «Свет в лесу» Виктор Шкловский описывает, как Пиросманашвили продает молочную лавку и на вырученные деньги покупает «все цветы в Тифлисе, и все цветы, которые росли под Тифлисом, и все цветы, которые пришли в Тифлис на поездах», и нанимает аробщиков, которые заваливают цветами улицу перед гостиницей, где остановилась Маргарита. Сам же отправляется пировать и в разгар веселья получает записку: «Приходите сегодня вечером», - но так увлечен, что не может уйти.

В повести Риммы Канделаки этот случай рассказывается с большей нежностью и грустью. Как в течение часа в гостиницу, где жила Маргарита, слуги несли корзины с цветами, закупленными в Ортачальских садах влюбленным художником, а он читал ей вслух стихи Николоза Бараташвили «Ты самое большое чудо божье...». И как Маргарита однажды исчезла.

Канделаки не зря упомянула Ортачальские сады. Пиросмани однажды в течение месяца жил в известном пригороде Тифлиса – Ортачала, где располагались увеселительные аттракционы сада «Эльдорадо». Нико признался однажды в разговоре с Кириллом Зданевичем: «Мне улыбалась жизнь дважды: когда я жил в Кахети и в «Эльдорадо», райской стране на берегу Куры».

Сад, большой и ухоженный, располагался в пойме Куры. Днем в нем было пустынно. Нико отдыхал, с наслаждением создавая новые картины. К вечеру подъезжали фаэтоны с веселой публикой, над деревьями поднимались дымки от готовящихся шашлыков, крутились карусели... Нико забирался в старый сарай, где устроил себе временное жилье, и, слушая музыку, засыпал. Одинокий и незащищенный.

У выдающегося грузинского художника Ладос Гудиашвили, встречавшегося с Пиросмани незадолго до его смерти, есть портрет Нико с газелью. Красивое животное словно подчеркивает трогательную, даже болезненную сердечность Пиросмани, его светлый и грустный образ.

В 1913 году в Тифлисе состоялась выставка «Мишень», где впервые были показаны и произведения Нико Пиросманашвили. Осторожно, боязливо организаторы ее поместили эти картины среди рисунков непрофессиональных мастеров, наивных художников. И прошло еще немало лет, прежде чем с творчеством грузинского гения смогли познакомиться в российской столице.

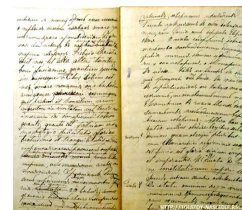
«Как художник, - писали в одной из московских газет 1930 года, - он оказался цельнее многих нами признанных мастеров, искреннее и богаче их; средства и возможности изобразительного искусства он понимал лучше. Появление его естественно стало художественным событием. Москва склонилась перед новым именем, открывшим дотоле ей неведомую художественную культуру».

Ягненок и парящие ангелы, клеенка, масло

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

*Зинаида Кокорина
(МОССАЛИТ, Королев)*

ГЛАВНАЯ МУЗА...

200-летие со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова

В 2014 году мы отмечаем 200-летие со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841), великого сына России. Его творчество – удивительное явление в мировой литературе. Он погиб, не дожив до 27 лет, успев создать шедевры, которые дали ему право войти в число великих писателей. Около трех десятков поэм, четыре сотни стихотворений, ряд прозаических и драматических произведений – его бесценный вклад в русскую культуру. М. Ю. Лермонтов был одарен удивительной музыкальностью – играл на скрипке, на фортепьяно, пел, сочинял музыку на собственные стихи. Кроме того, он был художником, создавшим более десятка картин маслом, не меньше пятидесяти акварельных работ и трехсот рисунков.

М. Ю. Лермонтов

Поэзия Лермонтова многолика. Как личность он сформировался очень рано. В пятнадцать лет у него уже были глубокие, философские стихи о любви, о родине, о тайне человеческого бытия. Он пишет: «Мне жизнь все как-то коротка // И все боюсь, что не успею я // Свершить чего-то». Часто его рассматривают как поэта, в творчестве которого много трагического. Нельзя забывать о том, что истоки трагизма в творчестве Лермонтова – это не только его личная судьба - и как человека, и как поэта, - но и трагизм окружающей действительности. Тридцатые годы XIX века – это годы реакции в России: все лучшее сгноили, разогнали, сослали в Сибирь.

В этой статье я хочу напомнить читателю об одной из важных страниц в творчестве поэта – любовной лирике. Позднее Тургенев скажет: «По тому, как может любить человек, мы можем судить о его внутренней зрелости». Существовать вечно – на меньшее поэт не согласен. В стихотворениях Лермонтова любовь - чувство высокое, светлое, поэтическое, но всегда *неразделенное или утраченное*.

Любовь в творчестве Лермонтова носит трагический отпечаток из-за его единственной, настоящей, неразделенной любви к близкому другу и возлюбленной – Вареньке Лопухиной – единственной женщине, к которой Лермонтов испытывал по-настоящему глубокие чувства. «У ног других не забывал // Я взор твоих очей; // Любя других, я лишь страдал // Любовью прежних дней».

Они узнали друг друга еще в детские годы, в 1827 году. Началось с обычных ребяческих выходок. Аким Павлович Шан-Гирей – троюродный брат Лермонтова, пишет: «Как теперь помню ее ласковый взгляд и светлую улыбку: ей было лет пятнадцать-шестнадцать. Мы же были дети и сильно дразнили ее. У неё на лбу чернелось маленькое родимое пятнышко, и мы всегда приставали к ней, повторяя: «У Вареньки родинка, Варенька уродинка», но она, добрейшее создание, никогда не сердилась.

Первыми бурными увлечениями поэта были Екатерина Сушкова и Наталья Иванова (1830 г.).

К Екатерине Лермонтов испытывал глубокое чувство первой любви, но эта красавица кокетка не могла подпустить к себе нелепо выглядевшего молодого поэта, как она описывала его уже в зрелом возрасте, «гадкого, некрасивого, сутуловатого горбача». Позже, когда Екатерина искренне полюбит Михаила, он отвергнет её чувства, мстя за насмешки. В незаконченном произведении Лермонтова «Княгиня Лиговская» Екатерина Сушкова послужит прототипом Елизаветы Негуровой.

*Екатерина Сушкова.
Миниатюра неизвестного
художника*

*Наталья Фёдоровна Иванова.
С портрета, рисованного художником В. Ф. Бенниеманом.
Сохранился среди вещей Х. С. Арсеньевой.*

Наталья Иванова стала *печальной* любовью поэта. Она была настолько хороша и удивительна, что при первом взгляде на неё сердце поэта стало биться быстрее. Но о чувствах к ней он не говорил друзьям, не доверял Наталье, ждал чего-то плохого. И не ошибся: Наталья вышла замуж за его друга Николая Обрескова, отличавшегося от Михаила Лермонтова своей решительностью. Поэт посвятил Наталье много стихотворений, пронизанных чувством горечи и обиды.

*Наталья Иванова. С портрета, рисованного
художником В. Ф. Бенниеманом. Сохранился среди
вещей Х. С. Арсеньевой.*

Только в 1832 году Михаил обратил внимание на Вареньку – младшую сестру своего друга Алексея из близкой ему семьи Лопухиных, когда компания молодёжи поехала в Симонов монастырь ко всенощной – молиться, слушать певчих, гулять, и он случайно сел рядом с девушкой. Она была замечательной: нежная, мечтательная, переменчивая. На её лице сияли черные глаза... К тому же она была пылкой, восторженной, поэтической натурой. Сельское уединение и чтение романов сделали ее мечтательной. Но эта мечтательность умерялась природной живостью, веселостью и общительностью. Свою склонность помечтать она не выказывала, а наоборот, стыдилась как слабости. Каждая перемена настроения, мимолетное чувство и мелькнувшая мысль отражались на ее подвижном лице. В минуты внутреннего подъема оно становилось прекрасным, а порой Варенька могла показаться совсем некрасивой. С присущей ей обаятельной простотой, свойственной глубоким и цельным натурам, она была всеобщей любимицей.

Варвара Лопухина

Они были ровесниками с поэтом, и это послужило, между прочим, причиной многих страданий для Лермонтова, потому что Варенька по годам своим уже считалась членом общества, тогда как ровесник ее, Мишель, все еще оставался ребенком. Характер ее, мягкий и любящий, увлекал его. В столь нежном возрасте любая привязанность кажется сильной, вечной, а любой взгляд может быть истолкован превратно. Поэтому неудивительно, что эта любовь была обоими осознана не сразу. Они пережили и дружескую привязанность, граничащую с чем-то большим, и страсть, и неприязнь, и ревность, пока все это не переросло в зрелое чувство, в котором они друг другу, скорее всего, так и не успели признаться...

Чувство Лермонтова к Вареньке было безотчётно, но истинно, сильно, и сохранил он его едва ли не до самой смерти своей:

*С тех пор, как мне явилась ты,
Моя любовь – мне оборона
От гордых дум и суеты...*

Как раз в 1832 году поэт переехал в Петербург, поэтому их роман не смог развиваться. Михаил всегда справлялся о Варе. Однако в 1835 году Лопухина выходит замуж за Н. Ф. Бахметова – человека значительно (почти в два раза) старше её. Быть может, на её решение повлияли слухи о том, что Михаил ухаживает за Сушковой. Поэт очень страдал, когда до него дошло это известие. Он никогда не называл её по фамилии мужа.

Как любому творцу, поэту нужна была муза. В стремительно-короткой жизни Лермонтова было множество любовных историй – как мимолетных увлечений, так и сильных привязанностей. Показная холодность и постоянные светские ухаживания составляли часть его жизни. Он был вулканом – то спящим и молчаливым, то огненным и страстным. И от этого страдали все его женщины. Возможно, именно такая холодность и заставила Вареньку Лопухину пойти к алтарю с другим. Для Михаила Лермонтова она и после замужества оставалась Варенькой Лопухиной. Именно Варенькой – доброй и нежной, ускользнувшей, быть может, по его вине, но не забытой... Они просто продолжали любить – не видя и мало зная

друг о друге. Видимо, любовь может существовать и так, независимо от присутствия рядом любимых людей. *Если бы не жил в сердце поэта этот образ, его творчество было бы беднее.*

Чувства, которые Лермонтов испытывал к Вареньке, сохранились практически до самых последних его дней. Они нашли отражение во многих произведениях поэта: «Мой друг, напрасное старанье», «Молитва», «Мы случайно сведены судьбою», «Она не гордой красотою» и многие другие.

В 1840 году, во время второй ссылки на Кавказ, Лермонтов пишет поэму «Валерик». В основу стихотворения легло событие, связанное со сражением на реке Валерик 11 июля 1840 года, в котором он принимал участие. А начинается стихотворение как любовное послание, адресованное вполне конкретной женщине – Варваре Лопухиной. Однако тон письма совсем лишен романтизма, так как Лермонтов осознанно развенчивает миф о влюбленности. Он отмечает, что с той, кому адресовано послание, у него нет духовной близости, и это – результат трагических событий, очевидцем которых довелось стать поэту:

*Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, Боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, все равно.*

...

*Я вас никак забыть не мог!
Во-первых, потому, что много,
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил...*

И в конце:

*Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..*

Во многих посвящениях своим возлюбленным пылкие чувства поэта переплетаются с чувствами к Вареньке Лопухиной. В одном из последних своих стихотворений «Нет, не тебя так пылко я люблю» (1841), адресованном, вероятно, Е. Г. Быховцу, поэт пишет:

*Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье;
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою...*

Главная Муза...

*Хоть будешь ты ещё любить,
Но прежним чувствам нет возврата,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.*

М. Ю. Лермонтов

Не случайно сведены судьбою
И себя нашли один в другом.
Но злодея Демона рукою
Каждый был своим путём ведом.

Нет, не суждено небесной дали
Отражаться в голубой волне.
Не восторга душ и не печали
Им не разделять совместно, не
Быть вдвоём...
...Невеста в платье белом...
Обозначен роком судеб час.

А поэт на подвиг рвётся смело,
Он – корнет и перед ним – Кавказ!
Буйство Терека в строке клокочет,
Красота пейзажей синих гор...
Память детства – каждый уголочек,
Память матери – степей простор.

Но искал спокойствия напрасно
И гоним был мыслью одной:
Взгляд назад – прошедшее ужасно,
Взгляд вперёд – там нет души родной.

Ссылки. Служба. Музы. Чувство силы.
Страстное желание творить...
И хранитель-ангел – образ милой,
Сквозь судьбу – невидимая нить.

Зинаида Кокорина
(посвящение поэту)

М. Ю. Лермонтов
Автопортрет, 1837 г., акварель

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Елена Кольцова

(Красноярск)

СКАЗОЧНАЯ ПЛАНЕТА ЕЛЕНА КОЛЬЦОВОЙ

Сегодня в детской рубрике мы познакомим вас с творчеством красноярской художницы Елены Кольцовой. Ее талант многообразен: живопись, графика, текстильные куклы, керамика, поэзия. Мир, созданный Еленой, трогательный и неповторимый. Его обитатели обаятельны и милы. Они смотрят на нас большими доверчивыми глазами, добрыми и немного наивными, и в то же время удивительно мудрыми. Глядя на них, веришь, что где-то далеко-далеко, может быть, даже в другой галактике, вращается вокруг своей звезды чудесная планета, населенная добродушными котами, играющими на скрипке песиками, хитрыми воронами, конопатыми девочками, домовитыми домовятами. Они думают, печалются, любят и удивляются, получают посылки, отправляются в путешествия. Они живут. На этой планете нет зла, здесь никто не обижает друг друга, здесь нет места ненависти, обидам, преступлениям... Иногда обитатели этой планеты вдруг начинают говорить стихами, гармонично вплетенными в их жизнь.

Художник, поэт Елена Кольцова

В стихах Елены, как и в рисунках, смелые и острые нюансы переплетаются с нежными и сентиментальными акцентами. По-детски трогательно и по-мастерски виртуозно сочетаются в картинах и стихах Елены темы грусти и одиночества, проказливости и хитрости, любви и заботы.

Елена Кольцова родилась и живет в Красноярске. Окончила с красным дипломом Красноярское художественное училище им. В. И. Сурикова. Участвовала в выставке «Молодые художники Красноярска» (2002 г.) и ежегодных выставках «Мартовский кот».

О себе Елена говорит немного: «Мои самые яркие воспоминания связаны с деревней, куда приезжала на лето к дедушке с бабушкой. Люблю животных - всех! Уже 6 лет у меня живет мой самый лучший четвероногий друг – йоркширский терьер Моня. Люблю шить куклы, разные разности для украшения домашнего интерьера, в том числе и покрывала в стиле «пэчворк». Иногда пишу стишки и рисую к ним картинки. Но основное моё занятие – живопись и рисование. Мечтаю о книжке для детей со своими рисунками и мультфильмах по собственным сценариям».

Добро пожаловать на сказочную планету Елены Кольцовой!

ДВЕ ПЧЕЛЫ

Две мохнатые пчелы
Полетели за пыльцой,
Чтобы сделать сладкий мёд,
Тот, что любят дети все.
А кругом луга цвели
И душистые цветы
Источали аромат,
Тот, что любят дети все.
Вот собрали две пчелы
Два бочоночка пыльцы
И вернулись в тёплый дом,
Тот, что любят дети все.
Там они из разных сот
Стали делать вкусный мёд,
Очень вкусный, сладкий мёд,
Тот, что любят дети все.

ПРО ЁЖИКОВ

Ежи, они же ёжики,
Ни на кого не похожи:
На собаку Люську не похожи,
На кошку Машку тоже,
Зато очень домовитые и деловитые.
Методом дедукции
Разыскивают различную продукцию:
Ножи и вилки,
Продукты питания,
Гвозди и клещи
И прочие разные вещи.
В тапки и туфли
Складывают сухофрукты.
В карман тёти Оли
Положили две ravioli.
В шляпу дяди Паши –
Две ложки каши.
А нам с Антошкой
Досталось по одной картошке.

КОНОПАТАЯ

Все очень большие и пузатые:
Дядя Петя пузатый,
Тётя Надя пузатая,
Папа и мама тоже пузатые.
Одна я не пузатая.
Я – конопатая.

ЯБЕДА

А Оля в носу ковыряет,
А Женя ногти грызёт,
А Лёша сопلي съедает,
А Маша палец сосёт!
И лишь я одна не пакостничаю,
Я только на всех ябедничаю.

*Все очень большие и пузатые.
Дядя Петя пузатый.
Тётя Надя пузатая.
Мама и папа тоже пузатые.
Одна я не пузатая...
Я рыжая и конопатая!*

Худ. Е. Кольцова. Конопатая

Худ. Е. Кольцова. Март

ПРО КОШКУ

Загляните в глаза вашей кошке:
Там увидите небо в окошке
С птичкой, где-то парящей вдали.
Там увидите плошку с рыбешкой,
Молоком и толченой картошкой.
И пинок, что сосед подарил.
Поглядите в глаза ей подольше,
Так о ней вы узнаете больше:
Про украденный ниток клубочек,
Про оторванный платья кусочек,
Про кота, что за дверью тоскует,
А зайти в гости к вам не рискует,
Потому что облезлый и грязный.
Но любовь ведь бывает разной.
А сейчас наклонитесь ниже,
Она нос ваш шершаво оближет,
Хвост поставит трубой
И уйдет с глаз долой.

Ну, так это же ясно – кошка!

ЛЕТАЮЩАЯ КОРОВА

Молочная корова,
Красивая корова,
Крылатая корова
Летит щипать траву.

Ромашковое поле,
И с васильками поле,
И клеверное поле
Цветут, манят, зовут

Чудесную корову,
Крылатую корову,
Пятнистую корову
Поющую: жу-жу!

Я это точно знаю,
Я это, честно, вижу,
Я в это, правда, верю,
Нисколечко не вру!

КЕША

Бегают курочка по двору,
Яичко ищет.
Вчера было, а сегодня нет его, пропало!
У бабушки была, она не брала.
У Маши была, и она не брала.
Дедушка с Васей сказали, что тоже не
брали.
И тут ей на встречу идет желтый и пушистый
цыпленок.
- Ты, - говорит, - кто?
- Я – Курочка-Шурочка, а ты?
- Я – Кеша!
- А откуда ты взялся?
- Сегодня из яичка вылупился.
Пошел гулять и потерялся!

Теперь Кеша уже большой и важный
петушок,
Пшенку любит
Да нас по утрам будит.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ

Куда зимой улетают мухи?
Куда зимой уползают змеи?
Куда лягушки бегут от стужи?
Хочу понять я, но не умею.
Мне нужно знать все,
Я любопытный.
Спрошу у Светки, она все знает!
Но Светка - злая, она не скажет.
Возьму я книжку,
Сам прочитаю.
Сам все узнаю,
Прочту все книжки.
И стану умным, большим мальчишкой!

Худ. Е. Кольцова. Осень

Худ. Е. Кольцова. Иммигранты

ТАРАТОРКА

Я не кричу,
Не ругаюсь,
Не спорю.
Я тараторю,
Всегда тараторю.
Я – тараторка,
Много болтаю,
Быстро болтаю,
Не успеваю.

Все просят: «Тихо,
Медленно, внятно!
Нам не понятно!»
Это понятно...
Но не могу я
медленно только.
Опять тараторю.
Ведь я – тараторка!

Худ. Е. Кольцова. Муха

ПРОТЕСТ

Шагаю, не глядя на лужи.
Топают боты по грязи.
Никто мне сейчас не нужен.
Возьму яркий лоскут бязи.
Из бязи сошью рубашку,
Гороховую, цветную,
И буду скакать до неба.
Я против тоски протестую!

ОБИДА

Щёки трещат
И лопаются от натуги.
Они надуты,
Совсем раздуты.
Трещат и лопаются от натуги.
Красные и очень раздутые.
Трещат и лопаются
От обиды.
Говорю вам,
Не надо меня обижать!
А то так обижусь,
Совсем обижусь,
Что л-лопну от обиды-и-и...

ЖЖЖУЖЖЖАЛИЦА

Здравствуйте, я – жжжужжжалица,
Медоносица-кормилица.
Брюшко моё толстое не от обжорства:
Мёдом до краёв наполнено.
А какое оно пушистое!
Можете потрогать.
За нос прошу не дёргать!
Это хоботок мой пчелиный,
Как и положено, длинный.
И не забывайте, что рядом жало.
Многим проказникам от меня попало!

Ну а если со мной по-хорошему,
Всех приглашаю в гости, к чаю.
Я, когда очень добрая,
Щедро мёдом всех угощаю.

Худ. Е. Кольцова. Грусть

Худ. Е. Кольцова. Первый снег

ПОЮЩИЕ СОБАКИ

Собаки не обязательно лают,
Кусают,
Щипают.
Они, как и мы,
Во сне летают!
И чудесно поют,
Если их не бьют...

У моей собаки мокрый чёрный нос.
Зато всё остальное, как у нас:
Две ноги спереди
И две сзади.

Худ. Е. Кольцова. Косточка

Худ. Е. Кольцова. Мастерница

КОТ И КОМПОТ

Рыжий кот варил компот:
Груши, яблоки, инжир
Он в кастрюлю положил.
Помяукал, помурчал,
Поварёшкой размешал.
Вышел вкусным тот компот.
И, собой довольный, кот
Деток в гости приглашает,
Всех компотом угощает!

ЧУДО

Я Чудо?
Да, я – Чудо!
Маленькое, пучеглазое и волосатое.
Ну и что?
Я вам чем-то мешаю?
Да, я вам мешаю.
Мешаю тем, что бываю шумное и
суетливое.
Даже когда тихое и неприметное –
Тоже мешаю.
Я всегда и везде мешаю
И буду мешать!
Потому, что я – Чудо.
Я совсем на вас не похоже.
Я лучше вас,
Оттого и мешаю...

Худ. Е. Кольцова. Платон и Аристотель

ЁЖИК КОЛЮЧИЙ

Ёжик колючий катится с горки,
А на иголках: хлебные корки,
Книжки и ручки,
Клубки и очки,
Кнопки, бумажки
Да светлячки

СЛОНЫ ГУЛЯЮТ ПО ПОЛЯМ

Слоны гуляют по полям,
У них большие уши.
А что хотите вы от них?
Ведь им никто не нужен.
Им наплевать, что я стихи
состряпать не умею.
Они на хоботоушах
Несут мои идеи.
Быть может, не совсем умны...
А что хотите вы от них?
Они – слоны.

Алфавит

Серенада

Скрипач

СТОЛИК У ОКНА

*Рубрику ведёт Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)*

ВСТРЕЧАЮТ ПО ОДЕЖКЕ, или ЧЕРВЯК В ГЛАМУРЕ

Далеко позади остались летнее тепло и морской бриз. Мой загар посветлел, и я уже не особенно отличаюсь от бледных москвичей, обделённых отпуском. Сидя в своём любимом кафе, я разглядывала улицу, глядя в окно, в надежде поймать вдохновение. К моей радости, открылась дверь, и я увидела подругу, энергично направляющуюся к моему столику.

- Привет! А я тебя с улицы увидела, - сообщила мне она, - твоё лицо в окне показалось мне грустным, вот я и решила выпить с тобой чашечку кофе.

- Ты не представляешь, как ты вовремя! – мой рот сам разъехался в счастливой улыбке. - Сижу тут и печалюсь о прошедшем лете. Эх, сейчас бы ещё раз к морю слетать...

- Да брось, ты и так прекрасно выглядишь, - возразила подруга, - посвежела, и загар ещё виден. А я работаю-работаю, даже в салон сходить некогда.

- Ну перестань! Ты тоже хорошо выглядишь, и костюм такой модный, и шарфик красивый, - рассыпалась я в комплиментах и тут же поймала себя на мысли, что мы с подругой, как кукушка и петух в крыловской басне, восхваляем друг друга. Стало смешно.

- Ты чего смеёшься? – удивилась приятельница.

- Да вот подумала, а почему нам вообще так важно то, как мы выглядим.

- В смысле? – Брови подруги поднялись ещё выше.

- Крылова вспомнила, - пояснила я, - у него кукушка и петух хвалили друг друга по очереди. А ведь в реальной жизни им наплевать, какие у кого «пёрышки» и какой «носок». Это же люди придумали, а зачем?

- Как это - зачем? Чтобы быть красивыми, надо хорошо выглядеть, а для этого надо... хорошо выглядеть, - совсем запуталась моя собеседница. – Ну ты же понимаешь, что я хотела сказать?

- Я понимаю! – утешила я её. - Просто я вдруг представила, как голубь говорит голубке: «Фу! Не летай тут рядом, ты плохо выглядишь!» Правда, смешно?

- Ну это же глупость какая-то! – не поняла моего юмора подруга.

- Вот именно! – обрадовалась я. - Сама подумай, как люди всё усложнили в своей жизни. Навыдумывали себе шаблонов и правил. А если бы в живой природе было так же, как бы это было смешно! Ну вот представь себе такую картину... Парк. По деревьям с ветки на ветку носятся белки, и только одна сидит на пенёчке грустная. А всё потому, что другие белки не желают её принимать в своё сообщество. «Ты толстая! - трещат белки, брезгливо подёргивая пушистыми хвостами, - и сама виновата. Незачем было зимой столько орехов лопать».

Заплакала толстененькая белочка, ускакала, бедная, к себе в дупло и села на строгую диету. Ни одного орешка после шести! Ни-ни!

А пока белка сидит на диете, внизу под землёй, в просторных и красиво вырытых туннелях, обмениваются комплиментами червяк и крот.

- Ах! Какая шубка у тебя, мягкая и шелковистая! Иу! - говорит кроту червяк. - Я такую же хочу, а то мёрзну всё время в бикини.

- Да если бы у меня была такая фигурка, как у тебя, разве ходил бы я в шубе? - позавидовал крот. - У тебя каждое колечко идеального размера и цвет такой гламурный! Просто последний тренд сезона. Пожалуй, схожу-ка я на липосакцию, тогда тоже смогу розовое носить.

Рис. А. Народицкой

В это время наверху по траве бегают две собаки - дворняга и болонка. Дворняга говорит:

- И что мне в любви так не везёт? Ни один кобель дольше пяти минут не задерживается. Ну что во мне не так?

- Ты ещё спрашиваешь! - возмущается подруга болонка. - Ты давно маникюр делала? Посмотри, какие у тебя когти! Все в земле и грязи. К тому же они разной длины, совсем сточились об асфальт. А шерсть? Ты же к стилисту год, наверное, не ходила. Выглядишь ужасно! Про ошейник я уже вообще молчу. Такие перестали носить года три назад. И какой приличный кобель на тебя взглянет? Только помоечный какой-нибудь...

- Тебе хорошо говорить, - оправдывается дворняга, - твоя хозяйка каждую неделю в салон с тобой ездит. А у моей на нормальную еду едва денег хватает. Кашу с тушёной сварят - и на том спасибо! Когти сама себе обкусываю, как могу. А шерсть мне соседский кот иногда вылизывает, если я его к своей миске пускаю. Так что мне не до жиру.

- Ну и не удивляйся тогда, что кобели к тебе в очередь не выстраиваются, - твякнула болонка и, развернувшись, убежала, виляя пушистой попой.

Моя подруга глотнула кофе и спросила, слегка ошалев:

- Это ты чего, прямо сейчас сочинила?

- Да чего тут сочинять? - улыбнулась я. - Просто фантазия разыгралась, так хотела до тебя свою мысль донести. Сама подумай, ведь это только у нас, у людей, встречают по одежке. И хорошо ещё, если провожают по уму! А то частенько и встречают, и провожают - всё по той же одежке. А в животном мире сразу воспринимают друг дружку как личность, если, конечно, так можно сказать о животных.

- Ну, ты не сравнивай животных и человека! На то мы и гомо сапиенс, чтобы не жить инстинктами, - возмутилась моими метафорами подруга.

- Знаю! А может, это не плюс вовсе, а минус? - продолжала я рассуждать. - Возможно, мы слишком много значения придаём внешнему виду? Хорошо выглядим - плохо выглядим, а имеет ли это такое большое значение, как нам кажется? Кто дал нам право судить о том, как выглядят окружающие? И где критерии красоты? То, что было хорошо и красиво в восемнадцатом веке, нам сейчас может показаться смешным и напыщенным. А парики,

напудренные и выбеленные лица? Когда-то это сводило с ума кавалеров, а сейчас лица покрывают белилами только мимы и клоуны. Или вот китайцы: возможно, они считают нас пучеглазыми, а с их точки зрения, хорошо могут выглядеть только узкие глаза. Когда-то они считали красивыми крошечные, изуродованные ступни, которым не давали расти в колодках...

Ещё пример: знаешь, есть такие племена падаунг, в Бирме? Там, начиная примерно с пятилетнего возраста, женщины носят на шее медные спирали из прута толщиной около одного сантиметра. Выглядят они, как кольца, и этих колец насчитывают до двадцати штук! Представляешь, как вытягивается шея?! Туристы называют их «женщины-жирафы». Но для местных мужчин эти женщины - ох как хорошо выглядят!

А ещё я читала про африканское племя мурси. У представителей этого племени низкий рост, широкая кость, кривые ноги, низкие лбы и приплюснутые носы. Дополняет всю эту роскошную картину дряблая кожа, отвисший живот и сгорбленная спина. На головах мужчин практически нет волос, а женщины сооружают себе замысловатые головные уборы из веток, кожи, мёртвых насекомых, моллюсков, хвостов и кусков падали. Всё это к тому же пахнет соответственно. А ведь происходит это всё сейчас, в наше время! Только представь - маленьким девочкам мурси прорезают нижнюю губу, а в отверстие вставляют деревянные тарелки все большего и большего диаметра. И постепенно край нижней губы растягивается до очень значительных размеров. Порой аж до тридцати сантиметров в диаметре!

Подруга сидела, ошарашенная напором информации с широко раскрытыми глазами. Я продолжила:

- Мало этого, после того, как тарелка установлена, у женщины мурси убирают передние зубы, чтобы они не стучали о край тарелки. В дыру между зубами хорошо видно потрескавшийся и кровоточащий язык. Жуть! В общем, в сочетании с головным убором красота получается просто сказочная! А ведь для соплеменников мурси, женщины необычайно красивы. Так что понятие «хорошо выглядеть» очень сильно притянута за уши. Вероятно, нам вообще давно пора перестать придавать внешности такое большое значение и прекратить встречать по одежке. Ну что, ты всё ещё уверена в необходимости «хорошо выглядеть»?

- Ну не знаю, ты так эмоционально и возбуждённо рассказываешь, что я уже ни в чём не уверена, - окончательно растерялась моя приятельница и вдруг сделала неожиданное предположение, – слушай, а может ты кофе перепила? Иди-ка ты домой, дорогая!

- И правда, засиделись мы с тобой, а мне ещё статью дописывать. Пойду. Рада была тебя повидать!

И я, чмокнув подругу в щёку, направилась к выходу. Неожиданно элегантный мужчина, выходявший одновременно со мной, придержал дверь:

- Прошу вас.

Я улыбнулась глазами. Мужчина наклонился и легко коснулся моей руки.

- Вы так потрясающе выглядите! Не смог удержаться и не сказать вам об этом.

- Спасибо за комплимент! – пролепетала я. Тёплая волна внутри нахлынула и пунцово ударила по щекам. Я широко улыбнулась и, немного смутившись, поплыла по улице, не чуя под собой ног.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ САЛОН

Виктория Топоногова
(Москва)

ОШИБАНА – ВТОРАЯ ЖИЗНЬ РАСТЕНИЙ

Виктория Топоногова,
писатель, художник, педагог

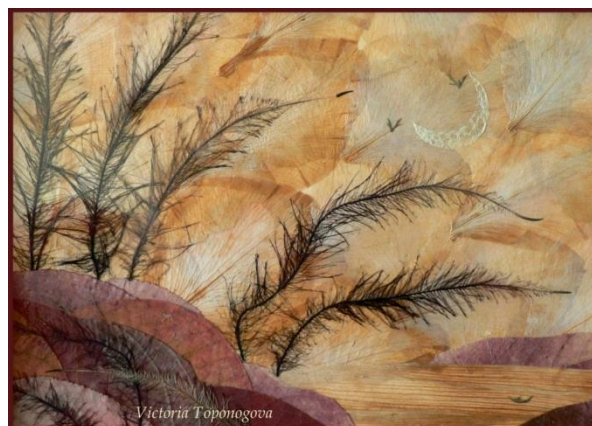
Виктория Топоногова – художник, иллюстратор, поэт, педагог, автор 7 книг и множества публикаций в различных изданиях, член Союза писателей России, дважды лауреат международного литературного конкурса «Золотое перо Руси», лауреат литературной премии им. Андрея Белого, дипломант литературного конкурса «Лучшая книга 2008–2011» за книгу стихов «Дети, ангелы и мы», дипломант литературно-общественной премии «Лучшая книга 2012–2014» за книгу «Тайна Перелётных деревьев» с вручением медали «Литературный Олимп», лауреат литературного конкурса МГО СПР «Золотая осень» им. Сергея Есенина в 2013 г. с вручением знака отличия «Орден С. А. Есенина», победитель проекта-конкурса «Книга года: выбирают дети–2013», участник Лондонской книжной ярмарки–2013.

Работает Виктория в художественной школе города Железнодорожного педагогом дополнительного образования. Среди её учеников – призёры городских и областных выставок и конкурсов. Является финалистом областного педагогического конкурса «Сердце отдаю детям» в 2010 г.

Одно из направлений деятельности Виктории – прессованная флористика.

Виктория Топоногова – член Международного художественного фонда и Международной организации прессованной флористики (IPFAS). Постоянный участник профессиональных городских и международных художественных выставок. Неоднократный призёр международного конкурса прессованной флористики в Йокогаме (Япония).

Именно о прессованной флористике мы и хотим сегодня рассказать.

Искусство прессованной флористики, или *ошибана*, зародилось в Японии около 600 лет назад, причем занимались им преимущественно мужчины-самураи. По сути, это искусство живописи, но без использования кистей и красок, а только при помощи высушенных растений.

Это был важнейший этап постижения самураем пути воина наравне с боевыми искусствами. Работа в технике *ошибана* требовала особой концентрации и гармонии с окружающим миром. Самурай мог приступить к работе только в состоянии *кэнсё*, или *сатори*, то есть в состоянии внутреннего переживания опыта постижения собственной природы, достигавшегося длительной медитативной практикой.

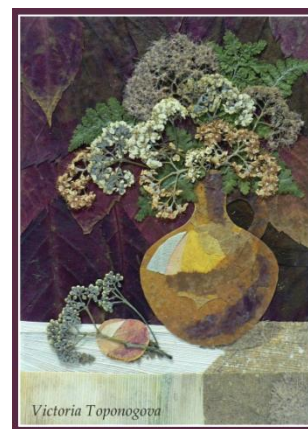
Таким образом, *ошибана* – это не просто картина, выполненная при помощи высушенных растений, это философское отражение видения автором окружающего мира, постижение этого мира, глубокое проникновение в гармонию природы.

В Викторианскую эпоху *ошибана* была широко распространена в Европе и очень популярна в наши дни во всем мире.

В нашей стране появилась не так давно, однако уже нашла миллионы поклонников.

Примечание:

С другими работами В. Топоноговой можно ознакомиться на ее сайте <http://toponogova.ru/page/15>

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Игорь Бурдонов
(МОССАЛИТ, Москва)

Рисунки автора

ДВА ЦВЕТА

Путешествие по Франции

Ритм этих заметок следует ритму рисунков, текст и написан-то по рисункам, которые были сделаны во время путешествия по Провансу и Лангедок-Руссильону во второй половине августа 2014 года, хотя я, конечно, хотел рассказать и о самом путешествии.

У меня были тушевые ручки разной толщины и двух цветов: чёрные и сангина.

И ещё блокнот для рисования.

А времени было совсем мало. На некоторых картинках я даже записал время начала и конца рисования с точностью до минуты.

Почти все рисунки (кроме трёх) сделаны с натуры.

Это не самый лучший способ получить стильные картинки. Зато они получаются живее.

Из-за того что времени было мало, не приходилось выбирать место для рисования.

Часто это был просто вид из окна отеля.

Мы много путешествовали, так что в одном месте задерживались лишь на одну ночь.

Кроме шести ночей на море, где я рисовал во внутреннем дворике отеля.

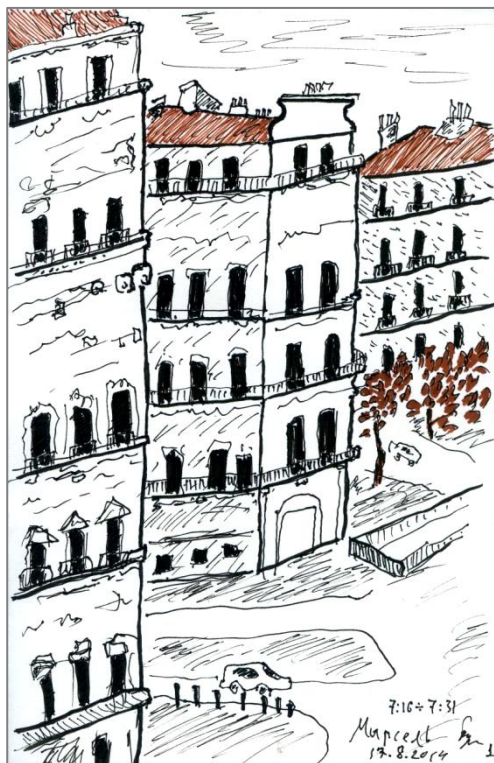
И (уже не с натуры) три рисунка с видами Испании, где мы побывали в один из этих дней.

Ах, да, три ночи мы ночевали в чудесной деревушке Qubieros sur Cinoble в семейном отеле из пяти номеров у чудесной Франсуазы. Это в сердце страны катаров.

Каждый день мы ездили по окрестностям и уже пешком забирались на горы, где свили свои орлиные гнёзда катарские крепости. А по утрам я смотрел на улицу, где только один дом, который почему-то имеет номер 4.

Вот посмотрите: может быть, вам что-то покажется забавным...

1. Марсель. 17 августа. 7:16 утра.

Начал рисовать с мысли: не люблю Марсель.
Потому что это большой город, а я не люблю большие города.
Вопреки тому, что сам родился и прожил всю жизнь в одном таком городе – Москве.
Или благодаря этому.
Марсель уставился на меня тёмными окнами за ресницами ажурных балкончиков.
Они даже дрожат под моим пером.
Беру сангину и рисую черепичные береты крыш.
Береты происходят от традиционной шляпы пиренейских пастухов, их стали промышленно выпускать в 17 веке как раз на юге Франции.
Добавляю дерево в петлице.
Тихо едет машина.
Потом будет солнечный день. Люди на набережной. Яхты в заливе. И – в уличном ресторанчике – неперменный буайбес, который в России любят называть марсельской ухой.
15 минут.

2. Мутьё-Сент-Мари. 18 августа. 7:10 утра.

Утро сползает с гор, растекается по крышам домов и зажигает зелень.

Вчера, после Экс-ан-Прованса, после Вердонского ущелья и озера Сент-Круа, на удивление красивого для искусственного, уже под вечер въехали в городок. Навигатор вывёл прямо к отелю le Belvédère в самом центре. Но центр оказался столь маленьким, что наш семиместный автомобиль долго рычал, ворчал и дёргался, прежде чем смог развернуться и спуститься вниз к парковке.

Хозяин отеля был пожилым и колоритным, а его дочка, помогавшая по хозяйству, молодой и симпатичной.

В самом городке, прильнувшем к скалам Прованских Альп, есть что-то женственное.

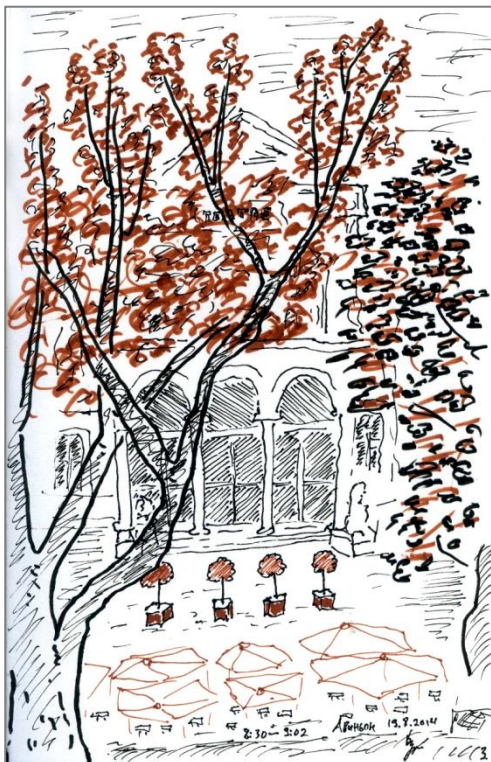
Наверное, из-за церкви Девы Марии, что над городом на вершине скалы.

Это много приятнее, чем большие города, которые все сплошь мужские.

23 минуты.

3. Авиньон. 19 августа. 8:30 утра.

Здание напротив прячется за листвою деревьев.

Но я-то знаю: на нём надпись – «Theatre».

Так и пишу.

А внизу после дождя просыпаются зонтики ресторанов.

Скоро начнётся представление еды и вина.

Немного правее – на картинке не поместилась – детская карусель. Она и правда детская – я помню, были такие карусели в моём детстве: с лошадками разрисованными. Потом их заменили на что-то современное и теперь, даже если с лошадками, то какими-то не такими. Не такими старинными, не такими наивными, не такими моими.

Эта наивность даже немного нарочита, как надпись «Theatre», как старинные ворота Banque de France, как водяные колёса на улице Красильщиков, даже как современные скульптуры у входа в замок-музей маркиза де Сада в Лакосте, где мы были вчера.

Но эта нарочитость тоже обаятельно наивна.

32 минуты.

4. Там же тогда же. 9:30 утра.

Главную достопримечательность Авиньона можно увидеть из любой точки города, но нам достаточно было выйти из отеля и просто завернуть за угол.

Римские папы обитали в этом дворце 68 лет: с 1309 по 1377. Антипапы – следующие 31 год. А туристы – уже 108 лет, с 1908-го.

Дворец мы уже видели три года назад, а художественный музей закрыт по вторникам.

Пришлось рисовать.

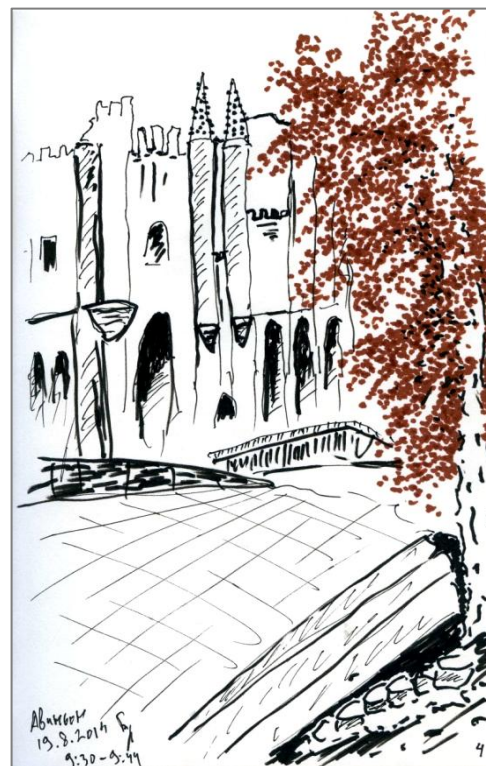
Папский дворец слишком знаменит, его наверняка рисовали многие. И это как-то расхолаживало.

Меня больше приманивали высокие деревья, выстроившиеся по краю ещё пустынной в этот час площади. Пока я трудился, она заполнялась туристами, на лестнице даже выстроилась очередь желающих поглазеть на папский быт.

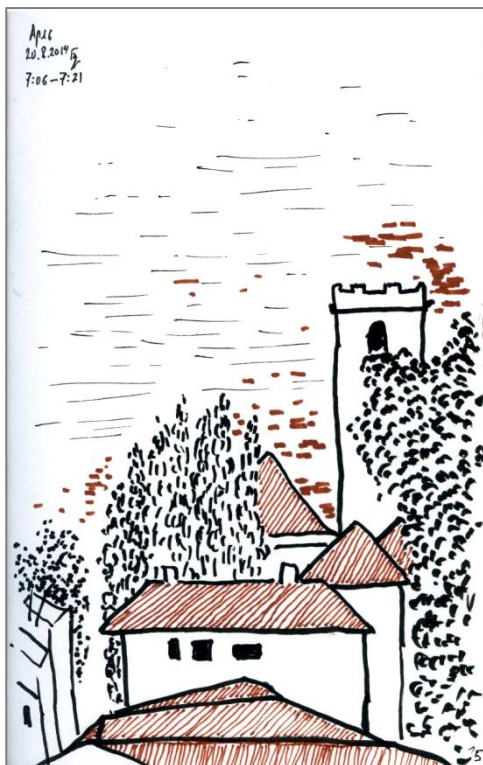
На рисунке у папского дворца случайно получилось лицо с кричащим ртом.

Совершенно случайно.

14 минут.

5. Арль. 20 августа. 7:06 утра.

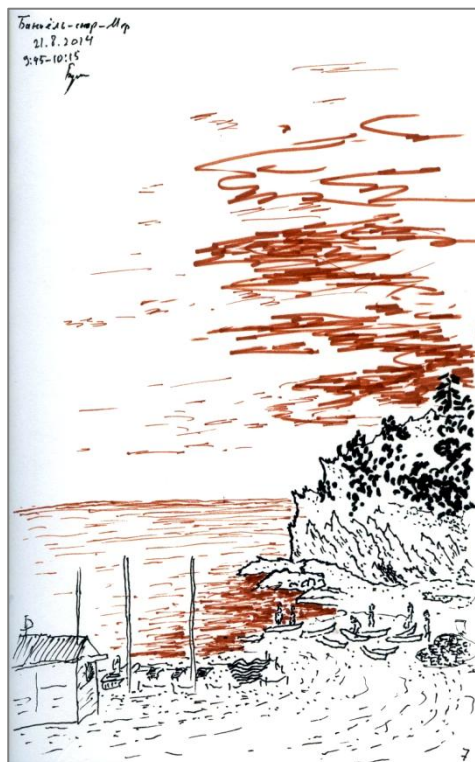
В 1888 году Ван Гог зашёл в лавку в Арле. Но тринадцатилетняя девочка, помогавшая в лавке своему отцу, отказалась обслуживать художника. Потому что «он был страшен как смертный грех, имел мерзкий нрав, и от него пахло выпивкой». Её звали Жанна Кальман, она стала старейшей из когда-либо живших людей на земле, чьи даты рождения и смерти документально подтверждены. Прожила в Арле 120 лет. Мэр Арля назвал её «Жанной Арлеанской», а президент Франции Жак Ширак добавил: «Она была бабушкой каждого во Франции». В 1990 году в возрасте 114 лет она даже появилась в эпизоде канадского фильма о Ван Гогe «Винсент и я» в роли самой себя. Ван Гог, проживший в Арле 15 месяцев и написавший там больше 200 картин, ещё не раз сталкивался с маленькой Кальман, шарахавшейся от него. Он называл её своим «очаровательным врагом». 15 минут.

6. Баниэль-сюр-Мер. 21 августа. 8:30 утра.

Рядом с Лакостом мы поднимались на холм, куда взгромоздился ещё один типично провансальский маленький городок – Бонье, чтобы в просветы между горизонтальными ветвями огромных кедров полюбоваться на лоскутное одеяло долины Люберон. Бродили среди охряных скал под Руссийоном. Дивились на мощь римского акведука Пон-дю-Гар. Лазили по развалинам замка в Ле-Бо-де-Прованс. Обходили по кругу римский амфитеатр в Ниме. Глазели на старый мост через реку Орб в городе Безье... Но там я ничего не нарисовал, потому что мы там не ночевали и, следовательно, времени не было. Прованс постепенно сменялся Лангедок-Руссильоном. Впереди нас ждала страна катаров. Но сначала – море. Здесь будет отдых с обязательными атрибутами: пальма и мозаичная плитка во внутреннем дворе отеля. 33 минуты.

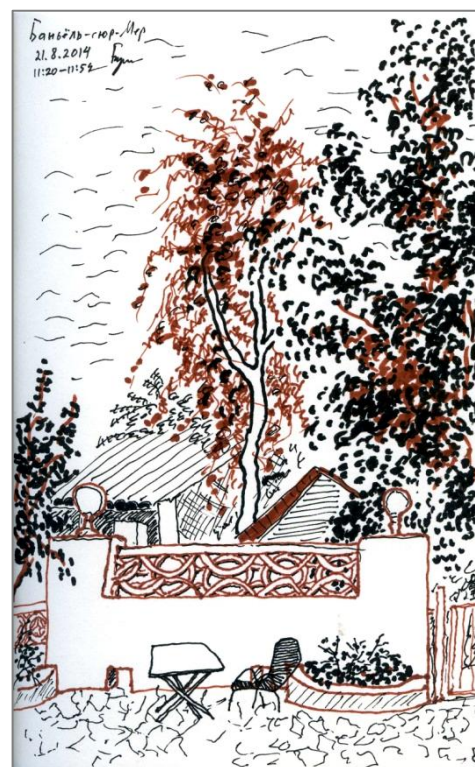
7. Там же тогда же. 9:45 утра.

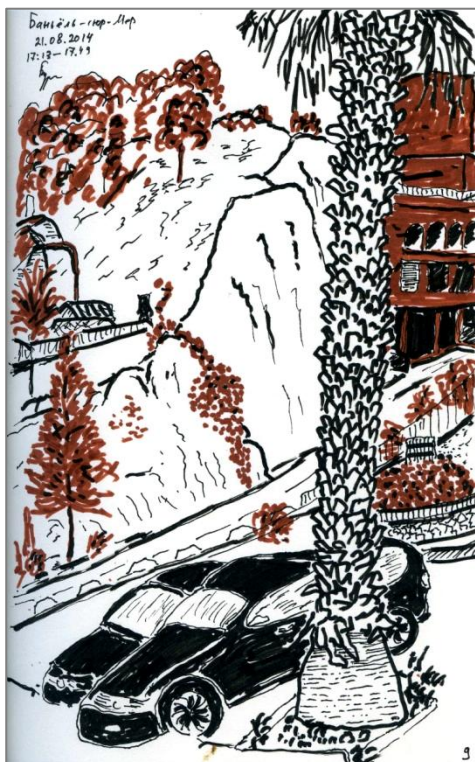
Море и небо, воду и воздух – рисую сангиной.
Из нашей бухточки отплывают лодочки.
Красиво, конечно, но я лишний раз убедился, что мне нравятся горы, а море оставляет равнодушным.
Вода мне показалась слишком прохладной. Говорят, у этих французских берегов ходят морские течения, которые то и дело охлаждают воду.
И с погодой не повезло: даже вымокли под дождём, когда ходили в соседнюю бухту, где по берегу растёкся развлекательно-питательный центр городка.
Хотя что значит «не повезло»?
Не прошло и месяца, и я уже вспоминаю то время и то место, и даже ту погоду с ностальгией.
А там, на южном берегу Франции, грустить не получалось. Во-первых, некогда было. Во-вторых, похоже, французы вообще не умеют грустить, а это заразно. В-третьих, вино, знаете ли, расслабляет.
Так что из нашей бухточки отплывали лодочки очень даже весело.
30 минут.

8. Там же тогда же. 11:20 утра.

И снова внутренний дворик.
У каждого человека есть внутренний дворик, где он отдыхает, возвращаясь домой.
Но сейчас я не дома, я на юге Франции.
Этот дворик будет моим всего лишь шесть дней.
В этой мимолётности есть что-то японское.
В мимолётности, схваченной на бумаге: застыли и облака, и листья деревьев, и стул не сдвинется ни на миллиметр от столика. Ни сейчас, никогда.
В отличие от фотографии рисунок схватывает не столько внутренний дворик отеля, сколько мой внутренний дворик, опуская несущественные подробности и утрируя подробности существенные.
И всё же – зачем лететь за три тысячи километров, чтобы рисовать дворик какого-то отеля в каком-то приморском городке какой-то Франции? Вопрос философский.
Может быть, ответ на него дал Новалис, когда определил философию как «ностальгию, тягу повсюду быть дома»?
Весь мир во внутреннем дворике.
34 минуты.

9. Там же тогда же. 17:13.

Что снится припаркованным машинам?

Не знаю, что им снится, а я хочу поговорить о том, как делаются подобные картинки.

Вся соль – в дрожании руки.

Нельзя, чтобы прямая линия была прямой, а кривая – гладкой.

Рука не дрожит от отсутствия мыслей и чувств.

Когда вещи не хотят с вами разговаривать.

А ведь именно диалог с вещами и происходит в процессе рисования.

Иногда, правда, вещи бывают занудными, или чересчур говорливыми, даже истеричными, или слишком молчаливыми, слишком открытыми, или слишком замкнутыми, строящими из себя бог весть что, или простыми до скуки. Как люди.

Рука дрожит, пытаюсь ухватить суть вещей, которая всё время норовит ускользнуть.

Даже припаркованные машины на рисунке теряют свои плавно-железные формы, пытаюсь ожить.

36 минут.

10. Там же тогда же. 17:55.

Пятая картинка за этот день.

Вот что значит отдых!

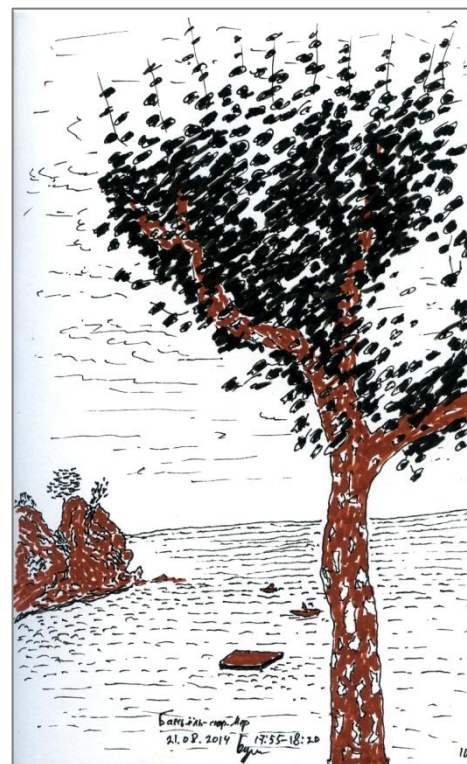
А ещё при рисовании ручкой важен ритм.

Линии и штрихи должны повторяться.

Это довольно занудно и быстро утомляет, но если начнёшь ускоряться или как-то иначе сопротивляться, всё испортишь. Но повторяться, слегка варьируясь, чтобы создать иллюзию плавных переходов. И ещё какую-то другую, уже не природную, иллюзию. Дело в том, что наши мысли и чувства всё время повторяются, они как бы двигаются по кругу, то расширяющемуся, то сужающемуся, то перемещающемуся. Это постоянное, незаметное, даже немножко броуновское движение, а то, что мы принимаем за наши мысли и чувства, – просто всплески в этом движении. Или паузы.

Как во всяком ритме, важнее всего паузы – если где-то штрихи вдруг исчезают, это что-то означает, а вовсе не просто белую бумагу.

25 минут.

11. Там же. 22 августа. 8:40 утра.

В этом внутреннем дворе мы пили вино, ели хлеб и сыр. В таких случаях мне приходит в голову одна и та же мысль: это место, где я больше никогда не буду.

Мысль не совсем точная: год назад, когда мы первый раз бродили по катарским тропам, я тоже так думал, а вот ведь – вернулся.

Точнее сказать – это время.

Из-за этого вещи входят в рисунок какой-то драматической поступью, как шаги Командора. И навечно застывают – как его статуя.

И я заметил, что живое и неживое как бы меняются местами: листья, трава, цветы превращаются в алебастровые завитки, а каменная ваза, двери, окна и даже ящики кондиционеров задерживают дыхание.

Может быть, искусство – это шаги Командора?

Ну что за мысли приходят в голову во французской глуши и праздности! Не хватает только Дон Жуана, а лучше – Донны Анны на балконе. Но она в Испании.

20 минут, завтрак, и ещё 21 минута.

12. Там же тогда же. 16:12.

Вот спросите меня: как я выбираю, что рисовать чёрной тушью, а что сангиной? И я не отвечу.

Ну вы знаете эту байку про бамбук: все китайские художники рисовали бамбук чёрной тушью. А один взял да и нарисовал красной. Где ты видел красный бамбук? – возмутились коллеги. – А где вы видели чёрный? – парировал он.

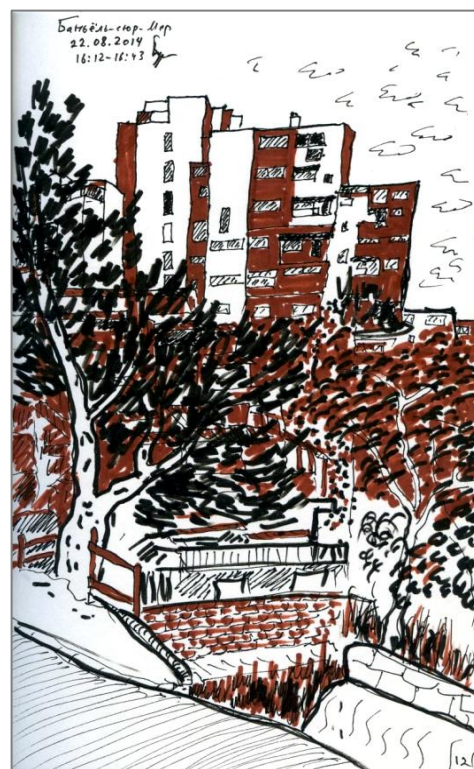
Особую пикантность этому анекдоту придаёт то, что на самом деле есть и красный бамбук *таочжи* 桃枝, и бамбук с чёрными листьями *таосычжу* 桃絲竹.

Значит, речь шла о чём-то другом, о чём говорил ещё Лао-цзы: «Пять цветов притупляют зрение».

Из внутреннего дворика дорога поднимается на холм и идёт по высокому берегу моря мимо павильонов для дегустации вин, мимо маленькой виллы на самом краю обрыва, который облюбовали чайки. Спускаемся в город, где уже звучит музыка.

Кстати, другое название сангины – *красный мел*, а где вы видели красный мел?

31 минута.

13. Там же. 23 августа. 6:53 утра.

Вот, казалось бы: в этом внутреннем дворике уже нечего рисовать.

Но это только кажется, пока не начнёшь...

Строго говоря, рисовать можно всё что угодно.

Всё равно рисуешь не то, что видишь, а что-то другое.

Красивый вид даже мешает, отвлекая. От чего?

Художники часто так делали – намеренно рисовали не то, что положено: проститутки, помойки...

Ван Гог нарисовал пустой стул.

«О, эти пустые стулья!» — горестно восклицал он.

Вчера после ужина долго не уходили из города – смотрели и слушали, как на сцене, устроенной в окружении ресторанчиков, играет какая-то французская группа. Уже поднимались по дороге, а музыка всё играла, и скульптуры Патриции Роулэнд, взявшись за руки, всё танцевали и танцевали каталонскую сардану на набережной, затерявшись в разноцветных огнях.

Сегодня едем в Испанию. Музей Дали в Фигейросе, замок Галы в Пуболе и два городка: Бесалу и Кадакес.

36 минут.

14. **Кадакэс**, Испания. 24 августа. По фотографии 23 августа.

Неудавшаяся картина.

Потому что там на балконе стояла такая женщина,

в таком жёлтом платье,

так глядевшая вдаль...

Местами вместо асфальта и плитки в Кадакесе просто выступающая часть скалы, блестящая от бесчисленных подошв.

И я не мог понять: эта женщина здесь живёт или туристка на балконе отеля?

Все дома в Кадакесе белого цвета, так что даже немного слепит глаза.

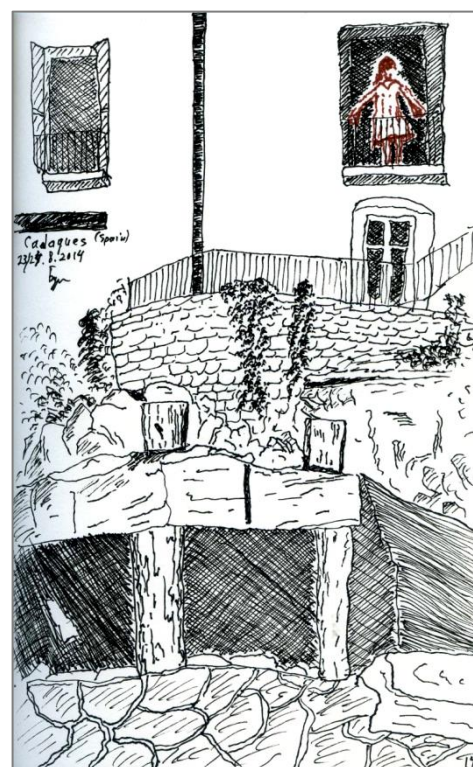
Наверное, она здесь живёт, но только что вернулась из дальней поездки и смотрит на город – всё тот же?

На море вместо белых барашков волн – белые яхточки и катерки.

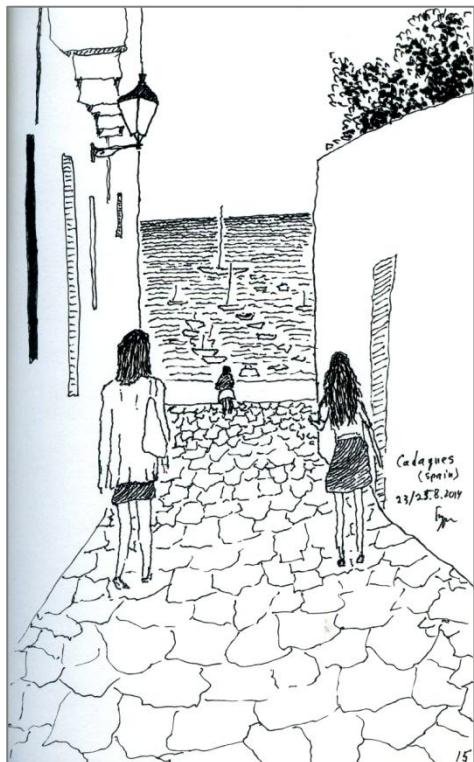
А может быть, никуда не уезжала, а наоборот, ждёт, что кто-то вернётся, приплывёт на белой яхте.

На каменных плитках мостовых уселся голубь и разлеглись собаки.

Жёлтое платье слегка дрожит, как свет маяка.

15. Там же тогда же. 25 августа. По фотографии 23 августа.

Куда-то сангина делась.

Это потому, что всё внимание — на девушках, идущих к морю.

Или потому, что Кадакес — белый город.

Или потому, что из всякого правила должно быть исключение.

Или потому, что Ван Вэй сказал: «Простая тушь превыше всего».

Или потому, что на этот раз внимание привлекли не красочные картины Сальвадора Дали, а его эротические рисунки пером.

Или потому, что девушки уже давно дошли до моря, уже давно вернулись домой.

Или потому, что яхты уплыли.

Или потому, что лето стало осенью, а потом станет зимой.

Или потому, что девушки выйдут замуж, нарожают детей, состарятся и умрут.

Или потому, что фонарь загорится, когда наступит ночь, и погаснет, когда наступит утро.

16. **Бесалу**, Испания. 25 августа. По фотографии 23 августа.

Бесалу не изменился. Всё то же скромное очарование средневековья в неповторяющемся рисунке мозаики домов и тротуаров. Никогда не повторяющемся.

После Испании мы уехали с моря.

По дороге — Перпиньян с дворцом королей Майорки.

А потом — страна катаров.

Катарские крепости: Монсегюр, Керибюс, Пейрепертюз, Пюилоран, Агилар, Арк.

Знаменитый Ренн-ле-Шато и прелестный Ренн-ле-Бен.

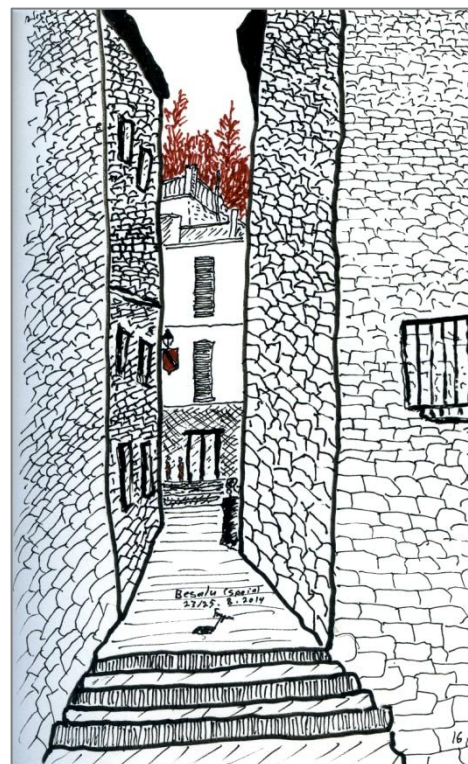
Ущелье Галамюс и гора Бюгараш — «место силы».

А после всего этого — Фуа (где *фуа-гра*) и Тулуза.

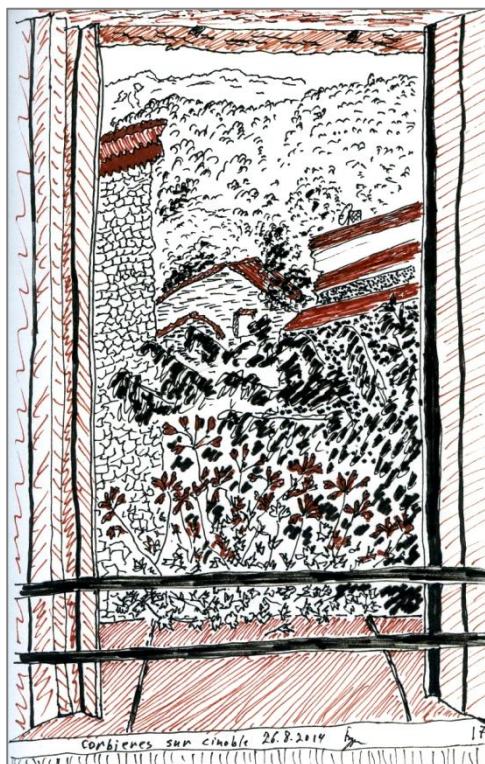
Я только перечисляю эти названия, потому что писать о них — нужна книга, а не короткое эссе.

А перечисляю для того, чтобы желающие могли «погуглить».

Уверяю — узнаете много интересного и неожиданного: от кельтских мифов и древнеримских артефактов через историю христианства и его ересей до поисков чаши Грааля и заморочек гитлеровского Аненербе.

17. Кюбьер-сюр-Синобль. 26 августа. Франсуаз и Марко.

Это была наглость – приехать сюда, не зная ни слова по-французски, кроме «бонжур» и «мерси», и толком не зная английского, который тут знают, но не любят. Наша хозяйка, Франсуаз, подготовилась лучше нас: её планшет переводил с французского на русский и обратно с голоса. Перед ужином она принесла что-то вроде игрушечных гуслей и бумажки с нотами и текстом песен по-русски. Сначала мы решили, что не справимся с музыкой, но оказалось, нужно просто подложить бумажку под струны и щипать их там, где нарисованы кружки нот. Мы спели «Вот кто-то с горочки...» и «Мороз». А потом что-то похожее звучало в записи по-французски. Франсуаз записала нам CD с этими народными французскими песнями. Ещё она рассказывала, как они с мужем, Марко, создавали этот отель в старинном доме, да ещё после пожара. Думаю, это была типичная французская деревенская история. Франсуаз занимается гостями и бухгалтерией, а Марко кудесничает на кухне, выходя к гостям, чтобы раскланяться после главного блюда.

18. Там же. 27 августа. Пара слов о катарах.

Не знаю, проходят ли сейчас в школе альбигойские войны, но в моё время проходили.

Это был крестовый поход не на восток, за Гробом Господним, а на запад – против христиан.

Катаров называли «добрые люди»: «добрые мужчины» и «добрые женщины».

А своих наставников они называли «совершенные».

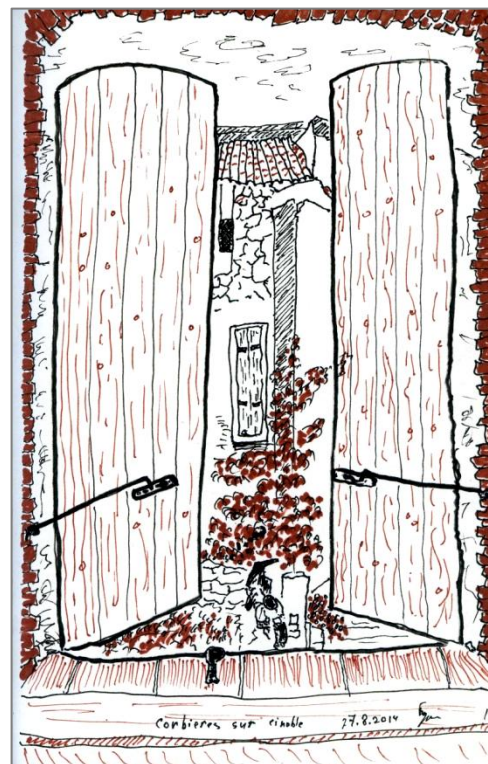
Это была христианская религия поиска, за что и была объявлена ересью римско-католической церковью.

А французскому королю просто хотелось заполучить лакомый кусок – графство Тулузское, где растили виноград, пили вино и внимали песням трубадуров.

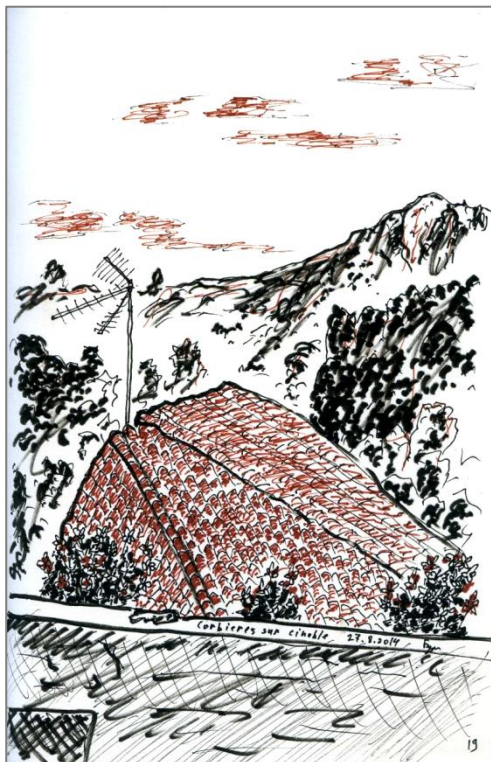
Катаров сотнями сжигали на кострах. Специально для борьбы с ними была создана инквизиция.

А сегодня для туристов организованы маршруты под названиями «Страна катаров», «Цитадели отступников веры».

Тропы катаров отмечены жёлтыми, синими и охряными полосками.

19. Там же тогда же. Я написал стихотворение, которое называется "КАТАРЫ".

В последней дымке уплывающих ветров
Они бродили среди медленных холмов,
Искали камень и цветок с другого края.
Дымилось солнце, за горою догорая.
Срывалась в пропасть белая вода.
Карабкались на горы города.
Искали камень и цветок, или металл.
И солнца луч по следу их бежал.
Металл звенел и пел, и ржали кони.
В погоню, за погоней, о погоне...
Горел костёр, горел костёр в тумане ночи,
И ночи становились всё короче.
И падали-взлетали небеса,
И падала на камни не роса.
А поутру петух кричал на крыше,
Приветствуя орлов, чтоплыли выше.
А по двору ходили грустно куры,
И где-то в замке пели трубадуры:
«О донна, донна, донна, донна сердца!»
Конец истории. Захлопнутая дверца.